

НАШИ ТАМ

РУСЛАН ШАБЕЛЬНИК
СЛЕДЫ
АТОМНЫХ БОГОВ

РУСЛАН ШАБЕЛЬНИК

СЛЕДЫ

А ТОЛЬКО НЕ СЛОЖИТСЯ

АТОМНЫХ БОГОВ

The image shows a dark, moody landscape, possibly a field of tall grass or reeds, with a large, glowing yellow title 'АТОМНЫХ БОГОВ' (Atomic Gods) overlaid in a serif font. The background is dark and textured, suggesting a night scene or a desolate environment.

Руслан Шабельник
Следы Атомных богов

© Шабельник Р., 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

Часть первая

Глава 1

Глаза бога закрывала повязка. Ее истрепанный край струился по щекам, огибал большой нос с горбинкой, чтобы исчезнуть в сером бетоне здания, вместе с остальной частью головы. Соседний барельеф изображал то же лицо, но каменная повязка уже скрывала рот.

Инспектор Всеволод Орсон Владимиров задрал голову, сиюсь рассмотреть название культа или как минимум имя божества. Нет, над серыми лицами, на этот раз вдавленный в стену, вился девиз. Угловатые эльфийские руны. Владимиров был не очень силен в языке остроухих. «Во имя» и «клоака» – вот и все, что удалось прочесть. Интересно, что же между...

Инспектор опустил взгляд. Труп лежал между двумя каменными ликами божка, один из которых ничего не видел, второй видел, но не скажет. По логике, недоставало третьего, с закрытыми ушами, но уши здешнего бога, как и иные части тела, скрывались в сером бетоне стены.

Подошел Ульрике – младший инспектор.

– Ну? – Владимиров огляделся в поисках места, где можно было бы присесть. Проклятый вес, Марта – его последняя жена, всю плешь проела, требуя, чтобы он начал худеть, собственно, поэтому и развелись... или нет. Теперь, по прошествии полутора лет, Владимиров почти готов был признать, что Марта была не так неправa. Во всяком случае, проклятая одышка в последнее время досаждала все чаще. И потеешь, как молокосос на первом свидании.

– Вон. – Ульрике указал на каменную скамью у входа в храм.

Владимиров внимательно взглянул на подчиненного – не насмехается ли? Нет, глаза Ульрике, как всегда, были серьезны, взгляд сосредоточен. Ничего, мальчик, поживешь с мое, тоже будешь искать лавочки.

В последнее время Владимиров все чаще замечал за собой привычку поворчать, свойственную пожилым людям. С этим надо

что-то делать, ему нет и пятидесяти – рановато записываться в старики.

Опустившись на скамью, Владимиров испытал почти божественное наслаждение. А ведь идти от участка всего ничего. Нет, права была Марта, с его весом надо что-то решать. Может, зарядку какую или есть меньше?

– Пока докладывать, собственно, нечего. – Ульрике не стал присаживаться – эх, молодость, молодость, когда-то и он... – Никто ничего не видел, как всегда. А если видел... – младший инспектор взглянул на изображение богов, – не скажет.

Владимиров покивал – как всегда.

Убитым был мужчина, на вид около тридцати, крепкий, длинные, как у женщины, красивые волосы разметались по мостовой, подобно нимбу обрамляя обращенное к небу лицо. Голубые глаза затуманены пеленой смерти. На остальное лучше не смотреть, то, что у человека внутри, в отличие от выставленного напоказ, редко бывает приятным.

– А эти? – Небрежно махнув рукой, Владимиров указал на храм.

– Половина служителей культа ослеплена, вторая – вырвала себе языки, так что... – Ульрике пожал плечами.

М-да, на что только люди не идут ради... а, собственно, ради чего? Вон и у Ульрике блестит на лацкане шестиконечный значок какого-то культа. В молодости и он – Владимиров – баловался всеми этими собраниями, службами, ритуалами, но так и не отыскал религию по душе. Если не найдет и если верить почти всем религиям, эта самая душа после смерти отправится в ад. Причем у каждого культа – свой. Интересно, ад для него будет общий или душа начнет страдать попеременно, скажем, по месяцу в каждом... или по году.

– Там из гильдии пришли, хотят забрать тело... если можно, – не слишком уверенно закончил Ульрике.

– Откуда они узнали?

– Так это, у портных везде свои уши.

Все верно – сорочки и костюмы, панталоны и плащи, скидки к праздникам и дню рождения – у гильдии портных везде свои уши – одеваться нужно всем, а некоторым еще и красиво, и модно. Поговаривают, эти уши тянутся даже во дворец герцога... и надо же такому случиться, чтобы убитый оказался мало того что из этой самой гильдии, так еще и не последним в ней человеком. М-да, теперь с

него, с Ульрике, с комиссара Кареллы не слезут, пока они не отыщут убийцу или кого-то достаточно похожего на него. Хотя, видит бог, хоть этот слепонемой, хоть любой другой из культов Варосса, хоть сами Атомные, он, они и так делают все возможное.

Убитый портной был десятым, во всяком случае из тех, что знал Владимиров. В различных концах города, мужчины, женщины, примерно одного возраста – первое, что объединяет, ну и еще способ убийства – перерезанное горло и развороченные внутренности. Деньги, часы и иные ценности на месте, во всяком случае тогда, когда полиция успевала появиться раньше местных нищих. И все, пока все.

Первой убитой была Энн Николз – проститутка, работавшая на стыке кварталов красильщиков и стеклодувов, обнаружена там же, в одной из подворотен. Потом были Элизабет Страйд, Кетрин Эддоус – обе прачки, Валерий Лоси – учитель-гувернер у детей лорда Никитенко. Томас Крим – карманник, Жордж Ю-чу – стряпчий, Вениамин Бейли Левицкий – посыльный, брат Тук – младший служака ордена Зуктов – настоящего имени так и не удалось выяснить, Мансуре Сейф – актриса варьете. И вот теперь – член гильдии портных. Стилизованное изображение катушки ниток с воткнутой в нее иглой блестело на лацкане сюртука. Однобортного, но с двумя рядами пуговиц и отворотами – по последней моде, из дорогого сукна – по моде неизменной.

– Пусть забирают, – кивнул Владимиров, он уже почти отдышался. – Как опознают, ну и иные подробности, кто видел последним, когда, жена, дети, любовники, враги, сам знаешь, сразу ко мне. Есть одна задумка.

– Пойдете к мозгоедам? – тут же нашелся не в меру догадливый младший инспектор.

– Не к мозгоедам, а в храм Общих Знаний, к тому же не уподобляйся всем этим городским сплетникам, что бы ни думали обыватели, мозги они не едят... ну, или едят, но не так часто... и не человеческие.

– Или хорошо скрывают это.

– Или хорошо скрывают, – легко согласился Владимиров.

Глава 2

– Записывайтесь в славный, дважды краснознаменный полк барона Фуке. Трехразовое питание, стабильное жалованье и штаны с красными лампасами! Дамы млеют от одного вида лампасов, ни одна не устоит! К тому же, милостию славного герцога Гуго VI, полку дарована привилегия беспроцентной реституции вражеских деревень численностью до ста дворов.

Инспектор Владимиров улыбнулся, надо же – реституция – слова-то какие. Ввиду войны ученый термин, который прикрывал обыкновенный грабеж, выучили почти все.

– Записывайтесь, записывайтесь в славный полк графа Сигоньяка. Взятие Пуатье – три дня на реституцию, осада Ля-Роша – ни одного убитого в полку и день на реституцию, битва при Валомбре – безвременная реституция поверженных противников. Эти и еще множество побед прославили полк...

Владимиров бы поспорил насчет подобной славы, но вербовщикам виднее, как завлечь под свои знамена свежих новобранцев. Впрочем, сейчас, когда война продолжалась почти год, в Вароссе им вряд ли что-то светит. И мужчин на улице было заметно меньше женщин, ибо периодически, во исполнение гражданского долга и указа герцога, солдаты хватали всех способных слышать команды прямо на улицах; не спрашивая, ставя под синие с белым знамена герцогских полков. Так что мужчины на улицах города либо были членами влиятельных гильдий, способных откупиться от притязаний правителя, либо давно вышли из призывного возраста.

Неожиданно сверкнула молния, ударил гром, и почти сразу из серых густых облаков полил сильный дождь. Прохожие – кто кинулся под навесы, а кто, нахлобучив шляпу и подняв воротник, ускорил шаг. Владимиров относился к последним, хотя и подумывал о том, чтобы присесть и отдохнуть. Проклятая одышка! Вербовщики, вместе с барабанщиками и писарями, дружно полезли под помосты, на которых выступали до этого.

В последнее время погода менялась все чаще. Несколько раз в стенах города даже выпадал снег. Мокрый и крупный, потом он долго таял, оставляя за собой грязь и слякоть. И ежесубботный дождь – нет, он по-прежнему лил раз в неделю, но уже мог идти в любой день, а не только по субботам – впору переименовывать. К тому же иногда жиденские осадки и дождем-то назвать было трудно.

– Атомные боги, куда мир катится! – говорил попрошайка – грязный старик у стены одного из храмов. Ног у старика не было, вместо них – серый куб, на вид каменный, из которогоросло сухое тело.

И слова нищего переплелись с мыслями Владимирова. Все верно – куда мир катится?

– Славим, славим славного Валаала!

Того, кто повелевает сущим и несущим.

И судьбой, и удачей, и мухами...

– Мухами?

Широкие двери того же храма, где сидел нищий, распахнулись, на улицу – с песнопениями, не торопясь потянулась процессия. Впереди – две девушки, видимая часть полуобнаженных тел, включая ступни и лица, заляпана черной краской, длинные волосы, напротив, выбелены до неестественного снега. За ними – священнослужители неопределенного пола и возраста, ибо сутулые тела укутаны полосами длинных узких тряпок, наподобие бинтов.

– Валаал – создатель мира!

Валаал – даритель жизни!

Валаал – хозяин смерти!

Большинство титулов принадлежало и Атомным богам, впрочем, те не отличались ревностью, милостиво позволяя многочисленным культам исповедовать свое учение.

Инспектор слегка ускорил шаг, без труда обогнав процессию.

– Покайтесь, покайтесь, грешники, ибо грядет конец мира! – истошно завопили из ее середины.

Да, да, как-нибудь, обязательно...

Храмовая улица потому и называлась храмовой, что большую часть ее занимали храмы. Различных божеств – от Валаала до безымянных эльфийских. Различных размеров – от узкого со шпилем почти до серых туч храма Суса Единого до разлапистого зиккурата Кабы Черного. И возле каждого – нищие, попрошайки, хотя по долгу службы Владимиров знал, что не такие они и нищие.

В середине улицы разместился храм Общих Знаний – место интереса инспектора.

Глава 3

– Во-от, значит, сперва пропала статуя святого Тахла, мы, значит, расстроились, а то как же не расстроиться: статуя дырку в полу закрывала, ну а потом уже монстра завелась.

– Монстра?

– Ага, – радостно закивал брат настоятель, кажется, он так себя назвал, Даниил не особо забивал голову запоминанием всех этих титулов в многочисленных храмах Варосса. – Мы так думаем. – Брат настоятель почесал стриженный затылок. – Эта же монстра статую и сожрала.

– Возможно, вполне возможно...

С причинно-следственной связью у парня было так себе. Минуту назад он же говорил, что монстр появился после пропажи статуи. Храм был из небогатых – невысокое серое строение, затертое более именитыми соседями, такими как храм культа Гериона и святилище Мелитты. К тому же брат настоятель не производил впечатление особо умного человека, во всяком случае при знакомстве. Но Даниил не первый год жил в этом мире, если верить адептам культа Дхьяны – восьмом из девяти миров, а если верить трясунам-гоутамистам – первом из двенадцати. Словом, Даниил понимал: если парень пролез наверх, пусть и в захудалом храме, он далеко не так прост. А манеры деревенщины и речь неуча – для усыпления бдительности недругов, каковых в любой организации, будь то храм или контора фирмы, хоть пруд пруди.

– Брата Уинкота насмерть перепугала, а брата Левайна вообще сожрала, – между тем продолжал живописать ужасы монстра настоятель. – Истинно, истинно твердят пророчества и святыне свитки, близится Конец Света!

– У вас есть свидетели? – Даниилу почти удалось скрыть разочарование в голосе. Не то чтобы часто, но бывало – монстры, чудовища, справиться с которыми его нанимали, на поверку оказывались плодами не в меру буйной фантазии и многолетнего воздержания, помноженными на злоупотребление горячительных напитков некоторых монахов, или храмовников.

– А то как же! – Рука брата настоятеля дернула витой шнур, конец которого болтался у его правого плеча, а начало терялось в темноте

сводов.

За спиной у Даниила что-то звякнуло, скрипнула дверь.

– Пригласи брата Уинкота! – крикнул настоятель. Дверь снова скрипнула.

Да, храм Апокалиптиков был не из богатых. Даниил попытался вспомнить, встречал ли он подобные храмы в иных местах, где приходилось путешествовать. Кажется, нет. В таком случае культ, возможно, из местных, варосских. Вопрос был очень важен, ибо от него зависело материальное вознаграждение его – Даниила. Здесь, как говорится, главное – не продешевить.

– Вызывали?

Даниил настолько погрузился в вычисления, что пропустил момент, когда рядом с ним возник худой храмовник в сером, как все они, балахоне, со стриженным, опять же как у всех, затылком.

– Да, брат. Расскажи нашему, значит, гостю, каков из себя монстра.

– Страшный! – взвизгнул худой, да так, что Даниил вздрогнул. – Глазищи красные, горят, а из пасти слюна капает. А еще когти, рога и копыта!

Даниил скосил взгляд на фреску за спиной брата настоятеля. На ней было изображено красноглазое рогатое создание с козлиными ногами и когтистыми руками. Кого-то в сером балахоне оно засовывало в клыкастую, исходящую слюной пасть.

– Как заорет: «Высосу твою кровь!»

– Он еще и разговаривает? – заинтересовался Даниил.

– Ну, не то чтобы, – смутился худой очевидец, – но мог бы заорать.

– Все ясно. – Даниил сплел пальцы перед грудью и тяжело вздохнул. – Это *Nosferatus vulgaris*. Весьма коварный и – главное – прожорливый представитель рода Упереус. Вам повезло, что я был поблизости и смог прибыть достаточно быстро. В полнолуние *Nosferatus* входит в полную силу, и тогда... слышали про монастырь Ньюбургский?

– Нет, – дружно замотали головой братья.

– У них также завелся *Nosferatus*. Погибли все, включая собак, кошек и одного монастырского мерина, рыжего. Хорошо, ваш покорный слуга, – Даниил скромно склонил голову, – успел вовремя.

– Так это... – настоятель вновь поскреб затылок, отчего его маленькие глазки превратились почти в щели, – вы ж говорили – все

умерли, к чему успели-то?

– К тому, что зараза могла перекинуться на других. Умерщвленные *Nosferatus vulgaris* по прошествии трех дней сами становятся упереусами.

– И собаки?

– Собаки – особенно. Ловить трудно. По счастью, я, как уже говорил, вовремя прибыл в означенную обитель и всадил всем погибшим осиновые колы в сердца, естественно, после соответствующего ритуала.

– И собакам?

– И собакам. А осина, особенно освященная в купели святого Телемаха и благословленная в самом Атомном храме Клапрота, – осина нынче дорога.

Братья согласно закивали.

– Конец Света! Два раза по тысячу лет тому, было уже такое перед Великим Потопом...

– Осина подорожала? – заинтересовался Даниил.

– Э-э-э нет, но твари, один вид которых вызывает ужас и заставляет члены неметь, ненасытные до крови людской твари покидали чертоги Преисподней, дабы... э-э-э... выползти наружу, под солнце, значит. Погода сойдет с ума, снега станут идти беспрестанно, а влага земная выйдет из берегов, дабы затопить грешников. Лишь истинно верующие – апокалиптики спасутся в катаклизме, значит, и понесут слово истины далее.

Похоже, братьев понесло, но Даниил важно кивал каждому слову.

– С вас пять золотых.

– Чего! – опешил настоятель, брат же Уинкот просто громко икнул.

– Считаем. – Даниил вытянул специально припасенные для таких случаев карманные счеты. – Освященная осина – раз. – Костяшка переместилась по проволоке. – Защитные амулеты – два. Вы же не хотите, чтобы зараза распространилась дальше. Алхимические ингредиенты для привлечения монстра – три; серебряный меч с одноразовым заклятием, а именно: само заклятие, заточка, шлифовка меча, нанесение охранных рун – четыре. Ну и сама, так сказать, работа – пять. – Пять костяшек были сдвинуты, подкрепляя слова.

– Пять, не знаю. – Брат настоятель движением руки отослал икающего свидетеля. – Мы, значит, смиренные монахи, посвятившие

себя молитвам и взявшие обет бессребреничества.

– Тем более вам не нужны деньги!

– А еда! А одежда! А энергия из Атомного храма! К тому же монстра сожрала пока только брата Левайна, а он все равно никому не нравился, выпивал...

Похоже, идея расстаться с пятью токенами пугала брата настоятеля значительно сильнее монстра. Контракт был готов уплыть из рук.

– Четыре! Но только для вас и из уважения к вашему... э-э-э... богу, ну и обету бедности.

– Три.

– Три? Но это... я же объяснял – осина, амулеты, алхимия...

– Слыхал, в городе объявился Гарольд из Ровении по прозвищу Серый Волк – прославленный охотник...

– Гарольд – шарлатан и выскочка, к тому же с дурацким прозвищем, волки и так серые...

– Послушаем, значаца, его, сколько он запросит за монстру...

– Три так три, – поспешил согласиться Даниил. – Но имейте в виду, точнее я смогу сказать лишь при более близком, так сказать, знакомстве с... гм... объектом, возможны дополнительные расходы...

– Три, и ни токена больше, или я посылаю за Гарольдом.

– Ну хорошо, хорошо, – утешало, что он не ошибся в настоятеле, тот действительно не случайно оказался на своем месте, – ведите, где там ваша монстра. Но имейте в виду – один золотой вперед!

Глава 4

Опустившись в щель, токен запрыгал внутри стены, по пути слегка позванивая. В отличие от большинства других в храм Общих Знаний так просто не войдешь. Только после небольшого подношения в виде медяка кусок стены отъезжал в сторону, открывая темный проход. В конце его – инспектор Владимиров помнил – несколько дверей, ведущих в комнатухи-предбанники.

Так и есть.

Он потянул ближайшую на себя, вошел, заперся изнутри. Атомные боги, хоть бы какую скамейку поставили! Прямо перед ним, на стене, размещались четыре небольших колеса. На одном по ободу – буквы,

на трех – цифры и по стрелке под каждым, нарисованной белой краской на стене. Когда человек посещал храм впервые, требовалось придумать свое расположение колес, после чего сделать приличное пожертвование. Храмовники якобы запоминали каждого именно по колесам, и в следующий раз мзда была заметно меньше.

Однажды инспектор Владимиров уговорил друга сказать ему свой личный код, после чего пошел в храм, пытаясь выдать себя за другого. Ничего не вышло – храмовники отказались принимать инспектора, из чего он сделал вывод – все дело в имени и внешности, а колеса так – для отвода глаз.

– Всеволод Орсон Владимиров – полиция! – громко произнес он, после чего поставил колеса в универсальное для полицейских положение. Официальные запросы в храм оплачивало герцогство, хотя и не особо приветствовало, полагая подобные траты пустым расточительством. Если все могут решить храмовники – зачем полиция?

Щелкнул замок, стена с колесами отошла, Владимиров с трудом протиснулся в образовавшуюся щель – для кого они их строят? Для низкоросликов! За дверью сидели служка и один из большеголовых.

Служка указал рукой за спину:

– Вам туда.

Большеголовый промолчал.

Храмовники Общих Знаний выкупали детей у родителей или из приютов еще младенцами, прямо с этого возраста начиная пичкать их своими знаниями – древние и очень опасные ритуалы. Из сотни в относительно здравом уме к совершеннолетию оставался один, максимум двое. Что случалось с остальными – молва умалчивала, не знал и Владимиров, хотя ему вроде по должности знать положено. Но вот этот один или двое становились большеголовыми. Нет, размер головы был ненамного больше обычного, но дело не в этом. Человек словно переставал быть человеком. Вроде он здесь и вроде нет. Вроде слышит и видит тебя, а никак не реагирует.

Следующий коридор, в противовес первому, был ярко освещен и – слава Атомным богам – широк, стены украшали раскрашенные барельефы. Чего здесь только не пестрело – фигурки людей и животных, дверги, центаврийцы, растения, надписи на человеческом, эльфийском и десятке незнакомых языков... В который раз инспектор

Владимиров задался вопросом – зачем это все? Соискатель, пришедший в храм за ответами, вряд ли задержится, дабы полюбоваться изяществом лепки, праздные зеваки сюда не добираются, тогда – для чего? Наверняка подобные украшения обошлись храмовникам недешево. Пройдя и этот коридор, Владимиров оказался в следующей комнате, на этот раз попросторнее. Большеголовый – это был старик: редкий седой пушок смешно обрамлял огромную лысину, ни дать ни взять одуванчик, – скрестив ноги, восседал в стенной нише, рядом с ним стоял толмач, тоже старик, но не лысый и помоложе.

– Задайте ваш вопрос, – нараспев произнес толмач.

Еще поговаривали, что они все в этом храме – кастраты. Инспектор ухмыльнулся.

– В чем смысл жизни?

Толмач на некоторое время замер, закрыв глаза, большеголовый и не открывал их.

– Ответ на данный вопрос подразумевает формулировки и понятия, что находятся вне вашего уровня знаний, – через некоторое время продекламировал старик, у которого с большеголовым было что-то вроде невидимой связи: тот – думал, этот – говорил. – Задайте правильный вопрос.

Что ж, и на этот раз не получилось. Всякий раз, посещая храм, инспектор спрашивал о смысле жизни и всякий раз получал одинаковый ответ. Ничего, когда-нибудь он натолкнется на большеголового, который ему ответит. А пока придется задать тот вопрос, с каким пришел. Точнее, не совсем вопрос.

– У меня задача. – Владимиров привычно поискал, куда бы опустить грузное тело, и ожидаемо не нашел – в храме Общих Знаний не предполагалось задерживаться надолго.

– Введите данные, – отвечивал толмач.

– Десять убийств, десять жертв... – Он перечислил все, что знал об убитых: имена, род занятий, время преступлений, даже рост и одежду, в которой они были убиты.

– Данные приняты, – когда инспектор закончил, произнес храмовник. – Ваш вопрос?

– Что общего между ними? Связь, единая нить всех этих преступлений.

– Возраст и способ убийства, – почти тут же ответил толмач.

– Это я и без вас понял, еще?

Толмач закрыл глаза, на некоторое время впав в транс.

– Ответ на данный вопрос требует времени и размышлений.

Владимиров вздохнул – чего-то подобного он и ожидал.

– Сколько времени?

– От нескольких часов до бесконечности.

Ну вот – сходил, называется, влетит ему от начальства, когда увидят счет из храма.

– В случае нахождения ответа вы будете поставлены в известность. Задайте следующий вопрос.

– Нет больше вопросов, – буркнул Владимиров, поворачиваясь к выходу.

Глава 5

У выхода из храма Общих Знаний инспектора Владимирова ждал Ульрике. Молодой человек нетерпеливо топтался, смешно переступая с ноги на ногу. Владимиров с завистью посмотрел на него – сам он не то что топтаться, уже стоять с трудом мог. Атомные боги, может, в Двор Чудес податься, пусть дверги приделают ему механические ноги, а лучше – колеса, по два на каждую, а еще лучше желудок поменьше.

– Удалось что-нибудь узнать? – Ульрике кивнул на храм.

– А-а. – Инспектор махнул рукой. – Ты чего здесь?

– Велели отыскать и во дворец герцога. Причем срочно, даже скоростной экипаж нанять разрешили.

М-да, быстро же работают портные, не иначе как самому Советнику настучать успели. Лучше бы шили с такой скоростью.

– Комиссар уже выехал, – закончил младший инспектор.

Дворец герцога располагался в центре города. Прадед нынешнего герцога – Гуго III Красивый обнес его стеной, для чего сровнял несколько городских кварталов, так что вот уже третье поколение любоваться архитектурными изысками дома правителей можно было только на черно-белых дагеротипах, продаваемых на торговой площади. Во всяком случае, рядовому обывателю.

По долгу службы инспектор Владимиров несколько раз был допущен за стену и даже имел сомнительное счастье общаться с его светлостью герцогом Гуго VI Могучим.

Экипаж они оставили у воротной башни. Стражники, несмотря на парадное одеяние и совсем уж нелепые алебарды, профессионально обыскали полицейских, после чего препоручили их парочке офицеров внутренней стражи. У этих алебард не было, но имелись пистолы с полированными от многих прикосновений рукоятками, пока, по счастью, заткнутые за пояс, и короткие рапиры – несмотря на изящество гард, отнюдь не церемониальное оружие. Герцогство вело войну, и повсеместно, а во дворце особенно, опасались голитинейских шпионов.

Подходы к дворцу представляли собой настоящий лабиринт, что в случае прорыва врагов за стену задержало бы наступление. Хотя, по мнению Владимирова, это же осложняло защитникам работу при обороне стен. Впрочем, он не был силен в фортификации.

Младший инспектор, впервые попавший за стену, удивленно вращал головой.

Вот и вход – резные двустворчатые двери. Девиз на них извещал: «Стоять крепко!» – предлагая каждому вкладывать в словосочетание свой смысл.

Внутренняя стража препоручила их дворцовой страже, но, перед тем как войти под своды, они были вторично обысканы.

Отец нынешнего правителя – герцог Гуго V Обильный, помимо унаследованного отсутствия фантазии по части имен наследников, имел законную жену и любовницу – как и положено. От законной жены родился один сын – нынешний герцог, от любовницы – пятеро детей, из них трое – мальчики. Не успело еще тело Гуго V остыть, как его вдова тут же сплвила любовницу в монастырь к Атомным богам, где та вскорости благополучно преставилась, говорят, не без помощи доброжелателей, а бастардов, не мудрствуя лукаво, умертвила. Нет, не сама и не сразу. Один выпал из окна, после ночной пирушки, второй не вернулся с охоты, сестры просто сгорели, вместе с замком – подарком папаши-герцога. Лишь старшему удалось скрыться и найти пристанище в соседнем герцогстве – Голитинейшском – вечном противнике.

Герцогиня-регентша требовала выдать незаконнорожденного, но герцог Голитинейшский послал соседку куда подальше. Тем более что вскоре беглец сочетался узами брака с одной из местных принцесс. По большой любви, нет – непонятно. Говорят, невеста отмечена Атомными богами, но у всех свои вкусы.

Надо сказать, вдова недолго горевала, сменив полдюжину фаворитов, в конце концов остановилась на красавце графе де Бофоре. Так как сыну – герцогу Гуго VI, тогда еще не «могучему», едва исполнилось семь лет, парочка стала полновластными правителями Варосса и прилегающих земель.

– Инспектор, – отвлек от мыслей Ульрике, судя по дрожи в голосе слегка оробевший.

– Чего?

– А этому, ну, Советнику, сколько раз положено кланяться?

О, Атомные боги, это все, что его волнует!

– Один. – Он хотел добавить, что и этого тому много, но, покосившись на стражников, благоразумно промолчал.

Любовники правили, наслаждаясь друг другом, преклонением подданных и богатством, и как-то так получилось, что проглядели тот момент, когда юный герцог вырос. Мало того что вырос, но обзавелся своим штатом приближенных, среди которых особенно выделялась маркиза Анжелика де Верней. На пять лет старше, она тем не менее сумела околдовать, более того – влюбить в себя молодого герцога, чем, естественно, вызвала нелюбовь герцогини-регентши.

Не без помощи фаворитки Гуго VI забрал власть в свои руки, временщик де Бофор вовремя и благоразумно сбежал, мамаша еще некоторое время повыступала, пока не была отправлена в монастырь – тот самый, в который она несколькими годами ранее заточила любовницу мужа.

А при дворе, прочно и надолго, обосновалось многочисленное семейство де Верней. Во всяком случае, пока – прочно и, как они надеялись, надолго, но ничто не вечно под Божьей Пеленой.

Огромные двери в зал для аудиенций с гербом герцогства и неизменными стражниками. Снова передача их с рук на руки, и снова обыск. Наконец двери оказались распахнуты, Владимиров ступил под высокие своды, младшего инспектора отчего-то не пустили.

Первое, что Владимиров увидел, – комиссара Кареллу, точнее, его спину, непривычно согнутую в полупоклоне.

– Пока наш правитель – его светлость Гуго VI мужественно проливает свою кровь на полях сражений против коварных захватчиков, вы, уважаемый комиссар, допускаете подобное в городе, и не в каком-нибудь, а в столице герцогства. Только массовых убийств нам не хватало!

Все верно. Герцог ну не то чтобы так уж лил кровь, но вел войну на севере своих владений. Маркиза Анжелика, благоразумно опасаясь оставлять молодого любовника одного, отправилась следом. В городе заправлял маркиз Виктор де Верней – брат всесильной фаворитки. Занимал он более чем скромную должность советника, но даже министры приходили ему на поклон, чего уж говорить о начальнике уголовной полиции.

– Город буквально кишит шпионами подлых голитинейщев, и внутренняя служба, в отличие от вас, комиссар, не сидит сложа руки. Каждый день мы ловим несколько и, после соответствующих мер, гм, все они сознаются.

– Мы тоже не сидим, значит, – отвечивал Карелла.

– Десять, поправьте меня, если я ошибаюсь, десять убийств уже совершено в городе. И что же вы делаете? Ждете одиннадцатого!

Хоть Советник и занимал зал для аудиенций, усесться на золоченый трон герцога он не осмеливался, предпочитая кресло сбоку, чуть менее пышное. В разные времена это кресло предназначалось для различных должностей – от первого министра до придворного шута.

– На дело брошены лучшие умы и силы, – блял несчастный Карелла, – с минуты на минуту прибудет инспектор, возглавляющий расследование, дабы лично...

И угораздило ж проклятому убийце ужокошить портного! Теперь вот отчитывайся, лично, обдумывая каждое слово. Такие времена – могут и в шпионаже обвинить. В пользу проклятых и, естественно, коварных голитинейщев. Подстрекаемый зятем, дочкой и сбежавшим фаворитом, который нарисовался в герцогстве, Карл II Голитинейшский напал на соседа и закадычного недруга, благо спорных территорий хватало, а молодой герцог – по мнению Карла – еще не вошел в полную силу. Часть вассальных дворян, как водится,

перешла на сторону Карла, часть осталась верна присяге. Скоро год, как война продолжалась, вытягивая соки из герцогства. По одним сведениям, мы побеждали, по другим – несли сокрушительные потери.

– Инспектор, это вы, если не ошибаюсь. – Всесильный Советник кинул взгляд на Владимирова.

Комиссар суетливо обернулся.

– Да, да, он – инспектор Владимиров, наш лучший специалист в подобного рода делах...

– «Подобного»?.. Выходит, дело не первое.

– Убийствам, я хотел сказать – убийствам, – нашелся Карелла. Да, ему не позавидуешь, до пенсии всего ничего, а здесь – такое.

Встав в линию с начальством, Владимиров сдержанно поклонился.

За спиной Советника возвышалась закутанная в золотые одежды фигура служителя культа Атомных богов. Капюшон, обычно скрывающий голову и лицо, был откинут. Этот оказался еще не окончательным уродом. Так – дряблая кожа, ввалившийся нос и глаза навывкате. Обычно те выглядели хуже. Электричество – вот истинная власть. Освещение улиц и домов, обогрев жилищ, работа станков и механизмов, не говоря уже о Божьих Пеленах, укрывавших города, не давая окружающему холоду пролезть внутрь. Только атомным священникам была известна его тайна. Владимиров почувствовал на себе взгляд булькатых глаз.

– Сторонники бастарда старого герцога только и ищут причину, дабы разжечь волнения в городе, – неожиданно нормальным тоном заговорил Советник. – Нас, я имею в виду – власть, и так обвиняют во всех смертных грехах, будто это мы виноваты, что началась война.

Переход от крика был столь разителен, что комиссар даже мотнул головой, словно не веря ушам своим.

– А тут еще и гильдийца убили. С этой минуты, инспектор, дело на моем личном, слышите – личном контроле. Докладывать будете комиссару, ну а он уже – непосредственно мне. Теперь это – политическое убийство. Мы поняли друг друга?

– Да, ваша... – Пока Владимиров лихорадочно вспоминал, как следует обращаться к Советнику, тот отпустил их взмахом кисти.

Тут же, словно по волшебству или велению Атомных богов, за спиной нарисовались стражники, тяжелые руки легли на плечи

полицейских.

Напоследок поклонившись, они направились к выходу.

Глава 6

– Ну, как прошло?

Робея в присутствии начальства и вообще во дворце, всю дорогу младший инспектор Ульрике держался, хотя Владимиров видел, каких трудов парню стоило временить с вопросами. За воротами комиссар укатил на экипаже, предоставив инспекторов самим себе.

– Работайте! – напутствовал тот напоследок, перед тем как закрыть дверь.

Усталость в ногах, отступившая было в присутствии Советника, вернулась, и, кажется, с новыми силами. Владимиров с тоской посмотрел на ряд скамей у стены. М-да, не время расслаживаться.

– Ну, как прошло? – не дождавшись ответа, нетерпеливый Ульрике спросил во второй раз.

Пока они были во дворце, на улице заметно похолодало. Владимиров поднял воротник, посмотрел на небо, как всегда затянутое свинцовыми тучами. Не ровен час снова полет, хотя по серому покрову все равно не понять.

– Если так пойдет дальше, в городе будет как в Белых землях. – Недовольное сопение младшего инспектора красноречиво сообщало о том, что далеко не слов о погоде он ждал. Владимиров сжалился над юношей. – Теперь это дело политическое.

– А? – Тот мало что понял.

– Ты спрашивал, как прошло, – плохо. Убийства теперь политические и находятся на личном контроле Советника.

– В смысле убийства? Расследование?

– Ты понял меня. И нам, мой дорогой, следует поймать убийцу либо кого-то достаточно похожего на него. – Именно так Владимиров подумал, стоя над трупом портного, теперь вот мысли материализуются. – Причем, для нашей безопасности, в самое ближайшее время.

– Как это – достаточно похожего на него?

Молодость, молодость, парень недавно в полиции, ничего, пройдет со временем, при условии, что это время у него будет. Хотя

некоторые объяснения не помешают, а то вообразит черт-те что.

– Город кишит преступниками всех мастей – от базарных воришек до налетчиков-головорезов. Ничего, если кто-то из них, так сказать, поспособствует душевному спокойствию двух не самых плохих инспекторов, а заодно и комиссара, и Советника.

– А убийца – настоящий. – Парень конечно же понял, куда тот клонил. – А убийства тем временем, они же будут продолжаться.

Вместе с болью в ногах начал возвращаться и всегдашний голод, что за жизнь-то такая! Ни посидеть нормально, ни поесть!

– Да, – ответил раздраженно, – и мы найдем убийцу, но над нами уже не будет висеть тень Советника... во всяком случае, пока кому-то не придумается укокошить очередного гильдийца. Парень, поверь, ничто так не мешает расследованию, как интерес начальства.

Стена дворца закончилась, они вышли к улице Чудес. Сначала она так называлась «в народе», затем имя закрепили официально.

– Подайте, подайте ветерану Горендвальдской битвы! – к инспекторам тянул руки, оканчивающиеся плоскими, седой мужчина. Длинный пепельный чуб на лбу аккуратно разделялся, обрамляя третий глаз, закисший, отчего глаз шурился и постоянно моргал. Кроме плоских и глаза, в остальном это был обычный человек, даже в меру упитанный.

– Битва прошла девяносто лет назад, сколько же тебе тогда было, ветеран? – не сдержался Владимиров.

– Да пошел ты, умник! – тут же оскалился трехглазый.

Самое хлебное место для попрошайек, естественно, было у стены дворца, поближе к воротам. Однако оттуда просителей, естественно, гоняли. Вот они и обосновались, так сказать, на подходах.

– Милок, подай на пропитание, сыновей забрали на войну, некому позаботиться на старости лет.

– Держи, мать. – Парень в потрепанной военной форме опустил пару медяков в платок сухонькой старушки, без видимых уродств.

– Благодарю, пусть пребудет с тобой милость Атомных богов. Добрые господа, не проходите мимо, подайте на еду матери трех... – Нищенка подняла глаза, встретила взглядом с инспектором Владимировом. Тот подмигнул ей.

– Привет, Сера, уже не промышляешь в торговых?

Старушка пожалала худыми плечами:

– Возраст, пальцы не те, а ты, я слышала, в убойный перевелся, мокрухами теперь заведешь.

– Ага.

– В наших краях по работе или как?

– Или как, Сера, или как.

Они прошли дальше. Ульрике зашептал на ухо Владимирову:

– Надо было расспросить ее, может, в их... гм... среде, что-то видели, слышали, знают.

– Расспросим, – кивнул инспектор, – обязательно расспросим, как и после всех предыдущих убийств, но не здесь. На людях никто с нами разговаривать не станет, даже если знает. К тому же эти ребята и кто стоит за ними понимают, в случае чего можем взять любого и приписать ему что захочется. Убийства, такие убийства, без поживы, не их рук дело, и они невыгодны ворами и попрошайкам, так же как и нам. Если бы что знали, мне уже сообщили тем или иным способом.

Улица Чудес называлась так, потому что количество измененных попрошаек на ней превышало все пределы. Кого здесь только не было: двухголовые, четырехрукие, совсем без рук, но с крыльями за спиной. У одного из попрошаек – Владимиров заметил – к туловищу крепилось аж шесть ног: две босые, на остальных сапоги разных расцветок, фасонов и степени изношенности.

– Подайте...

– Помогите...

– Пусть пребудет с вами милость Атомных...

– Откуда столько измененных? – Младший инспектор только и успевал, что одергивать полы фирменного сюртука, в которые вцеплялись руки, клешни, шупальца.

– Вестимо откуда – из Двора Чудес.

– Но ведь... это недешево.

– А попрошайничество, парень, вообще серьезный бизнес, особенно рядом с дворцом.

– Но как можно пойти на такое... добровольно? – Младший инспектор как раз смотрел на попрошайку, все тело которого было заменено на змеиное – или к толстой змее прицепили голову человека. Второй нищий кормил змеетелого из детской бутылки с соской. Бурая кашеподобная масса стекала по подбородку, но тот не мог даже утереться.

– Большинство из них не спрашивают, выкупают в приютах или у родителей еще детьми, но есть и такие, что идут добровольно. Им лучше попрошайничать, чем работать. – Живот инспектора громко и не в первый раз забурчал. – Убийца обождет, пошли поедим.

– Пойдемте. – Ульрике кинул последний взгляд на змеетелого. – Но куда?

Действительно – куда? Словно подслушав его мысли, младший инспектор продолжил:

– Интенданты мало того что свирепствуют по деревням, забирая последнее, говорят, Советник выставил посты и все, кто везет продукты в город, обязаны отдавать половину на нужды армии.

Все это Владимиров знал и без него, а также то, что заведений, где можно вполне прилично и, главное, недорого поесть, в городе осталось не так много.

– Давай к Пью, сам видел, вчера к нему каплунов завозили. Не то чтобы крупные, но сейчас особо выбирать не приходится. К тому же за ним должок.

– Давайте.

Глава 7

Святылище, или зал для молений, откуда исчезла статуя святого и где, собственно, наблюдали монстра, представляло собой немаленькое квадратное помещение, с колоннами, полутемное, как и все помещения, виденные до этого в храме. «Может, их бог или боги свет не любят, – подумал Даниил, – ну или братия тупо экономит».

Между колоннами стояли статуи богов. И здесь храмовники не соригинальничали. Даниилу уже приходилось видеть похожие изваяния, если верить легендам, оставшиеся с древних времен, еще до Великого Потопа. Справедливости ради, очень часто, для придания значимости вещам, их относили к допотопным векам. Благо дело, о тех остались только легенды, в которых правда так плотно переплелась с вымыслом, что вычленив первую не могли даже высшие головастики храма Общих Знаний.

Якобы люди могли летать, и даже меж звезд, а еще разговаривать друг с другом на больших расстояниях, словно стояли рядом, а еще говорят – денег тогда не было, ну это уж полный бред, какие бы

времена ни были, хоть допотопные, хоть древние, звонкие токены всегда в цене. Это Даниил знал точно и, руководствуясь этим знанием, жил.

Подобно всем древним статуям, они представляли собой прямоугольные бруски, на лицевой части которых выступали контуры, скорее – намеки на лица и переднюю часть торса людей и нелюдей, ибо чаще статуи изображали последних. Пьедесталы, которые были с бруском одним целым, как обычно подмигивали цветными огоньками, хотя на парочке огоньки погасли – видно, совсем древние.

Даниил начал было прикидывать, сколько же можно выручить за одну такую статую на черном рынке, но с сожалением оставил занятие – мимо братьев никак не пронесешь. Вот разве выломать дыру в потолке и поднять парочку...

Шорох в дальнем и самом темном конце зала заставил Даниила насторожиться. Неужели и вправду в храме кто-то завелся? Признаться, он надеялся на обратное. Но ничего. Даниил вытянул самострел, взвел тетиву, проверил, на месте ли болт. Не магнитный пистоль, конечно, но против любой нечисти самое то. Амулеты, руны – это для клиентов. Кусок стали, всаженный в сердце, много лучше любых заклятий. Другой рукой вытащил из ножен недлинный меч-гладий. Герои на подмостках комедиантов пусть сражают чудовищ огромными мечами и секирами, которые нужно держать двумя руками. В помещениях лучшее оружие – короткий клинок, из тех, которыми и рубить и колоть можно. И совсем не серебряный – старая добрая сталь, лучше пергамская, и ты готов для встречи с любым чудищем. Ну, кроме тех, от которых лучше убежать. Сейчас Даниилу как раз нужно было решить эту проблему. Сбежать, оставив при себе один золотой, или попытаться убить того, кто бы там ни прятался, и заработать три. Первый вариант наносил вред репутации, но он все равно собирался уезжать из Варосса.

Шорох повторился. Боги Изначальные! У него был фонарь, отличный, полицейский, холодного света, но на прошлой неделе пришлось заложить его в ломбарде. Скряга-оценщик дал пятьдесят грошей, что даже меньше медного токена, да что он понимает! Деревенщина! Понаехали, понимаешь!

– Г-где я? – донеслось из угла.

– В храме Апокалиптиков, – ответил Даниил, наведя острие на голос.

– Апокалиптиков – это как? Я лечь в стасис, перед гиперпрыжок... кажется. Кажется, мы лететь на Терра. Это Терра?

– Терра, Терра. – Похоже, чудище, кем бы оно ни было, нападать не собиралось. Но все равно следовало быть осторожным.

– Где звездолет? Почему стасис-камеры стоять здесь? Если Терра, почему не будить?

Чудище наконец вышло на свет. Даниил слегка опустил самострел. Судя по виду, это был эльф. Светлые волосы, чуть заостренные уши, миндалевидный разрез глаз. Испуганный эльф, дрожащий эльф, в чудной обтягивающей одежде. Клыков, рогов и капающей слюны не наблюдалось.

– Здесь. – Эльф подошел к одной из статуй. – Энергия почти иссякать. Нужно срочно будить. А тут. – Эльф передвинулся к другой. – Уже умереть. Что, что происходит, катастрофа? Почему их не выводить из стасис?

– Это был эльф... довольно чудной эльф.

Даниил, конечно, слышал рассказы, что иногда древние статуи оживают, но это же не больше чем байка, храмовая легенда.

– Откуда ты, зачем сюда залез? – Он постарался, чтобы голос звучал поостроже.

– Я... я не помнить, но помнить, что лететь на Терра. Точно – Терра, я гнаться за... или убегать... потом я очнуться здесь. Но я помнить, тут был еще один – человек, когда я очнуться.

«Пропавший брат Левайн?» – подумал Даниил.

– Он... он испугаться, наверное, не знать, плохо помнить...

– Где? Где этот человек? Ты его?... – хотел сказать «съел», но вовремя одумался, не повторять же бред, вслед за братией.

– Он... он там. – Рука указала куда-то за спину. – Там дверь, точно дверь, ступени вниз, он закрыться за ней и кричать оттуда на меня, время от времени. Обещать, что кто-то сжечь меня на костре. И еще много непонятных слов. Я его спрашивать, но он не слушать. У меня чувство, что он, как это... не в себе.

Словно в подтверждение слов эльфа, из темноты глухо донеслось:

Ты – монашка, я – монах!
Монастырь твой при стенах.
Ты за ними, я при храме,
Нам не встретиться ника-а-ак!

– Вот, вот, видеть! А сейчас грозить начинать!

– А потом тебя братья вытащат на свет божий, привяжут к колесу, перебьют все кости на руках, ногах и этой, как ее, голове, а потом...

– Я прав, он не в себе?

– В себе, в себе. – Даниил уже прикидывал, как извлечь из происходящего пользу. – Тебя как звать?

Простой вопрос поверг эльфа в ступор.

– Я... я не помню...

– И святой Тахл покарает тебя, – донеслось из-за двери.

– Я буду звать тебя Тахл, как святого.

– Что?

– Ничего. Слушай, Тахл, план такой. Как ты уже понял, ты попал в очень скверную историю. Если жизнь дорога, слушайся меня.

– Историю? Какую историю? Да, я многого не помню, но я лететь на Терра – помню точно! Мы на Терре или нет? Терра – цивилизованная планета. У нас есть представительство, да, представительство, отвести меня туда.

– Точно, представительство. – Какой бы бред эльф ни нес, пусть, лишь бы помогло заработать. – Я тебя отведу, но позже, понимаешь, позже, тебе придется еще какое-то время посидеть здесь, я потом вернусь за тобой и выведу. Ты понял меня! – повысил голос Даниил.

Эльф вздрогнул.

– Да, кажется, да. Но почему? Странно все это. Можно пригласить консула...

– Нет здесь консула! – вышел из себя Даниил. Меч он давно вернул в ножны, а вот самострел прятать не спешил, с сумасшедшими нужно держать ухо востро. – А что есть, так это – колесо, к которому тебя и вправду могут привязать, если найдут здесь, в святилище, так что, если дорога жизнь, слушайся меня.

– Я... я не знаю, не понимаю... – Эльф прислонился к стене, обхватил голову руками. – Тахл... я не Тахл, имя, у меня есть имя... Рауль... Ганимар...

– Так-то лучше. – Даниил подошел к чаше с углями для воскуривания благовоний и перевернул ее. Затем ударом ноги разбил одну из ваз, что стояли у основания колонн.

– Что ты делать? – опешил эльф.

– Три золотых отрабатываю.

Глава 8

Инспектор Владимиров снова стоял в комнате с головастым храмовником и толмачом. На этот раз в нише сидел молодой парень, лет двадцать, не больше. На бритом черепе отчетливо выделялись свежие шрамы, видимо, храмовник недавно закончил трансформацию или обучение – как посмотреть. Только сейчас инспектор заметил серую кишку, увитую крупными венами, она соединяла затылок большоголового и стену. Интересно, что там, за ней, за стеной, впрочем, не его, инспектора, дело.

Он отыскал его в участке – посыльный, служка храма, сказал, что можно приходить. Он и пришел.

– Ответ на ваш вопрос найден! – Голос толмача был высокий, писклявый, Владимиров поморщился – у его бывшей жены был такой. – Помимо уже сообщенного, как то – возраст и способ убийства, все жертвы воспитывались в одном и том же приюте, а именно Доме трижды святой Лишии Нафф, на улице Либ в квартале Красных Фонарей.

– Квартал Красных Фонарей? Интересное место для приюта.

– Из квартала больше всего поступает детей.

Ну да – логично, однако мысли инспектора уже двигались в ином направлении. Выходит, все убитые – приютские, причем из одного, а вот это уже похоже на полноценный след. Что же, детки, случилось с вами в том приюте? Игрушку не поделили? Обижали младшего, а он вырос и мстит?

– Это все, инспектор? – резанул голос.

Владимиров снова поморщился: ну точно Марта – бывшая жена.

– Да, благодарю. – И он повернул к выходу.

Глава 9

– Не желаешь поразвлечься, солдатик?

Не замедлив шага, инспектор Владимиров буркнул:

– Я не солдатик. – Вопрос он оставил без ответа, однако вопрошавшая благоразумно не настаивала, переключившись на худого розовощекого юношу в высокой шляпе студиоза.

Владимиров не стал посылать в квартал Красных Фонарей Ульрике: не то чтобы он опасался за моральный облик младшего инспектора, просто посетить приют, как наиболее многообещающий след, решил лично. К тому же Ульрике, с упорством новобранца, щеголял в форменном сюртуке, что не всегда полезно, особенно в подобном месте.

Дом трижды святой Лишии Нафф находился в самом конце квартала, там, где тот упирался в городскую стену, так что инспектору, ругаясь и кряхтя, пришлось пройти его почти весь и отклонить предложения не менее двух десятков жриц и жрецов любви. Кого здесь только не было: люди – молодые и в возрасте, эльфийки, низкорослицы, даже центаврийки и гермафродиты-дверги, ну и конечно – измененные всех форм и размеров. Пару раз инспектор даже задумался... уж очень заманчиво выглядело предложение или предложенное.

Погода выдала очередной сбой – несколько раз сверкнула молния и прогремел гром, к приюту Владимиров подходил уже под проливным и чертовски холодным дождем.

Серый фасад здания украшали огромные серые женские груди, в количестве трех штук. Тройная святость Лишии Нафф получила объяснение. Прямо из торчащих сосков били три струи, похоже, внутри груди проходили водостоки.

Постучав и предъявив значок привратнику, инспектор вошел внутрь. На втором этаже, в сухом и теплом кабинете, ему предложили чай. Вскоре появился директор приюта, или как он здесь назывался.

Начальником был центавриец, да и сам приют, насколько Владимиров заметил по обслуживающему персоналу, держали представители этой расы. Как все центаврийцы, начальник был высок, худ, с большими, на пол-лица, глазами и маленьким ртом на почти треугольной лысой голове. Пальцев они имели по четыре, а кожу – голубую, впрочем, к старости она выцветала.

– Чем могу помочь, инспектор? – Двигаясь плавной походкой, центавриец прошел к столу и комфортно откинулся в кожаном кресле с высокой спинкой – как раз под себя. Длинные пальцы с четырьмя суставами на каждом он сплел перед подбородком.

Версии о происхождении центаврийцев разнились – кто приписывал их к порождениям Атомных богов, а кто говорил, что они

были всегда, вместе с людьми и низкоросликами. Сами синекожие вроде верили, что приплыли в этот мир на огромных самодвижущихся повозках с далекой звезды. В Вароссе их жило немного, а вот на юге, где потеплее, синекожие населяли целые города.

Владимиров сделал поток из чашки. Чай был пряный, с травами, довольно вкусный. Еще бы к нему каких-нибудь бутербродов.

– Меня интересуют ваши... гм... воспитанники определенного года. Кто был в группе, чем занимались, может, запомнились...

Центавриец остановил его, вытянув растопыренную ладонь:

– Сразу предупрежу, инспектор, конечно, мы окажем всяческое содействие, однако не рассчитывайте на обильность информации. Увы, увы, в приюте содержится порядка трех тысяч воспитанников. К тому же некоторая часть, как водится, сбегает. Как вы понимаете, уследить за таким количеством не то что сложно – почти невозможно. Не говоря уже об индивидуальной работе с каждым.

Слово «содержится» слегка резануло слух Владимирову. Многие приюты, возможно и этот, выступали поставщиками живого товара – для публичных домов, нищих, в храмы, на невольничьи рынки Каффара, просто на одну ночь в дома богатых извращенцев.

Чай начал слегка горчить.

– Но вы же ведете записи. Откуда и когда поступил, куда выбыл, также я хотел бы поговорить с персоналом, да, выпуск был достаточно давно, но, возможно, кто-то что-то вспомнит. Поверьте, мне нет дела до ваших... гм... дел, я расследую убийства, и любые подробности интересуют меня только в аспекте этих преступлений.

– Конечно, вам будет предоставлена вся информация, а также возможность поговорить с воспитателями, кстати, многие из них – наши выпускники, однако, как я уже имел честь упомянуть, не рассчитывайте на многое. Дом трижды святой Лишии Нафф не имеет привычки и возможности интересоваться судьбами воспитанников после выпуска. Хотя в некоторых случаях имеют место исключения: например, фаворитка теперешнего герцога Гуго VI Могучего, маркиза Анжелика, – наша воспитанница.

Владимиров едва не поперхнулся чаем.

– Вы что-то путаете, маркиза происходит из древней и благородной семьи де Верней.

Центавриец поклонился, не случайно, ох не случайно он упомянул всесильную любовницу – тонкий намек, чтобы инспектор не рыл слишком глубоко и куда не следует.

– Не стану утомлять вас историей, как малышка попала в наш приют, поверьте, она достаточно драматична, однако представители семейства де Верней пришли сюда, отыскиали и узнали ее, после чего маркиза вернулась, так сказать, в лоно семьи.

– Я понял ваш намек.

Центавриец снова поклонился.

Глава 10

Дождь продолжал лить, теперь к крупным каплям прибавились градины. Жрицы любви в основной массе попрятались, так что к инспектору Владимирову почти никто не приставал.

В Вароссе погода еще ничего, на побережье Рог зарядили дуть ураганы, так что жителям пришлось покинуть насиженные места и переселиться вглубь материка. В горах Халдонии постоянные грозы с ливнями, с севера тоже массово переселяются – морозы такие, что жить там почти невозможно. И это притом, что служители различных культов постоянно возносят молитвы, приносят жертвы своим, Атомным, хоть каким богам, пытаюсь умалить гнев небес. Или не так пытаются, или в последнее время боги стали глухи к их мольбам.

Разговор с воспитателями мало что дал, как в том храме, возле которого произошло последнее убийство: «ничего не видел, ничего не скажу». Единственное, что удалось добыть, – список так называемых выпускников того года. Вопреки словам директора, рядом с именами аккуратно красовались настоящее место жительства и работа, конечно, когда это было известно, а известно было почти всегда. Центаврийцы, стоящие за приютами, были очень влиятельны, не зря же они тратили столько сил и средств на никому, в том числе и родителям, не нужных детей.

Инспектор успел пробежать столбцы глазами – там были имена всех убитых, в том числе и гильдийца-портного. Имя маркизы де Верней отсутствовало. Возможно, она состояла в ином выпуске, но, скорее всего, записи о всесильной фаворитке были припрятаны до поры.

Особо настырная градина попала за воротник и, медленно тая, поползла вдоль позвоночника. Владимиров несколько раз неуклюже дернулся, сгоняя ее пониже.

Атомные боги! Может, Советник не так неправ и убийства действительно имеют политический душок. Насчет маркизы де Верней, как и насчет ее так называемого благородного происхождения, Владимиров не сомневался. Скорее всего, узнали вкус молодого герцога, а потом ходили по приютам, подыскивая подходящий типаж. Воспитали, приодели, обучили манерам и подсунули правителю. Конечно, простолюдинкой он тоже мог увлечься, но бросил бы после первой же ночи, а так – всеильная фаворитка, из благородных, носительница знаменитой фамилии.

И что теперь ему, простому инспектору, делать со всей этой информацией? Капитану доложить нужно.

Капитан Карелла долго изучал список. Сначала на расстоянии вытянутой руки, затем, приблизив к глазам, словно надеялся этим что-то изменить.

Владимиров выдал ему все, в том числе и про фаворитку. В углу кабинета стояло кресло, для особых посетителей, в меру мягкое и удобное, и сейчас инспектор бессовестно оккупировал его, правда, мокрый сюртук он снял.

Крякнув, капитан поднялся со своего места, подошел к небольшой печке в углу кабинета, открыл дверцу, пошевелил кочергой угли. В участке имелось центральное отопление, но немолодой комиссар постоянно мерз, так что установил себе еще и печь.

– Уголь подорожал, – сообщил Владимирову, глядя на огонь, – все на армию уходит, а дрова в наших широтах сам понимаешь.

Владимиров понимал – топить древесиной, которую в Варосс доставляли с юга, могли позволить себе только аристократы или купцы.

Дверца закрылась, кочерга прислонилась на место, капитан вернулся за стол.

– Да, задал ты мне задачку.

Владимиров пожал плечами: мол, чем могу.

– С одной стороны, может, ты и прав, может, действительно политика. В городе полно как сторонников, так и противников

герцога. Может, кто-то из последних как бы намекает де Верней, что ему известна их тайна.

– Слишком тонкий намек. – Не без удовольствия Владимиров ощущал, как боль уходит из натруженных ног. Еще бы перекусить чего.

– И если я в докладе Советнику намекну на данное обстоятельство... – Комиссар будто не слышал инспектора. – Будет ли господин де Верней столь любезен, что разрешит мне покинуть дворец. Или место комиссара станет вакантно, просто на всякий случай, чтобы одним знающим стало меньше.

Об этом Владимиров как-то не подумал. Действительно, господин Советник мог убрать их с комиссаром просто так, на всякий случай, чтобы они спяну или еще как не сболтнули о сомнительном происхождении его так называемой сестрицы. Тогда зачем директор приюта вот запросто так выдал ему информацию? Рассчитывал на такой исход дела? Или информации этой грош цена? И ведь теперь не надавишь на синекожего, вдруг маркиза действительно приютская.

По скуластому, с широкими бровями лицу комиссара Владимиров понял: его одолевают сходные думы.

– Сделаем так, – жилистая рука с худыми пальцами, покрытыми седыми волосками, накрыла список, – приставим к ним соглядатаев. Если убийца имеет зуб на кого-то из этого выпуска, рано или поздно выйдет на следующего.

– Ко всем? Людей не хватит.

– Попрошу у Советника, не углубляясь, так сказать, в подробности.

– Все равно не хватит.

– А мы не ко всем, только к малоимущим, а толстосумы пусть сами о себе заботятся.

– Нужно их хотя бы предупредить, для очистки совести.

– Можем и предупредить, – согласился комиссар.

Глава 11

Шорох одежд совпал с криком мудзина. Инспектор Владимиров проснулся. Его квартира располагалась неподалеку от храма Суса Единого, и пять раз на дню – с утра до позднего вечера – горластый служитель поднимался на башню храма, откуда призывал верующих к

очередной молитве. За годы Владимиров привык к предутренним крикам и уже не просыпался, а вот к шороху одежд – нет.

Как странно – громкий звук не нарушал сон, а на пороге слышимости – вывел из него.

Очень удачно одна рука лежала под подушкой, так что Владимиров лишь слегка сдвинул ее, обхватив плоскую рукоять стилета. Марта подшучивала над этой его привычкой – класть стилет под подушку, мол, когда-нибудь ухо себе отрежешь. Шорох одежд повторился, затем скрипнуло кресло, его любимое, у дальней стены, одновременно с ним – половица у входа. Получается – посетителей несколько. Сквозь полуприщуренные веки инспектор осматривал спальню – все верно: один силуэт в кресле, один у двери, а вот между... и угораздило его перед сном задернуть шторы. Никогда не задерживал, а тут... темно, как у Черного Бога в за... за пазухой.

– Успокойтесь, инспектор, мы не причиним вам вреда, мы пришли лишь поговорить, – произнес тот, что в кресле. Низкий, басистый, можно даже сказать – красивый голос.

– А в участке вам не разговаривается? – Владимиров осторожно поднялся, опустил ноги, но руку из-под подушки не убрал.

– Дело в том, что наш визит носит, как бы это сказать... неформальный характер.

– Куда уж неформальнее, завалились среди ночи ко мне в спальню. А я ведь не девица.

– Да и я не воздыхатель.

Говорил только тот, что в кресле, остальные хранили молчание, лишь время от времени переступая с ноги на ногу, о чем свидетельствовал скрип половиц. Вот еще один привычный звук, который должен разбудить, а не будит.

– Вы ведете дело о, так сказать, массовых убийствах. Не отпирайтесь, мы знаем, что вы.

– Хотите тонко намекнуть, чтобы я не копал в определенном направлении?

Трое, их было трое: один в кресле, один у входа и один или одна – между. Интересно, в случае чего справится ли он с тремя? Вот бы сюда служебный пистоль. Увы, по окончании рабочего дня магнитные пистолы предписывалось оставлять в участке, на ночь их относили в атомный храм – для освящения. Хотя, говорят, на черном рынке

можно купить приспособление, освящающее пистолы от лампочки. Но не пристало стражу закона пользоваться изделиями черных мастеров. Тем более что за изготовление, продажу и применение – рудники.

– Отчего же, копайте, копайте куда вздумается и сколько вздумается, только... не слишком ретиво, не рвите, так сказать, задницу. Не сомневаюсь, у полицейского инспектора достаточно дел, уделите им больше вашего драгоценного времени.

Вот тут Владимиров мало что понял. Сел кому-то на хвост, пусть сам не подозревая, и предупреждают – это понятно. Но делай что хочешь, но вполсилы – не шантажисты, а мечта.

– Зачем вам? – Иногда лучше не ломать голову, а спросить напрямую. – К тому же дело находится на контроле Советника. Не сильно рвать жопу не получится.

– А вы постарайтесь! Вы же не глупый человек, инспектор. Сегодняшний правитель герцогства Гуго VI совсем не то, что его славный отец. Экономика на спаде, фаворитизм, эти выскочки де Верней лезут во все! – Вот здесь бас говорившего дал слабину. «Де Верней» он едва не выплюнул. – В городе достаточно сторонников вынужденного бежать сына славного Гуго V Обильного.

– Бастарда, – напомнил Владимиров.

– Старшего сына и истинного наследника. Впрочем, все это политика, не станем углубляться в нее. Ваша задача, как я уже сказал, не слишком усердствовать в раскрытии данных преступлений. И когда истинный наследник займет положенное ему по праву рождения место, поверьте, инспектор, вам зачтется, так сказать, за лояльность.

– А если не займет? Гвардия Гуго VI, да и не только его, вооружена мушкетонами. Говорят, с сорока шагов пробивает любой доспех. Но также говорят, что горячий порошок – основной компонент в мушкетоне – чертовски дорогая штука, дороже освящения магнитного пистоля, хотя оба стреляют металлическими шариками-пулями.

Собеседник в кресле вздохнул.

– Когда к вам доходили вести, так сказать, с полей сражений? Реальные вести?

Владимиров смутился и даже вытянул руку из-под подушки, ясно же, что убивать его не собирались, да и какой из него рубака.

- Ну... я, признаться... не очень интересовался... служба...
- Войска Гуго VI отступают, дело нескольких дней, когда они окажутся в Вароссе. А там, рано или поздно, Карл Голитинейшский захватит столицу. Если, конечно, не случится чуда.
- Если для вас все так радужно, зачем этот визит? Не понимаю.
- Снова вздох.
- Обстановка в городе, отношение к властям, многие, очень многие правители недооценивали данные аспекты, за что и поплатились.
- Если убийства будут продолжаться, да еще такие – кровавые, плюс притеснения, дефициты, думаете, горожане встретят нового правителя с распростертыми объятиями?
- Для нас будет достаточно, если не станут особо рьяно сражаться за старого.
- То есть это вы убиваете? – решил спросить напрямую Владимиров, и рука снова скрылась под подушкой.
- Как вы можете! – Ответ последовал незамедлительно, и возмущение казалось достаточно искренним. Даже половицы скрипеть перестали. – Мы не убийцы, мы – патриоты и благородные дворяне!
- Очень благородно предавать своего герцога, – не смог сдержаться Владимиров.
- Не герцога, а этих выскочек де Верней! Древнейшие фамилии забыты, их наследники притесняются, а ведь мои предки веками верой и правдой служили герцогству! Долг истинного патриота, сына родной земли, принять единственно верную сторону!
- Вашу?
- Это пустой разговор, инспектор. – Неожиданно собеседник успокоился. – Я изложил вам свою просьбу.
- Просьбу?
- Не переоценивайте себя. С вами, без вас, мы победим, а когда это случится, вспомним, кто и чью сторону принял в решающий час.

Глава 12

- Упереус обнаружен и временно, я повторюсь – временно, – придавая важности словам, Даниил поднял указательный палец, –

обездвижен и обессилен.

– Ты же говорил, значит, осиной в бок – и готово. – Маленькие глазки настоятеля подозрительно сощурились.

– Ошибся, – показно смутился Даниил. – Исходя из вашего описания, я предположил, что, как и говорил, мы имеем дело с *Nosferatus vulgaris*, или с Носферату обыкновенным, на деле же это оказался более сильный и свирепый подвид *Nosferatus... э-э-э... magnus*, или Носферату большой, он же – великий. Понадобилось...

– Больше ни токена не дам! – понял его по-своему настоятель, и, надо сказать, правильно понял.

– Что вы такое... даже в мыслях не было. – Даниил опасливо покосился на парочку рослых храмовников, стоявших в кабинете с начала разговора. Их присутствие сильно напрягало Даниила. Физиономии парней совсем не напоминали лица смиренных братьев, каковыми представил их настоятель. – Однако, пока мы препираемся, упереус может очнуться, вырваться на свободу и начать свои мерзкие, так сказать, деяния.

– Уговор был, что ты убьешь монстру!

Даниил вздохнул – не всегда получалось повысить цену.

– Конечно, я помню и никоим образом не, так сказать, отказываюсь, но, как я уже говорил, монстра оказалась несколько сильнее ожидаемой. В связи с этим завершение ритуала будет произведено вне стен храма. – Видя, как напряглись здоровяки, Даниил поспешно закончил: – Однако вам это ничего не будет стоить, за все, так сказать, уже заплачено.

– Ну так завершай!

– Как только мы рассчитаемся, я выведу упереуса, и больше вы нас не увидите.

Не убийство или поимка монстров, а именно это – получение обещанной платы – было самым сложным в ремесле Даниила, а иногда и самым опасным. Он надеялся, еще живой предполагаемый монстр уберезет храмовников от опрометчивых поступков.

Настоятель нахмурил лоб, явно выискивая подвох, пожевал губами, затем громко заскреб пятерней по затылку.

– Мы будем глядеть, если выйдешь один, без монстры, то... – Он не закончил, предлагая Даниилу самому додумать.

– Конечно, мне еще понадобится плотный полотняный мешок, черный, как известно, на свету уперуусы звереют и кидаются на всех и все.

– Ну да, известно, значит... – Храмовник еще некоторое время хмурился, после чего полез в ящик стола.

Даниил напрягся, одна рука уже давно ласкала рукоять гладия – в ближнем бою он привык полагаться на меч.

– Вот, держи. – Пальцы повертели и выронили на стол один золотой. – И вот еще. – Поверх монетки опустил небольшой полотняный мешочек, не черный.

– Что это? – с подозрением спросил Даниил.

– Мощи святого Иоанна! – благоговейно и почти натурально вздохнул храмовник. – Это тебе за работу, значит. Как и мое благословение.

Даниил взял мешок, монету, покатав ее на ладони.

– Мы сговаривались о трех. – Он не сводил взгляда с настоятеля.

– Верно, но с тобой мое благословение и мощи святого, а они бесценны.

– Когда это вы меня благословили?

– Только что. – Настоятель пару раз небрежно махнул рукой перед лицом Даниила. – Теперь можешь идти.

– Никуда я не пойду! Отдайте мне оставшуюся монету и заберите ваши кости. – Он бросил мешочек на стол.

– Не богохульствуй! – Как минутой ранее Даниил, настоятель также вытянул палец, придавая словам важность. – Как говорил святой аль-Вован, в знаменитой проповеди у ручья, – терпимость, смирение и бескорыстие, значит, среди первейших добродетелей истинно верующего. И я, как отец настоятель, обладаю ими, значит, сверх всякой меры. Однако... – Палец как бы невзначай указал на рослых храмовников. – Не все... э-э-э... братья набрались нужного... э-э-э... смирения...

Даниил поспешно спрятал золотой.

– Вот как, угрожать. Я ведь тоже, случайно естественно, могу пырнуть какого-нибудь особо ретивого брата. – Он передвинул кресло так, чтобы в поле зрения попали все три храмовника, рука демонстративно огладила меч и ножны.

– В храме множество братьев, все они горят желанием жертвовать собой во имя истинной веры и спасения души, – парировал настоятель.

– А если я расскажу всем, что вы жулики и проходимцы?

– Что есть мирская молва, особенно когда грядет Конец Света. Мы – временные гости в этом мире, земная жизнь, устремления, деньги, страсти – все тлен и суета сует.

– Вот и отдал бы мне деньги.

– Разговор кончен! – Ладонь настоятеля хлопнула по столу.

– Между прочим, я спас вашего брата Уинкота, которого вы все считали съеденным, – в попытке получить хотя бы часть из недоплаченного, буркнул Даниил.

– Не ты, но наши молитвы уберегли брата Уинкота от преждевременной встречи с Создателями. Ты выступил лишь орудием Всевидящих, а всю работу делают они. Согласись, не будешь ты благодарить веревку, что спасла утопающего, ибо благодарности достоин лишь тот, кто бросил ее, ну и вытянул, значит. – Взгляд переместился на рослых храмовников. – Проведите нашего... гм... гостя к молельне, пущай делает положенное, значит, ну и мешок дайте. Только глядите, шоб ничего, кроме монстры, не умыкну... – он кинул взгляд на Даниила, – случайно не забрал с собой.

Храмовники дружно кивнули.

Глава 13

*Все мы – сестры,
Кротость – наша добродетель,
Целомудренность – наша красота,
Внешнее – лишь покрывало,
Внутреннее – суть.*

Владимиров отступил, пропуская процессию Смиренных Сестер.

Во втором куплете их гимна – инспектор помнил – пелось о стыде Сестер, но, вопреки стихотворным строчкам, выше пояса женщины были оголены. Подтверждая, что в понятие «стыд» и «целомудренность» каждый вкладывает свое, лица их были скрыты

плотными вуалями, опускавшимися из широкополых белоснежных шляп.

Прохожие расступались, некоторые откровенно пялились на бюсты сестер. Так как в основной массе в Сестры шли женщины старшего возраста, их обвислые груди, на взгляд инспектора, мало кого могли возбудить, впрочем – у всех свои вкусы.

Мимо храма Теней, служители которого, вопреки зловещему названию, просто старались поменьше жечь электричество, вдоль авеню Масок инспектор Владимиров, переваливаясь, двигался в сторону участка.

После ночных посетителей он так и не заснул. М-да, задачка. Меньше всего хотелось влезать в политику, но политика влезла в него. С одной стороны, Советник торопит расследование, с другой – заговорщики хотят спустить на тормозах. А что прикажете делать ему – простому инспектору уголовной полиции? А делать следует то же, что и всегда, – свою работу, а там как пойдет.

– Чего глаза красные? – встретил его в коридоре капитан.

– Бессонница. – Владимиров почти сразу решил не рассказывать начальнику о ночных посетителях – у того своих забот достаточно. – Ты вращаешься немного в иных кругах. Как там на войне? Мы побеждаем, драпаем?

Перед тем как ответить, капитан огляделся по сторонам, затем, взяв за локоть, отвел Владимирова в сторону.

– Только никому: в городе может возникнуть паника и все такое.

– Ну?

– Драпаем, и сильно драпаем. Обе армии наконец-то сошлись в битве при Фертер-Ланде – городок почти на границе, может, слышал, там еще козьи сыры делают.

– Не слышал.

– Ну да не важно. Наши продули, с треском. Поговаривают, Гуго, вместе со своей шлендрой, смотались еще до окончания битвы, когда поняли, что дело швах. Конечно, позже они опомнились; не без помощи генералов собрали остатки войск, те, что удалось собрать, ибо кто не дурак – давно дезертировал, и сейчас вся эта компания дружно отступает к Вароссу.

– Выходит, не соврал, – пробормотал Владимиров.

- Чего?
- Нет, ничего. Получается, если не случится чуда, нас ждет либо осада...
- Какое чудо, мелкопоместные, да и крупные дворяне откалываются, армия тает на глазах.
- Либо Гуго с остатками войска пройдет мимо, прямо в Барбаган.
- А там что?
- А там порт и море, а за морем Зухарский каганат, варвары давно облизываются на наши земли, можно попытаться найти союзников.
- Политика! – сплюнул капитан.
- В любом случае Варосс не ждет ничего хорошего.
- Вот вы где! – В коридоре появился раскрасневшийся младший инспектор Ульрике. – О, капитан, простите, не заметил.
- Карелла запыхтел, а Владимиров улыбнулся – молодость, так походя оскорблять начальство, подобные просчеты извиняет лишь молодость.
- Это, – продолжил младший инспектор, – слезка, ну за одним из списка, его пытались утащить.
- Утащить?
- Ульрике нетерпеливо махнул рукой:
- Пойдемте, сами увидите!

Глава 14

Он за угол, а я туда, понятно, не сразу, службу знаем, ну а там – мать моя женщина!

Один из шпииков давал показания. Хотя полноценными показаниями это назвать было трудно. Для слезки за людьми из списка мобилизовали буквально всех, включая работников архива и патрульных.

– Я его к себе, а они – к себе, я за обе ноги, чтоб сподручнее тянуть было. – Этот был из патрульных. Рыжий детина, широкое лицо которого сплошь обсыпали веснушки. – А парень орет. Потом одна как полоснет по горлу – может, хвостом, может, еще чем, кровящи, они в рассыпную, а я, значит, не растерялся, ноги бросил, все равно – мертвяк, и дубинкой ее, дубинкой, я ж без нее – родной – никуда.

Веснушчатые руки огладили полированную множеством прикосновений рукоять и иззубренное множеством применений тело темной полицейской дубины.

– У меня не побегаешь! – закончил патрульный.

Инспектор Владимиров посмотрел на виновника «торжества» – парня в замусоленной одежде работяги – одиннадцатую жертву загадочного убийцы, впрочем, почему загадочного – труп возможного преступника лежал здесь же, рядом с телом жертвы. Только вот удовлетворения это принесло мало, ибо убийцей оказалась... крыса. Да, необычная, размером с собаку, к тому же содержимое разбитого черепа – патрульный постарался – заливало какие-то механизмы, торчавшие из тела животного, или оно было вращено в них, но... крыса. И что прикажете предъявлять Советнику? Хотя есть и плюсы, ночные гости будут довольны, еще бы – крысы-убийцы нападают на людей, никто не может чувствовать себя в безопасности, даже в собственном доме! Лучшего повода для паники трудно и придумать. Вот только почему крысы убивают приютских, да еще одного выпуска? Слава Атомным богам, хоть фаворитки герцога в оном выпуске не значится.

– Сколько их было? – Инспектор огляделся в поисках места для сидения.

– Кого? – Рыжий опасливо огляделся.

Владимиров сделал глубокий вдох – с кем приходится работать!

– Крыс.

– А-а, этих, много.

Как назло, в поле видимости – ничего, даже захудалого ящика, да что ж эти убийцы по подворотням-то шарятся! Сложно убивать рядом со скамьей?

– Много – это сколько? Две, пять, двадцать пять? Веснушчатая физиономия пошла морщинами.

– Ну, я это... – Морщины углубились, а пальцы рук начали загигать – для усиления умственного процесса парень говорил вслух. – За руки, значит, потом одна у дыры, и эти – здоровые и пятнистая. Во! – К носу инспектора приблизился кулак. – И во. – Два пальца медленно распрямились.

Владимиров предположил, что количество крыс указывают загнутые пальцы.

- Восемь?
- Чего? Я ж говорю, во! – Здоровяк снова показал кулак и два пальца. – А силищи-то, я, значит, к себе, а они – к себе, а этот орет!..
- Еще кого-нибудь видел?
- Чего?
- Был в переулке еще кто-то? Человек, другая крыса, не знаю – собака.
- Не, людей не было точно, а крыса или собака... может, была, может, не было, говорю ж, я только за угол, а тут такое!
- Опишите здесь все. – Владимиров уже обращался к Ульрике. – Ну и опросите жителей, у кого окна выходят в переулок. Может, кто что и видел. И насчет остальных из списка предупредите всех наших, пусть будут начеку.

Глава 15

Остро пахло ладаном, миррой и еще чем-то незнакомым, пряным. Сделав несколько вдохов, инспектор Владимиров закашлялся, глаза тут же начали слезиться, захотелось выбежать обратно в коридор за свежим воздухом. Паннель был известен своим пристрастием к воскуриванию благовоний, но чтобы так... хоть топор вешай или вешайся сам. Владимиров прикрыл рот воротником сюртука – против удушающих запахов помогло слабо.

– Сегодня особый день или ты решил доконать меня? – Инспектор с трудом, но сдержал кашель.

Многочисленные пирамидки, аромасвечки стояли и горели у многочисленных алтарей с изображениями божков – Паннель был знатный политеист. Некоторые из алтарей даже были привезены им из странствий – дальних и ближних.

Коллекционирует богов, что ли?

– Холодильник сломался, а трупам уже несколько дней, знаешь ли. – Хозяин покойницей стоял здесь же. Худой, сутулый, жидкие длинные волосы собраны сзади в пучок, обвязанный старой тряпкой с обтрепанными краями. Однако халат – белый халат, надетый поверх одежды, – был на удивление выглажен и чист. – Скоро привыкнешь.

– Мастеров вызвать не пробовал? – Владимиров отнял воротник, сделал осторожный вдох незащищенным ртом, похоже, действительно

привыкал.

– Очень смешно. – Паннель снял очки в золоченой оправе, протер их белоснежным платком, выуженным из кармана халата, затем вернул все на место – очки на нос, платок в карман. – У них завал. У лорда-судьи потек охладитель в подвале с бесценной коллекцией мшанских вин, а у купца первой гильдии Свербети вообще мясо тухнет, прямо в разделочном цеху, тут еще транспортники требуют внимания к своим перевозным холодильникам, до скромного служащего морга, как ты понимаешь, пока доберутся...

– Он умрет от удушья, или кто-то из коллег, – закончил Владимиров.

Паннель пожал плечами: мол, как знаешь, я никого насильно к себе не затягивал.

– Мое дело, – напомнил Владимиров.

– О-о-о, – оживился Паннель, – поманив инспектора к одному из прозекторских столов, тому, который был накрыт простыней, не без некоторой театральности сдернул покров.

На столе лежала крыса, та самая, с места преступления, только омытая и более... выпотрошенная. Владимиров увидел в принципе то же, что и в переулке, – часть животного, часть механизма и эти части соединялись между собой.

– Довольно интересная, я бы сказал, конструкция, – затараторил хозяин помещения, – обычно во Дворе Чудес биологические части, как бы это... соединяются с механикой. Либо она заменяет отсутствующие конечности и органы, либо сама по себе, для большего эффекта, как у нищих или уродцев в цирках. Здесь же... мы имеем, обрати внимание на данный участок. – Узловатый палец обвел большую часть тушки.

Владимиров честно обратил и так же честно ничего выдающегося не заметил. Органы, механика.

– Первый раз такое наблюдаю. Механические части как бы вросли в тело крысы. Половина сердца – механика, половина – живое, или вот – печень есть, даже желчный, а вместо желудка – измельчитель. Это уже не животное, не живое в нашем понимании этого слова. Я бы назвал его – биомеханизм. Очень сложная конструкция, но вот зачем, для чего...

– Эта конструкция убивает людей.

– Вот и я о том же! Для такого простого дела нет надобности городить мудреную биомеханику. Помимо сложности, изменения или усовершенствования – как посмотреть – очень недешевы. Если за простой протез во Дворе дерут три шкуры, то это... даже не знаю. Одна такая крыса обойдется в целое состояние, а она, как я понял, была далеко не единственная...

М-да, вопреки надеждам, посещение Паннеля только прибавило вопросов. Действительно, если целью было убийство приютских, намного проще нанять убийцу. И дешевле. Можно недешевых, из гильдии, те вообще по желанию клиента способны все обставить как несчастный случай, тогда и полиция не заинтересуется. Может, действительно политика и дело в зрелищности? Но та же гильдия по желанию клиента может устроить и «красочное» убийство, с вывешиванием на столбах и любыми надписями кровью по желанию заказчика: от «Голитинейшский шпион» до «Свободу попугаям!». И почему приютские из одного выпуска? Чтобы запутать следствие? У них получилось. Громкое и продолжительное кашлянье у двери отвлекло Владимирова от мыслей. Невысокий мужчина в рабочей одежде стоял на пороге, одна рука держала деревянный ящик с инструментами, вторая прижимала поспешно снятый картуз ко рту.

– Кхе, кхе, у вас тут холодильник сломался?

– Я пошел. – Владимиров кивнул Паннелю.

– Если еще что нарою – свистну.

Глава 16

Капитан Карелла бросил очередную порцию угля в печь, оранжевые языки огня тут же принялись лизать черные камни, скрипнув, дверца встала на место. Начальник тоже вернулся на место, на свое.

– М-да, задачка. – Задрав брови, капитан кинул взгляд на настенный календарь – подарок инспекторов на день рождения. 17 мессидора было жирно обведено карандашом – день выхода комиссара на пенсию. В последнее время он смотрел на календарь все чаще.

– И что ты будешь делать на пенсии? Розы выращивать? – Привычное кресло жалобно скрипнуло под весом Владимирова.

Капитан, прищурившись, посмотрел на него:

- Худеть тебе надо.
- И ты туда же! Марта всю плешь...
- Твоя жена была права.
- Бывшая жена!

– Как уйду... – Карелла кивнул в сторону календаря, – буду рекомендовать тебя на мое место. – Капитан тяжело вздохнул. – М-да, задал ты мне задачку... – Снова вздох. – Кала – младшая, ну, ты помнишь, нас с женой к себе в Терружен зовет. У нее там дом, внук скоро в школу... М-да, задал ты...

Инспектор промолчал, что задал не он, а убийца. Впрочем, комиссара он понимал. Дворы Чудес – государство в государстве, с ними не то что полицейский комиссар, даже герцог боялся связываться.

– И ведь слежку не установишь, – пробурчал комиссар.

– Ага, – кивнул Владимиров. И он, и комиссар понимали – посетителей много, почти нереально вычленишь среди них того, кто оплачивает переделку крыс, к тому же совсем не обязательно их заказывали на варосском Дворе.

– Хоть будет что доложить Советнику. Что еще придумал?

– Как обычно, информаторы, шпики, все работают, расспрашивают, не может быть, чтобы в городе никто и никогда не видел измененных крыс или ничего не слышал о них.

– Это время, долго!

– Больше пока у нас ничего нет.

Глава 17

На улице шел дождь со снегом. Даниил накиннул капюшон, плотнее закутался в плащ. На Тахла было жалко смотреть. Обтягивающая одежонка, видимо, совсем не держала тепло, к тому же эльф был бос. Спасаясь от холода, несчастный замотался в мешок, в котором покинул храм.

«Проклятая погода», – привычно подумал Даниил. В стенах городов еще ничего – снег, дождь вне привычных дней, можно и пережить. А как тем, кто живет в Белых землях? Снежные бури, говорят, свирепствуют все чаще. Может, братья Апокалиптики не так

неправы и действительно природные катаклизмы – вестники скорого конца света?

– Г-где мы? – дрожа всем телом, спросил эльф.

– В славном городе Вароссе. – Видать, парень совсем с головой не дружит, раз не помнит даже города, в котором находится. – Итак, я вывел тебя, спас, дальше ты своей дорогой, я – своей.

– Есть хотеть. – Эльф переступил с одной босой ноги на другую, и получилось у него это очень жалостливо.

Даниил засунул руку в карман, покатавал золотые. Он предпочитал одежду с карманами, носить деньги в кошеле, на поясе, как это делали в Мшане, да и южнее, – нет уж, увольте – рай для щипачей.

– Ладно, пошли, и подберем тебе чего-нибудь.

Третья миска с тушеными бобами опустошалась со скоростью первых двух, и, похоже, эльф останавливаться не собирался. Под бобы был выпит целый кувшин кваса, и мальчик-разносчик как раз ставил второй.

На Тахле была одежонка, не новая, но вполне еще, обув ка, и Даниил его кормил. Добро имеет свои границы.

Даниил кинул на стол несколько грошей, намекая на то, что с едой да и с благотворительностью покончено.

– Терра, я лететь на Терра, точно помнить... только зачем... но это не Терра, – жевал Тахл далеко не молча, – а если – Терра? Кто здесь главный? – спросил он у Даниила.

– В Вароссе – герцог Гуго.

– Нет, не город, на планета? У вас есть планетное правительство?

Планета, звезды, на которых живут люди, такие же, как мы. Боги, которые прилетели с этих самых звезд... В детстве, в приюте, проплатывая одну книгу за другой, Даниил читал об этом, как и другие подобные истории. Сказки, в которые многие верят до сих пор. Правда, нет – какая разница, жить и добывать звонкую монету не помогает, значит – бесполезные знания.

– Слушай, сходил бы ты в полицию.

– Зачем? Здесь управлять всем полиция?

– Не больше, чем везде, но, может, у тебя есть эти, как их, близкие, они ищут, волнуются. – Даниил не стал добавлять, что, возможно, Тахл сбежал из какой-нибудь лечебницы для душевнобольных.

Интересно, как он попал в храм любителей конца света, впрочем, какая разница.

– Нет... – Эльф сделал солидный поток, прямо из кувшина, пропихивая свежепережеванные бобы в желудок. – Меня не искать, я – нездешний.

– Откуда знаешь, ты же ничего не помнишь!

– Помнить... смутно... здесь жить подобные мне? Улица? Дом?

– Равенор, – добрый совет напоследок.

– Равенор? Что такое Равенор? Город?

– Лес, – ответил Даниил. – У нас в каждой земле своя власть, а в равенорских лесах заправляют подобные тебе. Будь я остроухим, двинулся бы туда.

Сам Даниил тоже решил сматываться из Варосса, и заработанные золотые были как нельзя кстати. Проклятая война, вербовщики того и гляди снова начнут хватать людей прямо на улице. Вот только куда податься? Говорят, на юге, в землях каганата, сейчас хорошо. Тепло и дожди почти не докучают.

– Ты, эй, ты!

– А? – Даниил не сразу сообразил, что Тахл обращается к нему. Парень то ли осмелел, то ли захмелел. Если последнее – с чего бы?

– Почему я не мочь здесь остаться, как ты говорить – город Варосс.

– В Вароссе не очень любят эльфов, впрочем, как и везде. А вообще, хочешь – оставайся, мое какое дело.

Даниил огляделся – в таверне почти не было посетителей. Тройка мастеровых, тихо беседующих за одним из столов, парочка патрульных, явно зашедшая пропустить по стаканчику после ночной смены, ярко накрашенная девица с усталым взглядом – по всему одна из обитательниц квартала Красных Фонарей – и пожилой рыцарь в древних латах – такие уже лет пятьдесят как не носят, – отчего он больше походил на пугало, чем на грозного вояку. За столом рыцаря сидела изящная фигурка, закутанная в плащ, который, впрочем, не скрывал некоторых округлостей незнакомки. Скорее всего, папаша сопровождал дочку, хотя скорее внучку, в какой-нибудь пансион или в имение, подальше от ужасов войны.

– Что у вас в цене?

– А? – Засмотревшись на девушку, Даниил замечтался, хотя кто сказал, что она – девушка, лица-то не видно.

– Мне нужно жить. – Эльф кивнул на монеты. – Что у вас цениться? – Язык его уже порядком заплетался. Да что ж с парнем-то такое?

– Токены! – буркнул Даниил. – Медные, серебряные, лучше – золотые.

– Токены, так называться деньги?

– Токены делают в атомных храмах, не во всех, конечно, в некоторых. В тех же храмах ты можешь обменять их на электричество, ну а электричество – это все. Нет, бывает, правители чеканят свои монеты, но все равно курс определяется по отношению к токену.

– Знания? Везде и всегда цениться знания.

– Умных никто не любит. – Даниил поднялся. – Ну, бывай.

– Стой! – Рука схватила его за запястье. – Равенор, как туда добраться?

– Через Северные ворота, на почтовых санях до Терружена, дальше – спросишь.

– Спросить, – кивнул эльф, – я спросить на планетах сектора Кассиопеи, я спрашивать в самой Федерации. Я спрашивать, где ты не помышлять. Дикарь, деревенщина, ты даже не слышать о таких местах!

– Да, да, хорошо. – Даниил попытался отцепить руку. Отчего ж парня так развезло? На них уже начали оборачиваться. Атомные боги с обывателями, но вот патрульные... Жизнь научила Даниила держаться подальше от представителей власти, любых, даже самых мелких.

– Все охотники за головами Тау Кита охотиться за... за... за кем же они охотиться?.. – Эльф поднялся, опрокинув табурет и стол. – За мной? Не за мной?

– Рад за тебя, не тебя, всех вас.

Полицейские не только обернулись, но и поднялись, оба рослые, усатые. Близнецы, что ли? Даниил виновато улыбнулся им: мол, пьяный, что возьмешь.

– Проблемы? – Левый, с более густой растительностью над губой, потянулся к дубине, висевшей на поясе. После освящения в храме Атомных богов такие дубины могли жалить молниями.

Шатаясь, Тахл зацепил мастерового.

– Осторожнее! – крикнул тот.

– Ты кто такой? – тут же накинулся на него эльф.

Мастеровой поднялся, за ним – остальные из его компании, Даниил попытался улизнуть, но Тахл крепко держал его. Даниил дернулся раз, другой, подумал о том, чтобы врезать непонятно отчего разбушевавшемуся эльфу, взгляд упал на патрульных. На усытые лица напоззало одинаковое выражение счастья, руки почти синхронно вытягивали дубины.

Глава 18

Владимиров проснулся. Через минуту крик мудзина ударил по ушам. На этот раз причиной пробуждения, помимо шороха, были дробный цокот и едва слышное попискивание.

«Да что ж они сами не спят и людям не дают!» Рука почти привычно потянулась под подушку. Инспектор повернулся на бок и открыл глаза. Против ожидания, ночных заговорщиков не увидел. Однако звуки, разбудившие его, не прекратились, Владимиров кинул взгляд на пол. Атомные боги! Пол, деревянный пол его спальни, казалось, ожил. Серая масса двигалась и вспухала, словно густое варево в гигантском котле. Инспектор не сразу сообразил, что это или кто это. Крысы! Большие и не очень, серые и черные, они постоянно двигались, рождая тот самый цокот, еще и слегка пописывая. Захотелось протереть глаза, проснуться, ибо ничем иным, кроме сна, причем кошмарного, происходящее быть не могло.

Особенно крупная крыса, размером со среднюю собаку, подошла к его кровати, стала на задние лапы. Острая мордочка оказалась напротив лица Владимирова.

– Пахли, – родила она отрывисто, длинные усы щекотнули инспектора.

– Чего?

– Пахли. – По-человечески крысы, даже специально измененные, разговаривали плохо – речевой аппарат животных был устроен для воспроизведения совсем иных звуков, но Владимиров понял, что крыса зовет его за собой. Тем более что в спину ему тут же уперлось десяток лапок, спихивая инспектора с кровати, впрочем безрезультатно.

Говорящая крыса опустилась на пол, поплелась к выходу, длинный розовый, облезлый хвост волочился за ней. Крысы поменьше расступались.

Лапки сзади надавили сильнее.

– Иду. – Инспектор сел, опустил ноги, кажется, отдав пару хвостов – теплых и шершавых. – Только оденусь.

Туннели городской канализации... Какими только существами не населяла их людская молва! Поговаривали, туннели остались с допотопных времен, когда и города-то на этом месте не было. Для чего в таком случае рыть ходы в чистом поле, молва умалчивала. Еще поговаривали, что все храмы Варосса соединялись туннелями. Нет, канализация отводилась от каждого дома, каждого храма, но не трубами в человеческий рост. А инспектора Владимирова вели именно по таким.

«...Это было место, где исчезали бесследно судебные приставы и патрульные, осмелившиеся переступить черту. Притон воров, отвратительный нарос на лице города; клоака, откуда изливался каждое утро, а ночью лился назад грязный поток пороков, переливавшийся через край и наводнявший улицы столицы». Вспомнились строчки недавно прочитанного бульварного романа. Фантазия автора населила туннели Варосса кровожадными чудовищами и измененными всех форм и размеров. В одном романист был прав – и приставы, и полицейские в туннелях не то чтобы исчезали, они просто туда не совались, как и любой, кому дорога жизнь. Касаемо монстров – они вполне могли здесь водиться, а могли и нет.

Попискивающий серый покров вел Владимирова все дальше, вглубь. Впереди вышагивала разговорчивая крыса, других монстров не наблюдалось. Полицейский фонарик, который всегда лежал в кармане сюртука, пришелся как нельзя кстати, хотя его давно нужно было освятить в храме. Свет был тусклый, но в темноте туннелей и такой за счастье.

Поспевать за крысами, особенно с его весом, было нелегко. Поначалу Владимиров пытался запомнить дорогу, считал развилки, повороты, потом бросил это занятие. Если его хотели убить – сделали бы это еще в спальне, да и знай он дорогу назад, как тягаться с полчищами крыс.

Крысы Варосса – вот уж кто мог претендовать на звание истинных хозяев города. Трудно представить место, в которое они не могли бы проникнуть. Поговаривали, именно крысы в своих цепких лапках держали все сношения с внешним миром заключенных герцогской тюрьмы. Весточка из дому или в храм, передачи, ценные вещи для подкупа охраны – со всем этим могли помочь крысы.

А гильдии – много дешевле заплатить хвостатым небольшую мзду, чем круглосуточно охранять товар, который грызуны легко могли испортить. Некоторое время назад заартачились было кузнецы: мол, нашим изделиям носатые ничего не сделают – зубы обломают, так серые за ночь сгрызли в труху все кузнечные меха во всех кузнях города. Судя по тому, что мехов больше не портили, кузнецы заплатили...

Очередной поворот, и впереди забрезжил свет. Владимиров выключил фонарик, решив на всякий случай сберечь энергию. Они вышли в широкое помещение. После тесноты туннелей оно казалось огромным, как зал для аудиенций герцога. Даже потолок, всегда нависающий потолок, отступил, потерялся в темной вышине. По периметру на стенах висели лампы, усиливая сравнение с герцогским залом, в противоположном конце – возвышение, на котором стоял... трон, самый настоящий трон, как и герцогский – золотой, во всяком случае позолоченный. Интересно, увидь это его светлость Гуго VI, обтяпывали бы крысы спокойно и дальше свои делишки? Наклонившись, инспектор пытался восстановить дыхание. Да, с весом нужно что-то делать. Поискал, где бы присесть, – не нашел, посмотрел на грязный пол – нет, пока нет.

Перед тронном серая масса расступилась и рассосалась по темным закуткам зала.

Сначала Владимиров увидел девушку. Худенькая, бледная кожа, запавшие щеки, жиденькие, не очень чистые волосы. Опираясь на тонкую ручку, рядом с ней шел... крыс. Инспектор еще никогда не видел столь крупной крысы – ростом с десятилетнего ребенка. В отличие от сородичей он передвигался на задних лапах, хоть и тяжело переваливаясь, почти как сам инспектор. Усиливая странности, на крысе была одежда – расшитый золотом камзол с эполетами и короткие панталоны... кружевные, очень похожие на нижнее белье какой-нибудь кокотки. Однако смеяться не хотелось. Кроме того, крыс был двуглав и две пары глаз внимательно изучали инспектора. Глаза были почти человеческие – с белком, зрачком и радужкой. Зрачки вытянутые, как у кошки.

Попискивая, крыс взобрался на трон, девушка всячески ему помогала.

«Интересно, сколько у него хвостов?» – выскочила нелепая мысль.

Одна из голов запищала, быстро и мелодично.

– Надеюсь, мы не причинили вам слишком больших неудобств, – произнесла девушка. Голос был звонкий. Отразившись от стен, он многократно вернулся Владимирову.

– Зачем я здесь? – Дыхание почти восстановилось.

Крыса вновь запищала, и после этого вновь заговорила девушка:

– Это не мы убивали всех тех людей, крысы Варосса не причастны, в том даю свое слово.

Было странно слышать такие слова из уст человека. Владимиров знал, что крысам прислуживали люди. Серые забирали их еще младенцами – может, воровали, может, родители сами продавали. Крысы выращивали, воспитывали, и человеческие существа становились преданными рабами своих хвостатых хозяев. Они могли быть крысиными шпионами, живя и работая наверху, а могли выполнять, как эта девушка, роль переводчиков или посредников между миром крыс и людей.

– Вы знаете, что мы нашли на месте убийства крысу, измененную. – Не совсем «нашли», но лучше не уточнять.

– Они забирают наших братьев, сестер и делают из них чудовищ. Бывшие братья становятся глухи к зову стаи, они не слышат нас. Мы хотели вернуть нескольких братьев, но они защищались, погибли многие, они ушли.

– Кто они?

На этот раз писк звучал дольше.

– Мы не знаем. Есть легенда, два по тысяче лет назад, во времена Потопа, уже было такое. Боги тогда сошли с ума, они бросались молниями, растаял белый покров ледяных земель, и влага, небесная влага беспрестанно лилась сверху.

– Я знаю легенду о Великом Потопе, – перебил Владимиров.

– Это не легенда, так было. Тогда тоже появились они – измененные. Кто-то похищал наших собратьев и делал из них своих механических слуг. Варосс тогда еще не возвели – другой город, но предания передавались от хвоста к хвосту.

Подобные слова из уст девчушки – почти ребенка – слышать было не только странно, но и жутко.

– Тогда все прекратилось, – продолжила она. – Закончились дожди, ледяные земли вновь покрылись снегом, и механические слуги ушли,

никто больше не похищал братьев, до недавнего времени.

– Двор Чудес! Вы же можете пролезть куда захотите, узнайте во Дворе Чудес, кто стоит за всем этим.

– Во Двор Чудес не можем, – после писка старшего мотнула головой девушка. – Везде, кроме Двора Чудес. Все, кто ушел туда, не вернулись или вернулись измененными.

И здесь – тупик.

– Тогда зачем... гм... пригласили меня?

– Чтобы ты знал – это не мы. Ищи тех, кто стоит за измененными. Мы тоже будем искать. Если узнаем, тебе скажут.

Глава 19

– Мне нужно во Двор Чудес. – Такими словами, вместо приветствия, инспектор Владимиров встретил начальство.

Карелла задумчиво посмотрел на него, снял шляпу, отряхнул дождевые капли с широких полей.

– Снова льет как из ведра, и снова не по расписанию. – Словно соглашаясь со словами комиссара, за грязным коридорным окном участка несколько раз сверкнула молния.

Владимиров терпеливо ждал. Карелла прошел в свой кабинет, повесил шляпу на вешалку из оленьих рогов – тоже подарок на один из дней рождения. Мокрый плащ аккуратно расправил на деревянных плечиках. Сел за стол.

– Ты же знаешь, мы не имеем там никакой власти.

– Знаю.

– Тогда – зачем?

– Покажу труп крысы, спрошу.

– Они не раскрывают имен заказчиков.

– На все воля Атомных богов. Труп измененной крысы – единственное, что у нас есть. И ведет он к Двору, не будем раскидываться следами.

Карелла кинул взгляд на календарь.

– Может, ты прав. Возьмешь наши сани, но чтоб быстро – туда и назад.

У выезда из города образовалась небольшая очередь. Некоторое время Владимиров смотрел, как толкачи выталкивают очередные сани за ворота. В отличие от полицейских, служебных, это был роскошный экипаж с позолотой на дверках, резными ставенками и даже флюгером на скатной крыше – целый домик на полозьях. Была в этом некая красота. Кожух котла с блестящими шляпками заклепок, какие-то клапаны, датчики, ребра радиаторов. Труба, начищенная, медная, едва дымила. В городе снега не было, именно поэтому потели толкачи, там, за воротами, забулькает вода в котле и гребные колеса дружно завертятся, двигая экипаж.

Блистали роскошью не только дома на полозьях, но и небольшие – одноместные (кочегар не в счет) экипажи с единственным гребным колесом позади и скошенной трубой. В последнее время богатая молодежь Варосса полюбила скользить наперегонки по заснеженной пустыне. Поначалу власти пытались запретить опасную забаву, особенно после нескольких взрывов котлов, но потом махнули рукой – за всеми не уследишь, а если отпрыски влиятельных фамилий имеют желание щекотать себе нервы, это их, отпрысков, дело. И дело их родителей.

Полицейский экипаж был тоже небольшим, с одним колесом. В отличие от остальных внутри оборудовали клетку – для преступников.

Владимиров поздоровался с Шейхером – машинистом, почти ровесником инспектора. До работы в полиции Шейхер водил межгородские экипажи. Работа нелегкая и опасная, ибо время от времени в герцогстве, особенно в неурожайные годы, появлялись банды разбойников, считавшие, что грабить сани – прибыльное дело. Владимиров кивнул кочегару, молодому пареньку с чумазым лицом – новенькому.

– За воротами снова метель. – Прищурившись, Шейхер посмотрел на небо.

– Откуда знаешь?

– Знаю. Куда скользим?

– Во Двор Чудес. – Владимиров открыл крышку и с облегчением опустил мешок с трупом крысы в багажное отделение. Фу-ух, до чего же хорошо! И до чего же она тяжелая, кто бы мог подумать.

– За день туда и назад не успеем. Темнеет рано, а я по темноте не поеду – время такое, банды дезертиров, говорят, даже в окрестностях

Варосса шатаются.

– Значит, заночуем.

– Лады. Эй! – Шейхер уже кричал кочегару: – Грузись, наша очередь!

Котел запыхтел, кочегар подбросил новую порцию горючего камня, сани сначала медленно, потом все быстрее покатались по белому полю застенья. Шейхер дал длинный, продолжительный гудок. Когда придут, даст два – длинный и короткий...

Владимиров обернулся. Здесь, за городом, можно было увидеть Божью Пелену. Вблизи не разглядеть, а на расстоянии Пелена выглядела как голубоватая дымка, поднимавшаяся из земли и исчезающая в сизых, низко нависших облаках – символ покровительства и защиты города Атомными богами. Говорили, во время вспышек – погодных сбоев, сопровождаемых молниями, из-за чего их так окрестили – она меняла цвет на зеленый. Куда мир катится!

– Поддай парку! – крикнул Шейхер. – Домчим с ветерком!

Рукавицы Владимиров взять забыл, поэтому поднес руки ко рту, согревая их дыханием. Тепло от котла понемногу проникало в кабину, но руки успели замерзнуть.

Шейхер не ошибся: действительно мелко, хотя и понизу, хорошо, что к Двору ездили довольно часто и дорога была укатана.

Двор Чудес. Кто только не пользовался его услугами. Аристократия, отпрыски которой постоянно теряли на войнах и турнирах какие-либо части тел – от жизненно необходимых, вроде глаз, до второстепенных, вроде мочки уха. Модники и модницы – эти уж, в зависимости от капризов ветреной богини, увеличивали либо уменьшали, а то и вовсе меняли на механические те или иные части тел. Селяне – пара механизированных волов, деньги на которые собрали всей деревней, – могли существенно помочь в хозяйстве, а еще: наемники, попрошайки, карманники, куртизанки. Не существовало такого семейства, которое не было бы обязано Двору. И понятно, с ним мало кто, да попросту – никто не желал ссориться. Даже грабители обходили Двор стороной, точнее, не рассматривали как объект профессиональной деятельности.

Практически возле каждой столицы был свой Двор Чудес, да что там – возле каждого крупного города. Эдакое государство в государстве. Налогов они не платили, но зато ни на чью сторону не становились, и на том спасибо Атомным богам. Каким богам поклонялись сами дворовики – загадка. Наверное, каким-нибудь коммерческим, ибо за свои услуги они одинаково охотно брали и атомные токены, и драгоценности аристократии, и продукты от неимущих, и обгаренное кровью золото разбойничьего люда.

Со временем вокруг Двора образовался поселок, с гостиницами, лавками, кабаками и даже больницей и школой. На подъезде Шейхер дал положенные два гудка. Так как никакая Пелена Двор не укрывала. Сани не торопясь катили между домами, щедро выпуская дым.

– Здесь заночуем, место проверенное. – Ловко завернув, Шейхер остановился у одной из гостиниц, в стороне от центральной улицы, но недалеко от Двора. – Мы с парнем пока комнаты оформим, ну а ты иди, зачем пришел.

Владимиров кивнул, вылезать не хотелось, он угрелся, а после теплой кабины воздух снаружи показался особенно ледяным, хорошо хоть, ветер почти перестал дуть. Открыв багажное отделение, вытянул крысу.

Громада Двора невдалеке возвышалась над прочими строениями. Двор был похож на куб, неизвестно зачем и неизвестно кем поставленный среди снежной пустыни. Владимиров уже не раз бывал здесь. При приближении серые стены обрастали узорами множественных шестеренок, рычагов, каких-то кирок, молоточков, похожих на сороконожки прямоугольничков и других вещей, относящихся к царству техники. А вот чего среди изображений не наблюдалось – так это живых существ: ни человека, ни зверя, даже захудалого деревца или листика. Насколько слышал Владимиров, в других местах Дворы Чудес выглядели так же.

Кивнув попутчикам, закинув мешок на спину, кряхтя и переваливаясь, он зашагал к зданию.

Глава 20

– Подайте, подайте на новые ноги!

– На руки!

- На глаза!
- Уши!
- Нос!
- Пальцы!
- Средний палец!
- Кисть и ступню!

Вездесущие попрошайки конечно же были и здесь, возле Двора Чудес. В отличие от города не все они таким образом зарабатывали на жизнь, некоторые действительно копили на изменения, но вот как отличить одних от других? Например, этот старик без одной ноги и глаза действительно ли собирает на восстановление утраченного или пропьет подавание в ближайшем кабаке?

Кроме попрошаек Двор притягивал иных персонажей.

– На все воля Атомных богов, тех, кто повелевают небесами, землей, воздухом и электричеством. Если боги забирают что-то, стократ они воздают в ином. Утративший конечность обретет в здоровье детей и внуков. Не гневите богов, – мы такие, какими они хотят нас видеть! – вещал пузатый коротышка на кривых ногах, и его блестящая лысина, несмотря на мороз, алела огнем собственной значимости оратора.

Благодаря тому же морозу или словам пузана слушателей у него было совсем немного.

– Принимайте с благодарностью волю богов, и они ответят вам тем же. Сказано в Писании: «Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что, сколько у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому. Так, ежели где убудет несколько, то умножится в другом месте».

Надо сказать, ни на попрошаек, ни на горлопанов-критиков дворовики не обращали ни малейшего внимания. Их вообще мало волновало то, что происходило за стенами куба. Войны, эпидемии, смены правящих династий – изменения всем нужны. Единственная загадка, во всяком случае для Владимирова, была в том, зачем им все эти деньги и ценности, которые берут за изменения. А деньги немалые. Вялят они их, что ли?

У входа – квадратные двери, к дверям – очередь. Небольшая. Все расписано на несколько месяцев вперед. Сначала нужно приехать, заплатить и записаться; тебе назначат дату и время. Потом

появляешься, когда назначили, иходишь внутрь. Над входом – цифры, те самые дата и время. Если неграмотен – твои проблемы, узнавай у прохожих, что именно означают эти закорючки.

Остроносый субъект с залысинами и черными бегающими глазками тут же подкатил к Владимирову:

– Не желаете ли ускорить? Есть свободные места на завтра, на следующей неделе, в месяце прериале.

Бизнес продажи мест в очереди – весьма прибыльное занятие. Тот, кто имеет лишние деньги, часто лишен терпения, пусть и в Писании атомников – терпеливость одна из добродетелей.

Инспектор отрицательно покачал головой и направился к боковине здания. Там была вторая дверь, откуда выходили счастливые измененные. Когда он дошел, дверь как раз открылась и выпустила привлекательную женщину. Привлекательную лицом, ибо то, что следовало ниже, мало понравилось инспектору. Вытянутое тело, намного длиннее, чем у среднего человека, облегающая ткань впереди пузырилась двумя рядами массивных грудей – от ключиц до пупка, нижние, правда, намного меньше верхних. Ниже пояса женщине приделали мохнатое тело и членистые ноги, похожие на паучьи лапы. Ловко перебирая ими, измененная прошла мимо Владимирова, оставляя того в раздумье, – что она переделывала в этот раз: грудь, ноги, а может, цвет глаз.

Рядом с широкими дверьми, откуда выходили измененные, примостилась маленькая дверца – для регистрации новых клиентов. Так как запись и оплата занимали времени существенно меньше, чем изменения, очереди здесь почти никогда не было.

Примостив мешок поудобнее, Владимиров потянул дверь на себя.

Войдя, инспектор почти сразу уперся в небольшую конторку. Дверг, сидевший за ней, медленно окунул перо в чернильницу и, скривившись, взглянул на инспектора, словно оказывая тому величайшую милость. Во Дворах Чудес служили и люди, и эльфы, но заправляли неизменно дверги.

Этот был типичным представителем своего народа. Маленький, худое жилистое тельце и большая голова на тонкой шее. Самыми примечательными деталями были уши и нос. Уши, заостренные кверху, как у эльфов, но намного длиннее, почти до макушки, к тому

же покрытые редкими курчавыми волосками. И нос, о-о – персонаж множества анекдотов, шуток и поговорок. «Длинный, как нос у dwarfa». «Носатый, как dwarf». «Будешь везде совать – как у dwarfa вырастет». Венчал голову небольшой колпачок из зеленого сукна.

– Ну? – не очень вежливо поторопил потенциального клиента она-оно, ибо dwarfy были гермафродитами.

– Инспектор Владимир – уголовная полиция Варосса.

Реакция dwarfa заключалась в том, что он слегка задрал бровь, правую.

– Вот. – Поднатужившись, Владимир поднял мешок и вытряс его содержимое прямо на конторку. – Расследую серию убийств. Измененная – одна из убийц. Что можете сказать по этому поводу?

Dwarf брезгливо потыкал в крысу кончиком пера, затем молча исчез в неприметной дверце за конторкой. Владимир остался стоять с трупом крысы – дурак дураком. Что дальше? Уходить? Подождать?

По счастью, терзания не продлились долго, дверь снова открылась, появился конторщик, а с ним другой dwarf с жидкой седой бородой – явно в окончательной мужской фазе, и колпачок на нем был красный.

– Имен клиентов мы не раскрываем! – Тон его был также далек от дружелюбного. Dwarfy вообще разговаривали так, словно оказывали собеседнику одолжение.

– Знаю, – вздохнул Владимир. – Но убито уже одиннадцать человек. Мне поможет любая информация, которую разрешено открыть, – может, намек, зацепка...

Dwarf внимательно осмотрел крысу.

– Это не наша работа! – бросил отрывисто.

– Э-э-э, то есть как не ваша? Тело, изменения, механика... Где, кроме Двора Чудес, могли сделать такое? Да нигде!

– Не наша, – стоял на своем старый dwarf, – это – Высшая воля.

– Что за Высшая воля? – Владимир первый раз слышал о таком.

Но dwarf уже развернулся и скрылся за дверкой.

– Что такое Высшая воля? – обратился Владимир к молодому.

Тот кончиком пера указал ему на выход:

– И крысу свою забери.

Глава 21

– ...Новые сани начали делать. Полозья – зухарский дуб, специально вымоченный, два отдельных котла с тройным кожухом, система клапанов – на манометр можно и не смотреть, все трубы – медные, на солнце блестят, аж глазам больно, а внутри... – Шейхер оседлал любимого конька, впрочем никогда особо не слезая с него. Сани, все о санях, – халдонийская кожа, рычаги медные, а рукоятки из того же дуба, и, главное, до чего додумались – снегоочистители! Щетка крепится над стеклом, покрутил рукоятку, щетка туда-сюда, и стекло снова чистое! Нет, каково, а!

Инспектор Владимиров медленно и старательно жевал, время от времени кивая, чего Шейхеру для продолжения разговора было более чем достаточно.

– Нет, ты представляешь – очистители стекла! Больше не надо вылезать, морозить задницу, и стоит все это...

Инспектор ел без аппетита. Посещение Двора ничего не дало. И ведь не надавишь на двергов! Осталось переночевать, а завтра – домой и продолжать расследование. Вот разве что в храме Знаний узнать, что означает «Высшая воля». Или, может, у местных поспрашивать, хотя бы у того же хозяина гостиницы...

Наружная дверь открылась, впустив немного холодного воздуха и снежинок – на улице начинался снегопад. Вошел невысокий толстячок в меховой парке с капюшоном. Скинув капюшон, он принялся отряхивать снег. Лысая голова блеснула в свете ламп. Владимиров узнал его – тот самый горлопан, который призывал довериться воле Атомных богов и не изменяться. Инспектор поднялся из-за стола, подошел к нему:

– Давно здесь живете?

Коротышка подозрительно его осмотрел.

– А чего?

– Хочу кое-что узнать, заодно и угостить ужином. Толстяк думал не долго.

– Давай.

– Двадцать, двадцать лет я отдал храму, а этот Камбод – носатый ублюдок – говорит: «Еще раз так сделаешь – выкинем наружу». Кого выкинуть – меня! Да пошел он, да пошли они все! Это не вы меня, это

я вас бросаю! Так и сказал. Жалко, носатое рыло Камбоду не начистил напоследок.

Коротышку звали Анатолий, и он оказался из тех немногих людей, которые жили и работали во Дворе Чудес. Чем занимался Анатолий – Владимир так и не понял, но понял, что тот очень обижен на Двор, отчего и остался здесь митинговать.

– Я, это, как его – некомпетентен. Это я некомпетентен! Подумаешь, записи перепутал, нога не такая получилась. Что с того! Пусть клиент будет доволен, что ему вообще ногу прирастили, а не чего другого. Вот во Дворе Горендвальда, я слышал...

Заказал он немало, ел с аппетитом, что не мешало тараторить без умолку, даже Шейхера заткнул.

– Что такое Высшая воля? – успел вставить Владимир.

– А?

Толю он застал как раз на вдохе для очередной гневной тирады в адрес Двора и двергов. Толя, не жуя, пролотил очередную порцию тушеных бобов, рука потянулась к баранине.

– Во Дворе сказали, я показал им крысу, наполовину животное, наполовину – механизм, мне сказали – это не они, а воля.

– Ну... – Анатолий оставил баранину, почесал лысину жирными от мяса пальцами, отчего на ней остались блестящие полосы. – С полуночи до утра – время чудес, никто не знает, что там делается в костедробилке.

– Костедробилке?

– Ну, это мы ее так называли. Здоровенная комната, самая главная. В центре – машинерия, мы под нее подсовываем клиентов, и она делает все эти изменения. Только дверги ее обслуживают, да и те – из избранных, хреновы ублюдки. С нами даже не разговаривают!

– Вернемся к Высшей воле, – напомнил инспектор.

– Я ж говорю, ночь – время чудес, даже эти, из obsługi, уходят из комнаты. Бывает, машинерия молчит – отдыхает, а бывает, включается сама и выдает каких-нибудь уродцев. Ваши крысы, может, как раз из таких.

– То есть непонятно кто, непонятно как и зачем включает эту вашу машинерию, и она делает измененных?

– В смысле – непонятно кто? Я ж говорю, сама включается, в костедробилке ни души.

- Но кто-то же ее включает.
- Бог, – серьезно ответил Анатолий.
- Какой бог? Атомный? Радий? Экс или, может, Уран?
- Я почему знаю, бог – он и есть бог и машина его. Вот и пользуется, а может, скучно ему, забавляется так.

Шейхер, как и кочегар, хранил молчание, слушая небезынтересный разговор.

– Следующий вопрос. – Да что ж это за расследование такое! Чем больше узнаешь, тем запутанней. Обычно – наоборот. – Пусть бог, но крысы в моем случае – крысы, изначальные, живые, кто-то же должен принести их во Двор для изменений.

– Так прошлые измененные и приносят. Какие только уроды не получают ночью. Есть совсем без плоти – сплошная машинерия. Не знаю, где они прячутся днем, а ночью вылазят. Крыс не видел, а кого с улицы, из попрошайек у Двора, бывает, хватают. Потом могут вернуть, уже здоровым или еще худшим уродом. Одного парня – жуть – будто наизнанку вывернули, желудок, сердце снаружи, от них какие-то трубки идут, вместо легких – меха и головы нет, совсем – обрубок шеи, и только. Но он еще полгода прожил и даже соображал... чем-то, вот только говорить не мог, руками махал. А бывает, пропадают люди совсем, забирают – и не возвращаются. Одно слово – Высшая воля.

Слово было не одно, но Владимиров не стал умничать. Если дверги не соврали и его крыса – Высшая воля, тогда получается... ерунда получается. Всех этих людей убивает бог? Какой? И как с этим идти к Советнику?

Глава 22

- Отряд у храма Валаала занял места.
- Рауль, вместе с дружинниками закончили с машинерией.
- Как там на авеню масок?
- Подвозят, ребята на подходе!

Участок походил на растревоженный улей. Все куда-то бежали, что-то кричали, решали, доказывали.

– А я говорю, весь цех! Сам проверю, если хоть один не выйдет, хоть одна крыса проскочит, лучше бегите из Варосса сами. Или в тюрьму сами, все ясно?

Сновали курьеры, чтобы, отчитавшись и получив указание, припустить обратно.

Его не было двое суток, а такое чувство, что год. Инспектор Владимиров поймал пробегающего мимо Ульрике.

– Что, что случилось? Враг у ворот? – Хотя он сам недавно от ворот и никакого врага не видел. Может, тот подходит с другой стороны?

– Облава на крыс! Приказ Советника.

– В каком смысле – облава на крыс? На каких крыс?

– На городских, каких же еще? – удивился Ульрике.

– Всех?

– Ну да, атомные какую-то машинерию подогнали, она просто по улицам ездит, а крысы в округе как мертвые делаются. Ну, не совсем мертвые, оживают потом, нам только собирать успевай, ну и выносить. Всех подняли, даже гильдийцев и военных. Ювелиры взялись было протестовать, но Советник их живо приструнил, теперь лазят по канализациям как миленькие.

– Но... почему?

– Как – почему? Это ж они людей убивают.

Кабинет капитана Кареллы походил на ставку главнокомандующего во время решающей битвы.

– Как в квартале гончаров?

– Вроде всех собрали.

– Вроде или всех?

– Ну, всех. Они в подвале лавки Юэня спрятаться хотели, одного из работников туда выпить потянуло, пока дом без хозяина, а там...

– Без подробностей. Машинерия сейчас где?

– По Красным Фонарям ездит.

– Да уж, она наездит! – гоготнул кто-то.

Комиссар строго посмотрел, и шутник заткнулся. Владимиров терпеливо ждал в стороне, пока толпа рассосется. Карелла его заметил.

– Вернулся уже. Вливайся!

– Почему крысы? – Он помнил ночной разговор с их королем, заверения двухголового, что к убийствам крысы непричастны.

– А кто? На месте убийства поймали крысу, какие тебе еще доказательства.

– Измененную.

– Да какая разница, крыса – она и есть крыса! – Капитан окинул взглядом присутствующих в кабинете: – Ну-ка, оставьте нас.

Подчиненные послушно вышли.

– Понимаешь, – несмотря на то что они остались одни, Карелла перешел на шепот, – слухи давно ходили, но в последнее время... докатились до того, что убийств было больше сотни и всех сначала изнасиловали, а потом съели.

– Крысы? Изнасиловали? Как? Чем? – Владимиров понимал, кто распространял слухи.

– Да хоть хвостами! Нашим людям только повод дай! А тут еще крысы пару складов с зерном обнесли. Кто-то заорал, что будет голод, лавки начали громить. Ну, Советник и решил одним махом и убийства, и врага общего людям дать, крысы уже давно всех достали.

– Крысы-то, может, и достали, да только убивают не они.

– Они, не они, какая разница! Приказ начальства, а приказы – сам знаешь. Одним словом, включайся. В квартале стеклодувов набрали целую гору серых, а вывозить нечем. Пospеши к кондитерам, экспроприруй именем герцога их хлебозовки, и к стекольщикам, к горе.

– Крыс? Хлебными экипажами?

– Дело говоришь! Ребят возьми покрупнее, вдруг кондитеры заупрямятся.

Глава 23

– Г... где мы? – Остроухая голова оторвалась от скамьи, глаза усиленно моргали.

– А ты не помнишь? – Злость не то чтобы прошла, но заметно поубавилась.

Правы мудрецы – время лечит.

– Нет. – Тахл сел на скамье, обозревая помещение. – Очень походить на тюрьму Сегданы... о – я вспомнить! Сегдана... тюрьма... что я там делать? Нет, не вспомнить... все как в тумане...

Даниил вздохнул, как там говорил воспитатель Кабалин в приюте: «Не желаешь неприятностей – не делай добра». Жаль, жаль, что мудрость речей старого Сэма Кабалина только сейчас достигла сознания нерадивого воспитанника. Старина Сэм, он заставлял воспитанников читать книги, свитки – древние и не очень. Потом выспрашивал, что те поняли из прочитанного. С пристрастием. Воспитанники ненавидели его за это. Но многие прочитанные мудрости и слова засели в голове Даниила, иногда даже помогая.

Он посмотрел на эльфа – безобидный парень, и не скажешь, что какое-то время назад устроил настоящий дебош в таверне. Эх, знал бы – смотался бы еще до начала трапезы... вообще не ходил бы.

– Угадал – в тюрьме. Не совсем в тюрьме, в участке, но от этого не легче.

Рыцарь с девушкой и троица рабочих сидели здесь же – в соседних камерах. По счастью, от него с Тахлом других арестованных отделяли толстые прутья решетки. Ибо взгляды, которые кидали мастеровые...

Патрульные замели всех, щедро раздавая удары и молнии дубинками. Особенно после того, как эльф врезал мастеровому, товарищи которого полезли в драку. Рыцаря с девушкой – как свидетелей. В участке особо разбираться не стали, и они почти сразу оказались в соседней клетке. А не стали потому, что в городе что-то случилось. Слово «крысы» не переставало звучать.

– Тюрьма? – Эльф замотал головой. – Но как, за что?

– Он издевается! – вспыхнул один из рабочих. – Дай только выбраться, уж я живо тебе память вправлю, эльфийское отродье! Нажрался, как, как...

Склонив голову набок, Тахл внимательно слушал парня.

– Не помнить. Это, наверное, из-за дрожжевых грибков, что содержатся в том напитке. Нам, камбервельцам, нельзя дрожжевые грибки, кажется... происходит процесс ферментирования... О! Я – с Камбервела! Вспомнить! Планета так называться, столица... – Эльф обхватил голову руками. – Нет, не помнить.

– Дурачком прикидывается, – со знанием дела кивнул один из рабочих.

– Прошу простить меня, оттого что влезаю в вашу беседу, однако не знаете, долго ли нас здесь еще... э-э-э... будут удерживать. Я... мы торопимся.

Все оглянулись. Говорил рыцарь. Полумрак камеры не позволял рассмотреть его, как и спутницу, которая по-прежнему куталась в темный плащ и хранила молчание.

– Это уж как повезет... как повезет, – вздохнул мастеровой.

Даниил засунул руку в карман, нащупав кругляшки золотых, порадовавшись в который раз, что их не обыскали.

Глава 24

Городская тюрьма Варосса – какие только тайны не окружали ее. Говорили, по тюрьме до сих пор бродят призраки Романа и его брата Глеба – замученных пытками Гуго I Кровавого. Тот же Гуго I заточил в это самое узилище двух из десяти своих жен. Одну – за измену, вторую за то, что не могла иметь детей. Изменницу, говорят, замуровали живьем в одной из стен. Шепотом, но вот уже много лет передают из уст в уста легенду о Бархатной Маске – узнике высокого происхождения, заточенном здесь без суда и следствия. Лицо несчастного никому нельзя было видеть под страхом смерти. Кем только не считали узника – и братом-близнецом Гуго V, и любовником Гуго IV Мирного, и даже герцогом де Бофором, который пропал без вести во время битвы при Ираклионе. Мальчишкой, Владимир уже слышал эту историю, так что если подобный заключенный и был на самом деле, то сейчас он глубокий старик или давно умер.

Говорили, что видимая часть здания – это только малая толика того, что скрывается под землей. Как водится, подземные этажи упирались в крышу преисподней, а потайные ходы достигали Двора Чудес и даже эльфийского Равенора.

И, спускаясь все глубже и глубже бесконечными лестницами, инспектор Владимир почти верил всем этим байкам. Еще бы проклятые колени не болели. Атомные боги, да кто ж делает такие высокие ступеньки! Для кого! Не иначе, для мучения несчастных инспекторов!

Владимир не в первый раз посещал тюрьму, но всякий раз до этого, едва переступал порог, его охватывало желание поскорее выйти, выбраться отсюда. Иногда комендант, маркиз де Лонэ, радушным хозяином приглашал инспектора к себе в кабинет попить чаю,

отобедать, просто поболтать, и всякий раз Владимиров отказывался. Ну не мог он заставить себя находиться в тюрьме дольше необходимого. Страх, страх, что когда-нибудь по поводу или без можешь очутиться за этими стенами не как посетитель. Поэтому – бежать, пока можешь выйти, бежать, как можно скорее. Похоже, де Лонэ это понимал, так как не очень настаивал и, кажется, не обижался.

– Сюда. – Охранник указал на одну из дверей, ничем не выделяющуюся в череде таких же в стенах полутемного коридора. Едва слышный визг доносился с той стороны двери. Когда он потянул дверь на себя, визг усилился.

Это была пыточная, одна из многих. Жуткого вида инструменты на стенах имели не столько прикладное значение, сколько психологическое. Так сказать, настраивали пытаемого на нужный лад. Некоторые пытаемые сознавались сразу, едва взглянув на стены. Окажись Владимиров на их месте – не приведи Атомные боги – он тоже, почти наверняка, сразу бы сознался во всем, включая сбор крови мертвых девственниц и совокупление с портретом Гуго VI.

Посреди помещения, как главное украшение, стоял стол, пыточный. От обычного стола он отличался наличием ремней для фиксации, кровостоками, несколькими отверстиями – в области затылка, ягодиц и спины, а также тем, что благодаря системе шестеренок мог вращаться и становиться вертикально.

На столе, привязанный и обездвиженный, лежал король крыс. Одна из голов бессильно откинулась, похоже, потеряла сознание, пiski и визг издавала вторая. Палач, как и положено, в кожаном переднике орудовал у лап крыса, зажатых между двумя дощечками с длинными болтами. Палач что-то подкрутил, визг крыса усилился.

«А хвост – один», – вяло подумал Владимиров. Сцена была жуткая, несмотря на то что пытали не человека.

Хотя кроме палача люди здесь были. Двое. Первый – дознаватель, он же писарь, примостившийся за небольшим раскладным столиком у изголовья стола. Второй... переводчик короля крыс. Слава Атомным богам, сегодня это была не девушка. Юноша, такой же subtilный и бледный, стоял у стола, держа крыса за лапу и глядя на происходящее полными ужаса глазами. Еще бы, на его глазах низвергали хозяина, главу стай, почти бога.

Видимо, палач закончил, так как, едва охранник с инспектором вошли, принялся, ловко орудуя пальцами, отпускать болты на пыточных инструментах, а крыс перестал верещать.

Дознаватель посмотрел на Владимирова.

– По вашему делу – ничего, крепкий орешек. Но мы только начали, сперва он нам расскажет, где гнездятся стаи.

Конечно, в результате рейда они нашли и собрали далеко не всех крыс, и сейчас Советник обоснованно боялся ответных ударов со стороны уцелевших серых противников. Отыскать оставшихся главарей было первоочередной задачей.

Владимиров кивнул, он не очень-то и хотел идти сюда – комиссар настоял: мол, Советнику доложу, что работаем «в связке» с палачами. Что ж, приказ выполнен, связка прочна, как никогда, он развернулся, чтобы уйти.

Запищал король крыс, не так, как до этого, не крики – речь. Юноша-толмач поднял на инспектора темные от расширенных зрачков глаза.

– Как и говорил, убийства не наших лап дело. Уговор в силе, если что узнаем – тебе скажут.

Дознаватель тут же зашуршал пером, записывая показания.

Глава 25

– А ну, живо!

– Торопитесь, еще быстрее, тюремные крысы! В свете общегородских облав на серых грызунов, слухи о которых дошли даже до заключенных, слово «крысы» следовало применять с осторожностью.

Во внутренний двор участка вывели всех – заключенных, что отбывали положенные сутки за мелкое хулиганство, подследственных, тех, кто ожидал суда, даже осужденных, подлежащих этапированию.

– А чего случилось-то?

– Холодно же!

– Кормить будут?

Среди выведенных оказались и временные обитатели клеток внутри участка.

Вопреки обещаниям, мастеровые не торопились сводить счета с Тахлом. Как и остальные узники, они удивленно крутили головой, осматриваясь. Даниил же наконец получил возможность рассмотреть рыцаря и – самое главное – его спутницу.

Рыцарь был стар – лет семьдесят, не меньше, морщинистый лоб, переходящий в блестящую лысину, которую обрамлял редкий пушок седых волос, запавшие щеки, узкий нос и широкие, воистину шикарные, длинные усы с подкрученными кончиками и также подкрученная на конце борода клинышком. Лет сорок назад подобная внешность наверняка пользовалась популярностью у дам. Меч и иное оружие у рыцаря отобрали, доспех же, как отметил Даниил еще в таверне, был настоящей древностью – закрывающий тело от шеи до пят, с гармошкой на сочленениях, которая кое-где треснула – результат многих битв или старости. Краска также почти вытерлась, обнажив блестящий металл – без следа ржавчины. Все-таки древние умели мастерить. Даниил слышал, что полный комплект включал в себя еще и шлем с забралом, прозрачным как стекло и твердым как сталь. Облаченный в подобный доспех, рыцарь становился практически неуязвимым... раньше. С развитием современного оружия место подобному раритету было в музее или на стене в замке какого-нибудь аристократа, но никак не на человеке.

Спутница рыцаря наконец откинула капюшон, и Даниил смог увидеть и рассмотреть более чем прекрасное личико. Чуть полноватые алые губки, темные брови, на вкус Даниила слишком густые, но они ее не портили. Изящный маленький носик и белоснежная, что называется – молочная кожа. Сразу видно – голубая кровь! Белокурые вьющиеся локоны довершали картину.

– Наш доблестный герцог Гуго VI, значица, доблестно отступает... – Полицейские отошли в сторону, а место перед строем занял усатый тип в форме и при шпаге, по виду – типичный военный. – Милостию своей он, значица, всем вам объявляет амнистию.

Толпа загудела, но не слишком довольна, ибо подачки от власти чреватые.

– И так же милостию оказывает, значица, честь служить в рядах его доблестной армии!

Вот здесь подняли шум все и сразу, даже Даниил не удержался и начал возмущенно орать.

– Может, и в гвардию запишут! – Военный произнес это торжественно, но недовольных криков не убавилось.

По знаку старших полицейские вытянули и приготовили дубинки.

– Однако, позвольте, здесь дамы! – Кажется, это был старик-рыцарь.

– А дам – в обозные, – нашелся военный.

Глава 26

Бывших узников вели по улицам, славным улицам славного города Варосса. До их ушей долетали обрывки разговоров горожан.

– Слышали, у портных все перегрызли, прям все, они приходят утром в мастерские, а вместо тканей – труха.

– Да что портные, говорят, пробрались в сокровищницу самого герцога и там...

– Тряпки, сокровища, когда придет голод, жрать их будете? Зерно – вот главное...

Похоже, пока свежерекрутированные наслаждались гостеприимством полицейского участка, в городе кое-что произошло, и не все слухи дошли до заключенных. И произошедшее касалось не только крыс.

– Разбили наголову, а сам, переодевшись женщиной, бежал... с отрядом верных рыцарей.

– Они тоже?

– Чего «тоже»?

– Бабами вырядились!

– И значит, поклялся на алтаре Атомных богов город в три дня взять, а всех, кто сопротивлялся, вырезать.

– А как он узнает?

– Кого?

– Тех, кто сопротивлялся.

– Ну...

М-да, в хорошенькую же историю влипли. Угораздило задержаться в Вароссе именно сейчас, угораздило связаться с Тахлом, угораздило герцога ввязаться в войну, и угораздило – проиграть.

Даниил прикидывал возможности сбежать, прямо сейчас, пока их вели к месту будущей службы и пока не переписали. И снова, как и в предыдущие дни, Тахл был проблемой. Перед тем как вывести из тюрьмы, их сковали по двое. В «напарники» Даниилу достался конечно же эльф. Наручники не проблема, Даниил знал пару мест, где их могли снять, но вот сможет ли эльф передвигаться достаточно быстро?

Если их поймают, наказание за дезертирство – смерть. А если остаться, имелся шанс выжить при защите города, совсем небольшой шанс. А потом можно сбежать, когда Варосс начнут грабить победители... м-да, выбор – так себе.

Они не прошли и полпути к казармам, которые находились у восточных ворот, а толпа рекрутов не то чтобы существенно, но немного поредела. Даниил заметил: то один, то другой подходили к усатому шпагоносцу, толкавшему речь в тюрьме, и после перешептывания исчезали в боковых улочках, без оков, спокойно пропускаемые охраной.

Соседей пришлось расталкивать, но Даниил подобрался к усатому:

– Видите ли... э-э-э... майор.

– Капитан, – поморщился военный.

– Капитан, – согласился Даниил, – произошла ошибка. Я не совсем воин. К тому же религиозные верования категорически запрещают мне не только убивать себе подобных, но даже брать в руки...

– Один золотой, – прервал Даниила военный.

– Э-э-э... чего?

– Один золотой за тебя и твоего дружка эльфа.

– Я не эльф, я – камбервелец! – возмутился Тахл.

– Сумасшедшего эльфа, – легко согласился усатый. – И можете проваливать на все четыре стороны.

– А мои вещи и документы?

– Отдам.

Даниил придвинулся к усатому и, сбавив тон, зашептал:

– Видите ли, этот эльф не совсем, как бы это, со мной. Сойдемся на серебряном, и вы отпустите меня одного.

– У тебя деньги с собой? – Глаза капитана блеснули.

– Э-э-э... нет, конечно. – Даниил понял, какую глупость едва не совершил. Вытащи он золотой сейчас из кармана, его просто отберут,

оставив в войске. Но появился шанс вообще не платить. – Друзья, у меня есть друзья в городе. Я мигом! Вы меня отпускаете, а через полчаса я здесь, с золотым, чтобы выкупить моего друга эльфа.

– Эльфа выпустим – ты останешься. – Капитан сплюнул на мостовую.

– Но он не совсем знает, куда идти, к тому же это мои друзья...

– Психа выпустим, ты – остаешься!

– А если он не вернется, ну, там, случится чего? Капитан пожал плечами: мол, твои проблемы. Даниил вздохнул:

– Ладно, только дам ему кое-какие... инструкции.

Но военный уже не слушал его, потому что к затянутому в мундир телу проталкивался следующий претендент на выбывание.

Отведя Тахла в сторону, что было не так легко, ибо колонна продолжала двигаться, Даниил всунул ему в ладонь кругляш монеты.

– Возьми это. Сейчас тебя отпустят, по вон тому переулку выйдешь на параллельную улицу, пройдешь до следующего перекрестка и снова вернешься к колонне. Подойдешь к нашему капитану. Но деньги сразу не отдавай, пусть сначала отпустят меня и отдадут вещи. Все понял?

– Понимать. – Тахл зажал кулак, принимая золотой. – Все понимать. Ты хочешь меня здесь оставить.

– Да ты что! – возмутился Даниил. – Как тебе даже в голову... мы же почти как братья!

– Значит, я тебя выкупить, а ты отвести меня к моим сородичам, как ты говорить, в Равенор. – Хитрый прищур глаз Тахла говорил, что он совсем не так прост, как могло показаться.

– Вообще-то это мои деньги, так что я сам себя выкупаю.

– Я тут подумать. – Эльф перевел прищуренный взгляд на серые тучи, готовые вот-вот разродиться дождем. – Пожалуй, я остаюсь в армии. Деньги, карьера, все равно я никого не знаю в вашем мире.

– С другой стороны... – Даниил скрежетнул зубами, – эльфийский лес не такое плохое место. Всегда хотел побывать.

– Значит, я тебя выкупить и мы идем в Равенор.

– Да.

– Сразу же.

– Сказал же, согласен!

– Тогда и я согласиться, зови, пусть меня отпускать.

Когда эльф скрылся в переулке, Даниил забеспокоился. Вдруг не вернется? Золотой – не такие маленькие деньги. С ним остроухий и сам прекрасно сможет добраться до леса, и Даниил ему для этого не особо нужен. Разве что – вдвоем веселее. Он заметил, что старый рыцарь также исчез, оставив девушку в толпе новобранцев. Наверняка с той же целью, что и Тахл. То есть вернуться с деньгами.

Не такой уж долгий путь к следующему перекрестку показался Даниилу вечностью. Не один и не два раза он задавал себе вопрос: вернулся бы сам на месте Тахла? Принес бы золотой? Выкупил незнакомца? Большинство ответов были отрицательными.

Вот и примыкающий переулок. Даниил заглянул в него – пусто. Так и знал! Нельзя доверять остроухим!

– Эй, ты!

Даниил обернулся, его окликал усатый капитан, рядом с военным топталась знакомая фигура эльфа, Тахл что-то шептал на ухо вояке.

Глава 27

Они с Кареллой сидели в «Большой корчме» – единственном, на вкус инспектора Владимирова, месте, которое все еще можно было назвать приличным. Конечно, были и «Савой» в торговых рядах – заведение для богачей, где, несмотря на войну, подавали даже рогских осьминогов – живых и скользких. И аристократический «Крисье» с его двадцатью сменами блюд и порциями размером с плевки. Но для нормальных, не слишком обремененных деньгами людей «Корчма» – лучший выбор, особенно если ты полицейский и хозяин заведения тебе кое-что должен.

– У текстильщиков тюки с товаром погрызли. Причем выбирали только самую дорогую шерсть, на дешевый зухарский хлопок даже зубы тратить не стали. – Капитан Карелла лениво ковырял ложкой полуостывшее овощное рагу. Говорил он, плядя в пустоту, словно сам с собой. – В красном квартале погрызли все трубы водопровода. Шлюхи кинулись было мыться к зеленщикам, те их не пустили, вернее – их жены. Настоящую баррикаду навалили, посреди улицы; едва до драки не дошло. Потом к красильщикам, гончарам... хорошо, мясники вовремя подвернулись, все равно бойни простаивают, а там – и вода, и... вообще.

Капитан зачерпнул ложкой красно-бурое варево и отправил в рот.

Это все, или почти все, знал и Владимиров. Облава на крыс принесла свои плоды – крысы, что называется, разбушевались. Уже никто в городе не мог чувствовать себя защищенным. Серые мстители не пощадили даже храмы. В капище Святобожественного Ниннеля осквернили нетленную мумию, отгрызя ей нос и левое ухо. В храме Нета завалили мусором весь алтарь, а у Большого Вульфа вообще сжевали священный пирог – ежедневное подношение ненасытному богу. Но это полбеда. На фоне борьбы с крысами возросло количество погромов, разбойных нападений, часто с человеческими жертвами. Пока все списывали на крыс...

– В дом судьи Вереса пролезли. – Перечисление «крысиных» бед в последнее время вошло у капитана в привычку. Владимиров надеялся, вылазка в «Корчму» поможет. Нет, не помогла. – И прямо на полу спальни написали матерное слово.

– Какое? – заинтересовался инспектор.

– Не признается. Старшины цехов вместе с главами культов чуть ли не в очередь, а почему «чуть ли» – в очередь к Советнику с жалобами, петициями, прошениями, ультиматумами. Два месяца, мать их, всего два месяца до пенсии! Садик, огород, курей заведу, козу, молоко свежее, яйца... свежие... брынза... сыры...

Одно хорошо, хотя «хорошо» не совсем то слово – во всей этой крысиной кутерьме затерялась, затерлась новость о том, что герцог Гуго VI с войсками отступает к Вароссу, преследуемый по пятам армией голитинейщев. Иногда к Владимирову закрадывалась мысль – может, Советник специально затеял всю эту возню с крысами, чтобы, так сказать, отвлечь. Если так – противника нужно было выбрать попроще, хотя, когда ты на вершине, люди кажутся маленькими-маленькими, что уж говорить о крысах – пыль, грязь под ногтями. Но и грязь, как оказалось, способна кусаться.

– А что Советник? – В отличие от сотрапезника Владимиров ел рагу с аппетитом. Марта любила готовить и неплохо это делала. С тех пор как они расстались, «Корчма» чуть ли не единственное место, где он мог нормально покушать.

– А что Советник! Мы не ведем переговоры с врагом! Договариваться с крысами – значит признать, что он был неправ. Сейчас, как я понял, с крысиного короля выбивают признание о сговоре с Голитинейшем. Советник прикрывает свою задницу, хотя, может, и вправду думает, что заговор был. Поговаривают, уже и списки заговорщиков составлены, осталось только плавного крыса расколоть, а тот, как назло, не колется. Одно хорошо – наши убийства, того, прекратились, а ты еще не верил, что крысы убивают.

– Или за многими беспорядками и смертями затерялись. Я верю королю крыс – не серые стоят за этим.

– Да какая разница! Они, не они. Два месяца, продержаться только два месяца, а там... козочка... молочко... парное... курочки, или нет, лучше этих – индюков заведу! Не знаешь, индюки яйца несут?

Глава 28

– Ты обещать меня в Равенор, пошли!

Колонна новобранцев медленно, но удалялась. Да, рекрутирование не такое бесприбыльное занятие, как кажется. Может, и не интендантство, но близко.

– Ты обещать меня в Равенор, пошли! – вновь принялся нудить эльф.

Даниил прицепил пояс с ножнами, проверил содержимое сумы. Забрали все более-менее ценное: посеребренный амулет Бартолита Верхостоящего, очки с темными стеклами для Белых земель, коричневые лайковые перчатки с вышивкой. Особенно было жаль перчатки, купил только на прошлой неделе. Хорошо, шерстяной плащ был не новый, и его отдали, как и точило с полировальной пастой.

– Ты обещать меня...

– Да помню я, помню!

Велик был соблазн оставить эльфа, или, как он называл себя, камбервельца, и двинуть своей дорогой. Однако эта самая дорога все равно вела из Варосса, оставаться в городе, который, возможно, будет осажден, – себе дорожке, к тому же путь в Равенор – направление не хуже прочих.

– Однако, прошу прощения, невольно я... мы стали свидетелями вашей... э-э-э... беседы. – К Даниилу обратился пожилой рыцарь. Их со спутницей тоже отпустили, и тоже отдали вещи, так что рыцарь оказался при огромном, двуручном мече, который он прицепил за спину. На поле боя, несомненно, грозное оружие, а вот на узеньких улочках города или в таверне не успеешь за рукоятку схватиться, как тебе меж ребер воткнется верткий стилет. – Мы, – кивок в сторону девушки, – однако, имеем намерение покинуть Варосс. Я дал обет довести леди Лиз до... до одного места, которое, волею случая, находится недалеко от Равенора.

– Ну? – Даниил уже понял, к чему клонил рыцарь.

– Нам, так сказать, по пути. А путь, однако, неблизкий. Почему бы нам, так сказать, не организовать отряд, коим и двинуться к месту... э-э-э... окончания пути. Вместе, однако, безопаснее, ну и веселее.

– Нету экипажей. – Хозяин санного двора смачно сплюнул на мостовую, в мокрый снег. Снег – невиданное в Вароссе, да и в любом городе, дело – повалил с утра, уже скоро обед, а он, похоже, останавливаться не собирался. Белые шапки покрывали крыши и ветки деревьев, на земле снег мешался с грязью в бурую жижу.

– Мы, однако, заплатим, даже переплатим, – говорил рыцарь. Даниил просто стоял в стороне. Это был не первый и не второй санный двор, что они посетили с компаньоном. И везде ответ был один. Что поделать – не только им пришла в голову светлая мысль: уехать из города до подхода вражеских войск.

– Мил человек, говорю тебе – нету экипажей, все отданы или проданы.

Рыцаря звали сэра Улфред Седрикский – самое что ни на есть рыцарское имя, а девушку – леди Лиз Романова. Кем она приходилась старику, Даниил так и не понял, но не внучка и не дочка – точно.

– А это что? – Даниил кивнул на роскошные сани в дальнем углу загорода. Размером чуть ли не с дом или хотя бы небольшой сарай; резные двери с инкрустацией, окна с витражными вставками, два отдельных входа и четыре гребных колеса.

– Эти, – снова сплюнул хозяин, – ну да, эти остались. – Он прищурил глаза, оценивая покупателей. Золотой в день – и хоть сейчас берите.

– Что-о-о?! – опешил Даниил.

– Но зато – полный пансион: еда, тепло за счет, так сказать, конторы, ну и команда. Работают на угле и электрике, можете хоть до самого Зухарского каганата докатить без остановок.

– В Зухарии нет снега. – Внутри у Даниила бурлило возмущение. Золотой в день, а одно место у ребят не слипнется?! – За такие деньжищи я сам до каганата дойду. Да что там, найму парочку измененных с улицы Чудес, и они меня на руках отнесут, еще и всю дорогу анекдоты травить станут.

– Или прирежут на первой ночевке, – пожал плечами хозяин.

– Ты же понял меня, давай скидывай!

– Золотой в день.

– Совсем ополоумел?

– Не хочешь или не по карману, не...

– Подождите, подождите, – между спорщиками вклинился сэра Уилфред, – помнится, когда я имел честь служить под началом графа Ательстана, тогда отряд, возглавляемый мной, попал, однако, как бы это... в окружение. Так вот, единственным выходом в тот момент виделось переодеться простолюдинами, точнее говоря – лесорубами и,

оставив амуницию, и оружие, и лошадей, и прочие ценности, пробираться...

Хозяин санного двора, видимо привыкший внимать разглагольствования клиентов, слушал, хотя и с несколько скучающим видом. Даниил, который провел в обществе старого рыцаря уже некоторое время, начал слегка утомляться историями его славного прошлого, которые тот вставлял к месту и без. Тем более что сейчас они торопились – осталось еще несколько мест, где они могли разжиться санями.

– А покороче нельзя? – не слишком вежливо поинтересовался он.

– Если покороче, – ничуть не обиделся рыцарь, – отчаянное положение требует, однако, некоторых жертв. Мы берем и мы заплатим!

– Двадцать золотых вперед, – оживился хозяин.

Даниил чуть не поперхнулся от услышанного.

Рыцарь сдержанно кивнул.

Глава 29

На этот раз крик мудзина опередил ночных визитеров.

Инспектор Владимиров открыл глаза, мгновением раньше ощутив, что не один в комнате.

«Пролодной двор какой-то!» – вяло подумалось спросонья.

Рядом с кроватью стояла девушка – та самая, которая переводила его первый разговор с королем крыс. Множественный цокот ноготков по полу говорил, что гостя не одна.

– Мы нашли их.

– Кого? – Не то чтобы Владимиров не совсем проснулся, но и разгадывать ребусы был не особо расположен.

– Крыс – измененных, их гнездо, пойдете.

– Сейчас?

– Послушайте, ваш король, ну и... все остальные, травля там, охота на вас. Надеюсь, понимаете, я к этому не имею ни малейшего... Я даже короля видел, он привет передавал... всем...

Слишком поздно Владимиров сообразил, что все происходящее может быть ловушкой. Мысль о незначительности фигуры простого

инспектора уголовной полиции успокаивала слабо. Как ни крути, а он – государственный чиновник, олицетворение власти, закона. Кто поймет, что творится в этих серых головах.

Девушка, а главным образом он обращался к ней, лишь молча взглянула на Владимирову, крысы вообще семенили рядом без признаков интереса.

– Э-э-э... скажите, кто там у вас главный сейчас, вместо, ну, двухголового, передайте... – снова начал Владимиров.

– Подходим, здесь нужно идти тихо, – произнесла переводчица.

Что удивительно, даже крысы поняли ее. Едва слышимые пiski прекратились, лапки опускались с большей осторожностью. Единственными звуками остались журчание воды и чересчур шумное дыхание Владимирову.

Ход сузился и начал подниматься. Путешествуя по канализации, ожидаешь мокрых стен и грязи под ногами. Туннели были сухие и даже в меру ухоженные – во всяком случае, куч мусора и вывалившихся кирпичей не наблюдалось, хотя фонарик освещал далеко не все.

– Выключите, – не оборачиваясь, бросила девушка, уверенно поднимаясь впереди инспектора.

Он послушно передвинул рычажок и опустил фонарик в карман, тем более что в конце туннеля забрезжил тусклый свет.

Ход вывел их на площадку, широкой террасой она опоясывала немаленькое помещение. Кирпичные колонны поднимались по периметру, поддерживая аналогичные террасы выше. Свет лился из дыры в далеком потолке. Посередине зала стояла установка, подмигивающая многочисленными лампочками; в небольших окошечках плясали цветные столбики, установка издавала тихий гул. Возможно, они находились в одном из храмов, а установка – наследие допотопных времен. А может, перед ними была одна из тех машинерий, которые поддерживали погоду в городе.

Но не это главное. По залу, не обращая на установку ни малейшего внимания, деловито сновали измененные животные, в основном крысы, хотя Владимиров заметил и нескольких собак. Едва слышный цокот лап, механических или из плоти, да гул установки – единственные звуки, что нарушали тишину. Если измененные и общались между собой, то не посредством голоса. Время от времени

крысы замирали, сплетались хвостами, а затем, расплетясь, бежали дальше. Девушка быстро спряталась за колонну и знаком велела инспектору сделать то же.

Итак, он нашел логово измененных крыс, узнал, что у них есть еще и собаки, что дальше? Девушка зашипела, кажется, Владимиров даже различил что-то похожее на «Предатель!». Он осторожно выпянул из своего укрытия. В круг света вбежала довольно крупная крыса, не измененная – во всяком случае, видимых механических частей не наблюдалось. Крыса запищала, измененные внимательно слушали ее.

Отойдя в глубину площадки, Владимиров перебежал к переводчице:

– Что, что она говорит?

– Это... – Последующий писк, вероятно, означал имя крысы-предателя, пусть так, для инспектора они все на одно лицо, точнее, морду. – Он член Большого Круга. Говорит, что те, кого они искали, уехали сегодня из Северных ворот первыми санями, самыми первыми. Требуется награды. Предатель!

И в этот момент из многочисленных проходов, ведущих в зал, из дыр, щелей в помещение хлынули крысы, сотни, тысячи крыс. Большие и маленькие, и они были не измененные.

Живые крысы, дружно пища, кинулись на измененных. Во все стороны полетели шерсть, брызги крови. Живые дрались с криками, измененные – молча. Владимиров словно замороженный наблюдал за происходящим побоищем. Взвизгнув, переводчица прыгнула вниз, дабы принять участие в битве, за ней с галереи посыпались остальные.

Крики, визги. Измененные дрались умело и жестко. Почти каждый взмах механических лап, каждое смыкание челюстей приводило к смерти противника. Но этого противника было много, слишком много. То один, то другой из измененных падал замертво. Некоторые спасались бегством. Когда последний механический крыс умер, сражение прекратилось. И крысы, и девушка, стоя среди трупов и крови, издали длинный и дружный победный крик.

Глава 30

Участок, как всегда, жил своей шумной, немного суетливой жизнью. У конторки Хью – полицейские называли последнего

«привратник» – выстроилась очередь из заявителей. «Скамья для гостей» была полупустой, лишь бритый юнец со свежерасквашенным носом озлобленно зыркал на полицейских. Одна рука юнца была зажата в колодках, вторая время от времени подтирала кровавые сопли. Патрульный Джобс – самый здоровенный полицейский их отделения – стоял здесь же, довольно потирая кулак.

Из-за ночного путешествия очень хотелось спать, к тому же болела голова. Полдня инспектор Владимиров потратил на выяснение, кто же покинул Варосс из Северных ворот первыми санями.

Смена, дежурившая ночью, уже ушла, имена в регистрационной книге говорили мало. Пришлось искать начальника караула, ну а с ним уже идти домой и будить ночного стражника. Но зато теперь инспектор знал, что через нужные ворота самым первым выехал роскошный экипаж с девушкой, престарелым рыцарем и парочкой зрелых мужчин неопределенного социального положения, один из которых к тому же был эльфом. На первый взгляд или слух ничего необычного, однако данная группа была весьма важна для механических убийц, а значит, и для Владимирова.

Кивнув Джобсу и Хью, Владимиров направился в кабинет комиссара. Нужно было выбить служебные сани для погони. Причем как можно скорее. От Северных ворот вела одна дорога – в Терружен. Был шанс там их нагнать, ибо за Терруженом тракт разветвлялся большим перепутьем и сани могли направиться куда угодно.

– Ты не знаешь последние новости, – выслушав Владимирова, вздохнул Карелла. – Наш славный герцог, вместе с не менее славной армией, таки отступает, да чего там, драпает что есть мочи. С утра уже повалили первые маркитантки и обозы.

– Обозы идут позади армии, – вспомнил Владимиров.

– А наши, вишь, в авангарде: интенданты, кастеляны и прочие из тех, что крови не видели, а мундир с наградами имеют. Награды – купленные, мундир чуть не треснет на пузе. Когда армия наступает, они последние, а когда наоборот – первые. С утра, указом Советника, в городе ввели осадное положение. Жителям: мужчинам, женщинам, повозкам с поклажей, особенно с продуктами, запрещено покидать Варосс. Слышал, даже собираются выпустить крысиного короля. Все верно, только внутренних врагов нам не хватало.

– Продукты, мужчины – понятно, а женщины – им зачем в осажденном городе оставаться? Ведь больше ртов кормить.

– А ты сам подумай. Мужики будут лучше сражаться, когда имеется за что: жены, дети, невесты, любовницы и скарб – есть что терять. Так что, как понимаешь, сейчас не до твоего убийцы или убийц. Полицейские и прочие государственные служащие тем же указом объявляются временно рекрутированными, ну то есть теперь все мы вроде как военные.

– И ты?

– А я – капитан, но не полиции, а армейский. – Карелла вздохнул, после чего полез в стол, выудил какую-то бумагу с гербовой печатью, скрипя пером принялся быстро заполнять. – Помнишь, прошлой весной, ну, когда мы брали банду Большого Пью, ты меня от арбалетного болта уберег, на себя принял.

– В плечо, а тебя б убили.

– Вот именно – убили. На-ка вот. – Он протянул Владимирову лист.

– Что это?

– Как и просил, разрешение на сани, служебные, ну и покинуть город. Без него сейчас не выпустят. Езжай-ка ты отсюда, хочешь за своей компашкой с девицей, а хочешь – еще куда, кто знает, как расследование... гм... обернется.

Владимиров взял бумагу.

– Спасибо, а ты?

– А что я, я уж как-нибудь с ребятами здесь, да и жена у меня, сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Владимиров.

– И еще, мало ли что, – из того же стола Карелла вытащил магнитный пистоль, протянул Владимирову, – освящен по полной, но все равно зря не пали, береги заряды-то.

Владимиров, кивнув, принял оружие.

– А можно мне помощника, Ульрике? Парень толковый, да и жалко его.

– Не можно! – рыкнул капитан. – Не он принял болт за меня. Каждый человек на счету, а мужики – в особенности, я и так... Одним словом, дуй на все четыре стороны!

Глава 31

Белые земли. Куда ни кинь взгляд – снег, от горизонта до горизонта, собственно, поэтому и такое название. Если долго идти по Белым землям, особенно весной, когда снег немного подтаивает и блестит сильнее, наступает снежная слепота, это если не повезет замерзнуть раньше.

Именно поэтому Даниил не любил Белые земли, не любил путешествовать. Города, деревни, поселки – вот его стихия. Но из-за особенностей профессии подолгу задерживаться не получалось, отсюда неизбежность путешествий. Как только не приходилось добираться из одного населенного пункта в другой. С попутными экипажами и обозами, втихаря примостившись на крыше, а то и позади – на полозьях. Иногда – пешком. Даниил научился сохранять тепло длинными переходами, беречь глаза, устраивать берлоги из снега. И все равно не любил путешествия. Да, он умел выживать в этой ледяной пустыне, но от этого она не становилась милее или роднее.

Так – с комфортом – Даниил путешествовал первый раз. Стены саней внутри были обтянуты бархатом. На полу – ковер, судя по длине ворса – не из дешевых. Даже как-то неудобно было топтать его сапогами. Разуться Даниил не решался – сначала храм апокалиптиков, потом тюрьма, портянки он не менял уже несколько дней, а в их компании присутствовала дама.

– Однако, как же оно устроено?

Вдоль одной из стен стояли мягкие диваны, также бархатные, сэр Уилфред как раз пытался разложить один из них. Даниил знал, что следует потянуть за петлю внизу, но не знал, как отреагирует рыцарь на подсказку. Вполне возможно, вояка из тех, кто любит до всего доходить своим умом, поэтому Даниил предпочел за лучшее украдкой взглянуть на леди Лиз. Девушка также ходила, время от времени поглаживая бархат. И было непонятно, то ли она поражена, как Даниил, то ли это для нее привычная обстановка.

Команда саней состояла из двух человек. Один из них, худой юноша с бегающими глазками, показал им два крана – с холодной водой и кипятком, осведомился, не желают ли гости чего, и, получив

отрицательный ответ, отбыл в отделение команды. В любой момент путешественники могли вызвать его, дернув за шнур звонка.

Тахл наблюдал за старым рыцарем. Наконец подошел к нему, дотронулся до лат.

– Я уже видеть такое одеяние... только где? – Эльф осторожно огладил гармошку сочленений, отдернул руку. – Кажется... это называется – скафандр... я так думать.

Напротив диванов было оборудовано что-то вроде кухни. Печь, стол, сервант с утварью. Даниил решил обследовать этот угол.

– Посмотрим, посмотрим. Ничего себе!

– Что, что там? – Оставив рыцаря, эльф подошел к Даниилу.

Ящик с припасами. Для лучшей сохранности последних их обычно монтировали выступающим наружу, на холод. Здесь это оказался не ящик, а настоящий шкаф. Открыв его, Даниил словно попал в продуктовую лавку. Чего там только не хранилось: колбасы, паштеты, ветчина, икра, помимо этого хлеб, яйца, молоко, сыры, какие-то фрукты.

– Вы только посмотрите – неплохо, весьма неплохо. – Среди колец колбасы Даниил выбрал самое толстое, вытянул, отгрыз солидный кусок. – Можно жить, – возвестил с набитым ртом.

– Помню, когда я служил в гвардии графа Ательстана, мы с господином, однако, имели удовольствие гостить во дворце одного из многочисленных вассалов его сиятельства, так вот он угощал нас колбасами местного, так сказать, производства. Только они начиняли не кишки, а желудок, овечий, но перед этим не менее полугода кормили животных фруктами со специями. Мясо, да и сам желудок от этого становились... О! – Рыцарь наконец победил диван; с тихим щелчком тот разложился в полноценное спальное место. – Однако опробуем... – Рыцарь осторожно опустился на край, попрыгал. – Достаточно надежно, – вынес вердикт, после чего, встав на колени, кряхтя, просунул голову в пространство между диваном и полом. – Как же здесь устроено...

Ни дать ни взять – ребенок с новой игрушкой.

Позади зазвенело – оставив Даниила, Тахл обнаружил что-то вроде бара. Он тут же принялся открывать бутылки, нюхая содержимое.

– Вино, вино, крепче, а где же...

– Что? – Даниил взглянул через плечо эльфа – некоторые из бутылей выглядели весьма привлекательно, особенно те, что были запечатаны сургучом с солидным оттиском печати.

– Напиток, тот с грибочками, что мы пьем, ну, до тюрьмы.

Только пьяного эльфа им не хватало.

– Потом покажу. – Даниил взял одну из бутылок, решив пока не трогать запечатанные: в конце концов, они только в начале пути. Открыл, понюхал – ничего. – Не желаете вина, миледи? – галантно повернулся к девушке.

– Нет. – Это было едва ли не первое слово, что он слышал от нее. – Благодарю. – Сняв сапожки, леди Лиз с ногами устроилась на мягком кресле и глядела в окно. Невольно Даниил залюбовался прекрасным профилем.

– А вы? – Он повернулся к рыцарю. Тот разложил все диваны и сейчас поочередно пробовал их на прочность.

– Э-э-эх... – Рыцарь тяжело вздохнул, – перед походом я дал сам себе несколько обетов, а среди них, однако, есть и отказ от употребления алкогольных напитков, ну и прочих, что дурманят разум воина и заставляют путаться мысли.

– Что, и пиво нельзя? – опешил Даниил.

– Однако, даже перебродивший квас. – Взглянув на бутылку, рыцарь вновь вздохнул.

– А я, пожалуй, угоститься. – Тахл бесцеремонно забрал у Даниила бутылку и сделал солидный поток, прямо из горла, скривился. – Кисло! Не понимать, вы находите это вкусно?

Мало того что пришлось потратить некоторое количество наличности на более-менее сносные документы для остроухого, так он еще, вместо благодарности, имел наглость критиковать нормальные напитки.

– Тебе и не надо понимать!

Пришлось взять другую бутылку. Похоже, путешествие с эльфом обещало быть веселым. Отыскав средних размеров кружку, Даниил щедро плеснул в нее, уселся в одно из кресел, закинул ногу на ногу, сделал солидный поток. Весьма неплохо. Жизнь удалась! Во всяком случае, на это мгновение.

– Зачем вам к Равенору? – Он снова обратился к девушке, хотелось разговаривать с ней. К тому же занимал вопрос – кто же такие их

загадочные попутчики. На вид никак не скажешь, что у них водятся золотые, да еще в таком количестве. Может, дочка какого-нибудь богатея, которую папаша решил сплавить подальше от ужасов войны. Но – окрестности леса эльфов, не слишком ли далеко? Да и сопровождение, мягко говоря, не внушало... ничего не внушало, ни страха, ни уважения. Может, на это рассчитано. Или... девицу выдают замуж, точно – замуж, за местного барончика. Жених отсыпал денег на дорогу, а у папаши из верных людей – один престарелый вояка.

– Однако, юноша, я и не говорил, что мы держим путь в лес эльфов. – Старый рыцарь оставил в покое диваны, переместившись на «кухню», где гремел посудой и заглядывал во все шкафы. – Равенор – это, так сказать, одна из вех, наш путь лежит немного... или много дальше.

– И куда, если не секрет? – Очередной поток приятно согрел горло.

Ему не только нравилось, хуже того, он мог привыкнуть так путешествовать.

– В Амалорм, однако. – Рыцарь отыскал сборы трав, кинул щепотку в одну из кружек, залил все это кипятком и подал девушке.

– В Амалорм. – Даниил чуть не поперхнулся. – Я думал, это миф, легенда.

– За каждой легендой стоит реальная история, – сделав осторожный глоток из чашки, произнесла Лиз. – Амалорм далеко не миф и реально существует, уверяю вас.

– Амалорм, – встрепенулся Тахл, – что за Амалорм, это далеко от Равенора?

Глава 32

– Вот здесь – дверка, открываешь, хватаешься за эту штуку и тянешь. Ты слушаешь?

– А? Да.

Сборы в дорогу заняли оставшийся световой день инспектора Владимирова. В городе медленно, но уверенно нарастала паника. Стремительно опустошались лавки с продуктами, люди скупали все, даже жмых на маслодавилях и дорогие каффарские специи.

Судя по слухам, верные вассалы герцога массово переходили на сторону Карла Голитинейшского. Все, как и хотели заговорщики. Хотя, может, сами заговорщики и распространяли эти слухи. Армия Гуго VI таяла на глазах, и до Варосса, судя по тем же слухам, добиралась лишь малая часть. Еще и погода словно сошла с ума – дожди лили ежедневно, почти постоянно сопровождая это дело молниями.

– Точно слушаешь? – Шейхер посвящал Владимирова в тонкости управления электросанями – увеличенной и более теплой копией экипажей, которые ездили по городу. Гребного колеса не было, а толкали их вперед несколько ребристых валиков под дном.

– Да слушаю я!

Так как разрешение на выезд было на одного, Владимиров не мог воспользоваться служебными санями, что возили его во Двор Чудес, – кочегара и машиниста никто бы не выпустил.

– И тянешь на себя. – Шейхер уцепился за что-то внутри саней, потянул, инспектор Владимиров увидел толстый черный шнурок. – Вот эту штуку, – утолщение на конце шнура было с металлическими защелками, – надеваешь на... на... – машинист замешкался, – одним словом, в храме будет торчать такая загогулина, разберешься. И помни, делать это нужно хотя бы раз в сутки и ждать не меньше часа, лучше – дольше. Как ночуешь, можешь хоть на всю ночь оставить.

Одной из причин, почему электросани не использовались повсеместно, было то, что запаса хода хватало на два десятка часов и пополнялся он, как и фонарики, как и пистолы, лишь у атомных храмов, Станций. Так что путешествовать можно было на небольшие расстояния и только от храма к храму.

– Токены опускаешь в щель, рядом с загогулиной, иначе, сам понимаешь, никакого толку не будет. – Командировочные – те самые токены, которые чеканили атомщики, – Владимиров получил в бухгалтерии; не слишком много, но все-таки. – Распишись, – Шейхер протянул листок, – за сани и инструктаж!

– Когда деньги закончатся, что я буду делать? Шейхер пожал плечами, мол, меня это не касается. Владимиров не читая подписал бумагу.

– Ну... – машинист огладил бок саней, – ездай, что ли.

– Бывай. Свидимся.

– А то как же. – Особой уверенности в голосе Шейхера не было.

У ворот, несмотря на запрет выезда, образовалась небольшая очередь, в основном из роскошных экипажей. Оно и понятно, указ указом, а стражники тоже люди, и деньги пока никто не отменял. Инспектор Владимиров на своих санях смотрелся нищим, непонятно как затесавшимся на великосветский раут. Стражники, видимо, думали так же.

– Куда? – Усатый детина в островерхой кожаной шапке с опущенными ушами стукнул по передку саней. – Указом Советника...

Владимиров открыл дверь и молча подал ему бумагу. Читая, стражник шевелил губами, печать он рассматривал более пристально, даже зачем-то на свет.

– Проезжай, – нехотя протянул разрешение обратно.

Инспектор выехал за ворота. Перед ним открылась равнина, укрытая сверкающим, в отблесках заходящего солнца, снегом.

Он был волен ехать куда хотел. Ничто не заставляло его преследовать утренний экипаж. Даже если кто-либо из его пассажиров и имел отношение к убийствам, да будь там хоть сам убийца, какая разница! Чем бы ни закончилось противостояние двух герцогов, победителю и проигравшему будет не до давних убийств и механических крыс.

Итак, он был волен ехать куда хотел и... направил полозья прямо по дороге, к Терружену – месту, куда, скорее всего, поехал экипаж с загадочными пассажирами.

Часть вторая

Интерлюдия, или За некоторое время до описываемых событий

- Задай свой вопрос.
- Что было?
- Были те, кто пришел.
- Что они сделали?
- Они сделали как лучше.
- Где они сейчас?
- Ушли.
- Они обманули?
- Нет.
- Почему не стало лучше?
- Была жертва, ничто лучшее не может быть построено на крови.
- Мы платим за это?
- Да, и будем платить еще.

Глава 1

Пространство перед Станцией было переполнено. Разнообразные сани занимали весь двор, ютились у обочин подъездной дороги, а несколько почтовых дилижансов заносило снегом уже в поле. Машинист пристроился поближе к зданию, на площадке, предназначенной для освящения немногочисленных электросаней. Он ловко втиснул их экипаж между парочкой одноколесных скоростных, от которых к серому боку Станции тянулись темные шнуры.

– Прибыли. – Юнец просунул голову в отделение пассажиров.

Даниил открыл дверцу, выплянул наружу – ну и холодина, особенно после теплого нутра саней. Бесцеремонно отпихнув его, первым на снег прыгнул рыцарь, после чего с поклоном подал руку леди Лиз, помогая девушке выйти.

– Однако, надеюсь, свободные комнаты у них имеются. – Сэр Уилфред послонявил пальцы и старательно накрутил кончики усов.

– Я так устала, – пропела девушка.

– Это что? – Даниила вновь отпихнули от двери, на этот раз Тахл.

– Это место, где люди отдыхают. – Наконец и Даниил получил возможность прыгнуть на снег. Башня Станции сверкала огнями. – Пошли, что ли.

И они двинулись к входу...

Станции были не совсем постоянными дворами, точнее, совсем не были ими. Атомные храмовники раскидали их в древние времена для каких-то своих нужд. Кто говорил, что Станции управляли погодой, если так – хреновастенько они справлялись, особенно в последнее время; а кто – что они вроде сети, которая, как паук, опутывала весь мир. Может, и так, ибо все знают – вести атомной почтой доходят быстрее прочих... и стоят дороже прочих.

Постепенно на Станциях образовалось что-то вроде приюта для тех, кого ночь или метель застала в Белых землях. Благо внутри всегда были свет и тепло. Потом оборудовали комнаты для сдачи внаем, потом кухни. Но, как и раньше, заправляли на Станциях атомные священники.

Даниил толкнул дверь. Планировка Станций была везде одинакова. Внизу – большой холл с кухней, второй и третий этажи – комнаты для постояльцев, выше – башня. Поговаривали, что Станция уходила на несколько этажей под землю. Гостей туда не пускали, а значит – какая разница.

Это была единственная Станция на пути от Варосса к Терружену. Ввиду небольшого расстояния между городами обычно путников гостило немного, но не сейчас – в близости возможной осады.

У дверей Даниил галантно пропустил Лиз.

– Леди.

И тут же протиснулся, сразу за девушкой, впереди сэра Уилфреда и Тахла.

Да, народу внутри набилось немало, причем разного. Были и богатеи в шикарных шубах дорогого меха, и победнее – в овчинных тулупах, и даже парочка бородатых охотников в меховых куртках из белой пумы – любая модница от Каффара до Халдони лопнула бы от зависти.

– Это... это кто? – Тахл указывал на группу измененных, примостившуюся за ближним столиком. Все с лохматыми мордами, слегка вытянутыми на звериный манер, а у одного даже грива. – С какой планета?

– Измененные, не тыкай пальцем!

К ним уже спешил атомный священник, возможно сам смотритель. Высокий, худой, даже многочисленные складки желтого одеяния атомных жрецов не придавали ему основательности. Большие оттопыренные уши на выбритой голове смотрелись нелепо, к тому же парню было не более двадцати лет. Насколько знал Даниил, смотрители – низшая и одна из первых ступеней в иерархии атомников, хотя некоторые проводили на забытых Атомными богами и людьми Станциях всю жизнь.

– Новые гости... – Взгляд почти девичьих глаз, в окружении пушистых ресниц, был растерян. Наверняка он не ожидал и не привык к такому количеству посетителей. – К сожалению, у нас не осталось свободных столиков...

– Кажется, вы ошибаетесь. – Леди Лиз указала на один из дальних столов, рядом с компанией хмурых dwarves.

Юноша растерянно обернулся:

– А? Да, точно... освободился... милости прошу. Но комната всего одна и без удобств... собственно, у нас все комнаты без удобств...

– Однако мы берем ее, – скрипнув доспехом, поклонился сэра Уилфред.

– Да, что ж, хорошо, пойду распоряжусь...

Их компания, ведомая старым рыцарем, начала протискиваться к столу.

– Господа, дама.

Не успели они как следует расположиться, рядом со столиком тут же возник незнакомец. Как и смотритель Станции, он был высок и худ. В отличие от смотрителя – в возрасте и с волосами. Жидкими и зачесанными назад; такая прическа являла миру высокий лоб с залысинами и выделяла остроту длинного носа. Из одежды на субъекте были высокие сапоги со шнуровкой, заправленные в них темные штаны галифе и темный сюртук, изрядно потертый. Полосатый шерстяной шарф довершал картину.

– Рекомендуюсь. – Субъект низко поклонился, тем не менее стараясь не терять достоинства. – Естествоиспытатель, действительный состоятель сертанского историко-географического общества – доктор Жан Элиасен. Волею богов и обстоятельств застрявший в данном... гм... месте. Осмелюсь предложить свои услуги, – закинув один из концов шарфа на плечо, продолжил субъект. – Если благородная компания пожертвует... один токен, всего один, медный, я с удовольствием...

– Денег нет и не получишь.

Все ясно – попрошайка, Даниил решил сразу его отшить.

– Тогда просто за еду, сытный ужин меня вполне...

– И ужина тебе не будет!

– В таком случае за похлебку, – не унимался состоятель какого-то там общества, – полная миска горячей похлебки... – взгляд пересекся со взглядом Даниила, – половина... треть... доесть за вами...

– Однако, думаю, он может отужинать с нами. – Рыцарь подкрутил бородку, посмотрел на девушку, после кивка последней продолжил: – И ничего отрабатывать не нужно. – Рука сделала приглашающий жест.

Даниил недовольно засопел – вот только оборванцев им не хватало! Ученый с поклоном придвинул табурет и присел.

– Благодарю вас.

А манеры... Можно подумать – благородный.

– Осмелюсь порекомендовать, – продолжил носатый, – здесь готовят замечательный гуляш. Густой, наваристый, однако пива я бы не брал. Не далее как вчера имел место инцидент, связанный с качеством данного...

– Слушай, Жан, или как тебя там. – Похоже, незнакомец раздражал только Даниила.

– Доктор Жан Элиасен, к вашим услугам.

– Тебя посадили за стол, покормят, будь добр, сиди молча! – За свою жизнь насмотрелся он на всяческих ученых и прочих докторов. Нормальные не шарятся по Станциям, работая за еду. Того и гляди начнет предлагать свои шарлатанские зелья.

– Ни в коем случае! Ни в коем случае! Я привык, так сказать, отрабатывать свой хлеб. Что может быть лучше занимательной истории, поведенной за трапезой. Таким образом, я поведаю вам историю. Лучшую из известных мне. Историю этого мира!

– Как интересно, – тихо произнесла Лиз своим ангельским голоском.

– И я б послушать, – присоединился к девушке Тахл.

– Я рассказывал ее на свадьбе младшей дочери герцога Валомбре, я рассказывал ее на знаменитом Ашбском турнире, что лишь раз в десять лет проводит правитель... Ашби. Я рассказывал ее на дне рождения сына мясника Прокруста из Мегер, но у меня есть оправдание – Прокруст далеко не последний мясник в городе. Теперь я расскажу ее вам, и вы уйдете отсюда значительно богаче, чем пришли.

– Или беднее на стоимость одного ужина! – не смог сдержаться Даниил.

Но ученый уже закрыл глаза, речь его стала напевна, даже где-то вкрадчива.

– В далекие времена, древние века неназванные боги создали наш мир. Они создали людей, и эльфов, и dwarves, и центаврийцев, и всяких тварей в небе, на земле, под землей и в море. Они создали небо как жилище богов и землю как обитель смертных. Они создали день и ночь, холод и тепло, печаль и радость. Они создали города и укрыли их от непогоды, чтобы люди и не люди могли жить в них. Они создали

электричество, чтобы даже ночами в домах наших были тепло и свет. Они создали Атомных богов, чтобы те повелевали электричеством, и всех прочих божеств, призраков, чудовищ и упырей, чтобы смертные не забывали, что такое почитание и страх. Они создали болезни и смерть и вместе с тем счастье обладания и радость материнства. Они создали любовь...

В этот момент принесли гуляш, и сказитель прервался. Даниил понимал его – трудно говорить, когда твой рот наполнен слюной.

Гуляш действительно был что надо. В меру пряный, не горячий, не холодный, как раз нужной густоты. Все принялись есть, отдавая должное блюду.

– Ну, что я говорил, – с набитым ртом вещал доктор Элиасен. – А знаете, на побережье Рог вместо мяса используется рыба. Не всякая, естественно, только кула и только плавники. К тому же местные травы. Весьма, весьма, доложу я вам, достойный вкус.

– На Церцее, в городе Ха, подавать похожее блюдо. – Рот Тахла также был полон. – Но использовать мясо моллюсков. Перед тем как варить, церцианцы его вымачивать в уксусе, три дня, и все равно оно как резина. – Тахл встрепенулся, даже прекратил жевать. – Я помнить! Я это помнить!

Их новый знакомый истолковал слова эльфа по-своему.

– А в стране Рунтес рыбаки выкапывают на берегу ямки, когда сходит прилив, в них остаются так называемые морские ежи – существа, как и их земные собратья, сплошь покрытые колючками. Требуется быть предельно осторожными, так как ежи ядовиты, но местные разделяют их, после чего употребляют в пищу. Сырыми. Деликатесом считается печень ежа, умирает каждый десятый, кто попробовал. Ваш покорный слуга продегустировал и, как видите, остался жив.

– На планете Горионте тоже водиться ядовитая рыба, там умирать каждый третий, я тоже пробовать – и жить! – выпалил эльф и, судя по округлившимся глазам, сам удивился своим знаниям.

Доктор громко засопел, сердито глядя на Тахла.

– Правитель Жильдара любит травить своих гостей, всех, без разбору. Когда я находился у него в замке, мне поднесли кубок...

– На планета Радон вообще ядовитая атмосфера, а я там прожил...

– Может, просто поедим! – прервал спорщиков Даниил. – Простите, леди.

Лиз сдержанно кивнула.

Какое-то время ели молча. Но ученый не мог долго держать язык за зубами либо считал своим долгом развлекать неожиданных благодетелей во время еды, ибо вскорости, утолив первый голод, начал:

– Вернемся, так сказать, к богам. После создания всего сущего взглянули они на дело рук и умов своих и поняли, что созданный ими мир хорош, и хорош весьма.

Даниил не удержался и фыркнул. Воспользовавшись этим, сказитель отправил очередную ложку в рот.

– И тогда решили боги уйти...

– Зачем? – удивилась девушка.

– Ну... чтобы создавать новые миры, ибо такова природа великих богов. Но перед тем как уйти, поставлен был во главе мира смотритель. Чтобы следил он за тем, что происходит на земле, высоко в небе и глубоко под землей. За всем сущим и несущим. Чтобы охранять мир, будучи ему отцом, матерью и опекуном. Чтобы день сменялся ночью, а ночь – днем. Чтобы в положенное время шел снег, а в положенное – дождь. Чтобы реки не сходили с начертанных путей, а моря не покидали отведенных берегов. Чтобы дули ветры, но не ураганы. Ходили волны, но не шторма, чтобы...

Очередная ложка гуляша отправилась в рот сказителя, и несколько фраз потерялось за чавканьем.

– ...во-от. – Окончательное перечисление обязанностей смотрителя совпало с пережевыванием порции. – И следит он, и охраняет, и направляет, и бдит.

Даниил прыснул со смеху, даже леди Лиз и сэр Уилфред улыбнулись.

– Но ничто не вечно под луной и под солнцем, и даже они имеют время жизни. Раз в две тысячи лет смотритель умирает. Но мир не остается без присмотра. Смотритель выбирает себе преемника – достойнейшего среди достойных, мудрейшего среди мудрых, и преемник этот принимает бремя огромной власти и становится богом, неназванным богом нашего мира. Но с властью приходит и ответственность. Теперь он следит за сменой дня и ночи, дождем, и

снегом, и ветрами, и волнами, и даже другими богами. Вот это история нашего мира, такая, какой ее знаю я, а теперь и вы, мои слушатели.

Сказитель поклонился, после чего принялся за гуляш и уже не отвлекался, пока не опорожнил миску.

– Про эльфов, как они появятся в этом мире, ты что-нибудь знать? – спросил Тахл.

– Про людей и эльфов, низкоросликов dwarves и центаврийцев, а также про джоджеков – загадочных существ с двумя головами, что живут в далеком Хайлайне и питаются исключительно человеческим мясом.

– Вообще-то нам завтра рано вставать – и в путь, – напомнил Даниил, – нужно как можно скорее и как можно дальше убраться от Варосса, пока сюда не пришла война.

– Я могу завтра рассказать, – тут же нашелся доктор Жан.

– И не бесплатно, – буркнул Даниил.

– Жду вас за завтраком, здесь же, на этом месте. На завтрак здесь подают изумительный пирог. Черничный.

Глава 2

– Э-ге-гей!

– Добра-то сколько!

– Жрачку, жрачку ищи!

– Сам ищи, а я здесь пошуршу!

Их разбудили крики, совсем не свойственные обычному течению жизни Станции.

Даниил встал и выглянул в окно, возле которого уже топтался Тахл. Сэр Уилфред и Лиз оккупировали второе окошко, причем на рыцаре были латы. Кажется, он и ложился спать в них.

Перед Станцией, на освещенном пространстве, бегали люди. Вооруженные. Судя по пестрому, плохо сочетающемуся одеянию, отнюдь не регулярная армия. Люди занимались тем, что вскрывали сани, увлеченно копаясь в содержимом. Часть из незнакомцев явно вознамерилась войти внутрь Станции.

– Люди барона Сен-са, – тихо произнес рыцарь, – я узнаю их по остаткам туник. Бывшие люди.

Даниил кивнул.

– Дезертиры.

На порог вышел смотритель.

– Территория храма... – донеслось до гостей, – падет гнев Атомных богов...

– Плевать! – Предводителем или кем-то вроде него был измененный; обнаженный торс с внушительной мускулатурой в лунном свете отливал металлическим блеском. Оттолкнув хранителя, измененный вошел внутрь.

– И не холодно ему.

Слова девушки вывели Даниила из ступора.

– Быстро, вяжем простыни, все, что можем, делаем веревку... – Он подбежал к окнам на противоположной стороне комнаты, выходящим на задний двор. По счастью, ночные визитеры пока туда не добрались. В лунном свете были видны колодец, сарай и сарай побольше с широкими дверьми, очень похожий на конюшню, Даниил надеялся – так и есть.

– Разве не наш долг остаться и защитить... – Рыцарь замолчал на полуслове. – Однако вы правы.

И они принялись за веревки.

– Помнить побег из резиденции председателя правления Талаинского банка, тогда пришлось спускаться с сотога... только не помнить, я это, не я... – Поняв, что его не слушают, Тахл замолчал.

– К саням не получится. – Даниил обвязал один из концов простыни вокруг ножки кровати, которую подсунул к окну. – Если ребята не дураки, – он имел в виду машинистов, которые остались ночевать в санях, – при первых звуках погрома раздули пары и уже далеко отсюда.

– Тогда куда?

– Есть одна идея!

Первым спустился Тахл, затем он принял леди Лиз. Сэр Уилфред настоял на том, чтобы покинуть комнату последним, Даниил не сильно спорил. Когда все оказались на земле, Даниил повел их к сараю, похожему на конюшню.

По счастью, двери были не заперты. Протиснувшись внутрь, они оставили щель, чтобы хоть немного видеть в темноте.

– Есть! – обрадовался Даниил.

– Лошади? – опешил сэр Уилфред. – Однако каков смысл? По морозу, да еще в снегу, мы не проедем на них достаточно...

– Это не простые лошади, – перебил его Даниил, – видели вчера в холле компанию dwarves?

– Нет.

– Не важно. Низкорослики не признают саней – и передвигаются только на своих пони. Они мохнатые и с жиром, так что к холоду привычные, – говорят, прямо в Дворах Чудес и делают пони. Да и широкие копыта почти не вязнут в снегу. Галопа не обещаю, но легкой рысью поедем.

– Dwarves, – подала голос Лиз, – то есть это значит, что мы возьмем чужое, по сути дела – украдем.

– Э-э-э... – Даниил беспомощно взглянул на рыцаря.

– Помню, когда я служил в гвардии небезызвестного графа Ательстана, в одном из походов, в нем я еще потерял руку, левую, так вот мы... если так можно выразиться... одолжили... некоторое количество провизии... и денег... и вещей, а потом не отдали, словом, отчаянные времена требуют отчаянных шагов, моя леди, – выкрутился сэр Уилфред, – к тому же мы позаимствуем далеко не всех лошадей.

– Напоминаю, я не умею ездить верхом, – ответила девушка.

– Вы поедете со мной, – кивнул рыцарь.

– И я не уметь... кажется, – встрял Тахл.

– Боги Изначальные! – выругался Даниил. – Хорошо, ты – со мной. Седлать некогда, ищем уздечки, и вперед!

– Кто здесь? – раздался испуганный голос.

Рыцарь с Даниилом тут же обнажили мечи.

Куча соломы в крайнем, пустом стойле зашевелилась, из нее показалась человеческая голова. Высокий лоб с залысинами, темные всклокоченные волосы.

– Жан? – первым узнал его сэр Уилфред. – Однако, друг мой, что вы здесь делаете, ночью?

– Я, некоторым образом, сплю, – отвечивал сказитель. – Комната на Станции стоит денег, но наш смотритель, в душевной доброте своей, позволяет ночевать в данном месте. В особо холодные ночи меня даже пускают на...

– Уздечки! – напомнил Даниил, пряча меч.

Компания заметалась по конюшне.

– Могу я поинтересоваться, что вы делаете? – Из сена показалась уже вся долговязая фигура доктора.

– На станцию напасть дезертиры, – коротко бросил Тахл, – бежать.

– Уздечки вон там, – довольно быстро сориентировался ученый. И первым поспешил в указанном направлении...

Они выехали во двор и тут же повернули коней в поле, подальше от освещенных окон Станции. Крики, звуки борьбы долетали даже сюда. Ученый увязался за ними, облюбовав себе отдельную лошадь.

– Однако мы скрылись, но куда теперь? – Когда они отъехали уже достаточно далеко, сэр Уилфред остановил пони. – До ближайшего города, а это – Терружен, более двух лиг.

– Тише! – Даниил поднял руку, призывая к тишине. Услышав знакомое журчание, повернул лошадь на звук. – Люди живут не только в городах, уважаемый сэр рыцарь.

Глава 3

Когда беглецы подъехали к реке, небо в стороне Станции озарили багровые отсветы.

– Неужели они подожгли Станцию? – Лиз словно говорила сама с собой. – Нет, не может быть. Гнев Атомных богов...

– В Элваше, когда войска Антонио Фигуэйры после трехмесячной осады взяли город, они разграбили все храмы, включая атомные, – тихо произнес Даниил.

– Совершенно верно, и особенно, насколько известно, свирепствовали отряды наемных эльфов! – желчно ввернул сказитель, с вызовом взглянув на Тахла.

Эльфю было не до колкостей, все силы уходили на то, чтобы не сползти с крупа лошади. И хоть двигалась их группа медленно, было видно: с непривычки парню приходилось несладко.

– Но это же... неумно, – удивилась Лиз, – ссориться с атомниками, они же могут лишить захватчика его владения всего...

– А Фигуэйра открестился от грабителей. Повесил десятка два, заплатил откупную храму – и все снова зажили мирно.

Некоторое время двигались молча.

– Однако вы утверждали, знаете, куда мы едем? – наконец не выдержал сэр Уилфред.

– Как я уже говорил, люди живут не только в городах...

– Эльфы в лесах! – Доктор Жан в который раз попытался замотаться в шарф. Их неожиданный попутчик был экипирован явно не для мороза, к тому же из-за низкорослости двергской лошадки ноги ученого волочились по снегу, и ему приходилось постоянно их поджимать.

– Волею... гм... случая мне приходилось бывать в этих местах. – Даниил и сам не особо уверенно чувствовал себя верхом, а тут еще Тахл, сползая, неизменно тянул его вниз. Одно хорошо – падать невысоко. – Ниже по течению стоит деревушка.

– Как же они выживают в этих местах? – удивилась Лиз.

Хоть обстановка и не располагала, Даниил уже несколько раз ловил себя на том, что исподволь любителюется девушкой. Несколько раз он даже специально придерживал лошадь, чтобы оказаться рядом. И даже немного завидовал сэру Уилфреду, которого обнимали прекрасные ручки.

– Рыбалка, главным образом рыбалка, ну и огороды. Видите ли, вода этой реки вытекает напрямиком из Атомного храма и обладает чудесным свойством никогда не замерзнуть, даже в лютые морозы...

Тахл опять едва не свалился с лошади и, как и в предыдущие разы, едва не потянул за собой Даниила. Пришлось потратить некоторое время на восстановление равновесия. Еще больше беспокойства доставлял лошадиный хребет, в который раз Даниил пожалел, что не додумался постелить хотя бы попону.

– Овощи, политые водой, благословленной Атомными богами, вырастают крупные, мясистые, но, если поить ею детей, те, наоборот, хиреют. Вот такая вот загадка. К тому же довольно часто из реки вылавливают двухголовых рыб, ну или с двумя хвостами, такие особенно ценятся в богатых домах Варосса и Терружена. Так что селяне не то чтобы жируют, но не бедствуют.

– В Пуатье, на поминках любимой собаки барона Мартелла, где ваш покорный слуга имел честь присутствовать, – не смолчал Жан, – пришлось мне отведать двухголовую рыбу. Там ее ловят в озере, которое также находится недалеко от местного храма Атомных богов. Надо сказать, весьма, весьма недурственно, к тому же она обладает свойством поднимать мужское... – Жан взглянул на Лиз и не очень уверенно закончил: – Настроение.

Даниил не выдержал и прыснул в кулак, отчего едва не свалился с лошади вместе с эльфом. Даже сэр Уилфред улыбнулся.

Компания минула излучину.

– Уже скоро, – кинул Даниил, ударив пятками в мохнатые бока пони.

В деревню они въехали почти засветло. Все, как и помнил Даниил, было по-прежнему, да и что здесь могло измениться. Низенькие домишки. Для сохранения тепла селяне закидывали их снегом, включая крыши, отчего те напоминали сугробы, с проталинами окон и наверху дымящейся трубы. У реки сушатся сети. Вдоль берегов, на оттаявшей земле – огородные грядки.

Первым, кого увидели, был старик, который, сидя на чем-то вроде перевернутого горшка, чинил сеть. Рядом, прямо на снегу, подстелив лишь старый мешок, полулежал чумазый карапуз – внук или чужой мальчуган; высунув язык и, кажется, не моргая ребенок наблюдал за работой старшего.

– Он же простудится! – воскликнула Лиз, отчего едва не свалилась с лошади.

– Сельские дети, в отличие от своих городских сверстников, обнаруживают поразительную... э-э-э... невосприимчивость к скарлатинам, насморкам и... прочим заболеваниям. – Доктор Жан являл собой типичный пример городского жителя, его уже откровенно трусило от холода.

– Утро доброе, старик! – приветствовал местного Даниил.

– А? – Тот повернул к ним лицо, щурясь на восходящее солнце.

– Староста у себя?

– Не-а, он в энтот, в кругу, духов задабривает.

– Кого задабривает?

– Знамо кого – духов. Задобришь тут, когда такое – упырь лютует!

Глава 4

Дым инспектор Владимиров заметил еще издали. Некоторое время раздумывал, не ускорить ли бег саней, поспешить на помощь, но решил не рисковать. В теперешнее непростое время лучше держаться подальше от всего, что хоть как-то выбивалось из привычного уклада.

И дым над Станцией относился как раз к таким случаям. Но он все-таки повернул, правда не прибавив скорости.

От Станции остались только стены, закопченные от огня. Сгорела крыша, перекрытия между этажами, даже хозяйственные постройки. По пепелищу двигались люди. Что-то искали, рылись, вытягивали из-под завалов. Женщина в рваной окровавленной одежде шла по двору, тихо подвывая. Плакал чей-то ребенок, сидя прямо в снегу. Смотритель – юноша в одежде атомных священников – стоял посреди всего этого с растерянным видом.

– Как же это... как же так...

Владимиров вылез из саней, прошелся по тому, что осталось от Станции. Под ближайшей закопченной балкой увидел то, что в принципе ожидал увидеть, – полуобгорелый трупик крысы с механическими конечностями. По крайней мере, он на верном пути. Хотя работу крыс мог сделать пожар.

– Что здесь произошло? – Он подошел к смотрителю.

– Дезертиры, они... они... – Одежда и сам смотритель были в саже. – Как же это... как же так...

Ну да – банды дезертиров, бич любого военного, да и послевоенного времени. Но эти, видно, совсем оголтелые, раз не побоялись напасть на Станцию.

– Доложите в Варосс и в Терружен, пусть пришлют сани, нужно вывезти людей. – Инспектор осматривался, пытаясь отыскать интересующую его компанию. Среди погорельцев были и юноши, и девушки, и пара эльфов, но как узнать тех, кто ему нужен?

– Да, следует доложить, – равнодушно согласился смотритель.

– Ну так докладывайте! – разозлился Владимиров. – Разве у вас нет храмовой почты!

– Комната с ней сгорела вместе со Станцией.

– Тогда нужно ехать за помощью.

– Это ваши сани? – К инспектору подошел худой субъект, как и все здесь, в закопченной одежде. Держа за руку, субъект вел растрепанную девочку лет четырнадцати.

– Мои.

– Руфус Моранус, – поклонился потерпевший, – негоциант. Если вы направляетесь в Терружен, возьмите мою дочь, в городе отведете к

моему брату – Юлию, на Солнечную улицу. Пожалуйста, он отблагодарит вас.

Услышав их разговор, к Владимирову начали подтягиваться остальные.

– Возьмите и меня.

– И меня!

– Мою дочь!

– Моего сына!

– Стойте! – Инспектор поднял руки. – У меня маленькие сани, на одного, ну на двух. Больше просто не влезет!

– Тогда возьмите...

– Я возьму смотрителя, отвезу к ближайшему Атомному храму, там почта, у них есть сани, он договорится. Ведь договоритесь? – обратился Владимиров к растерянному священнику.

– А? Да, конечно, да, наши помогут.

– А вы пока соорудите что-то вроде укрытия, разожгите костер, отыщите еду, грейтесь, поешьте. Храм недалеко, к вечеру, а то и раньше помощь придет.

И пока остальные не опомнились, Владимиров схватил смотрителя за рукав и потянул того к саням. Если те, кого он искал, и были здесь, никуда они не денутся, помочь остальным сейчас намного важнее.

Глава 5

Чтобы отыскать круг со старостой, компании верховых пришлось поплутать по улочкам.

– Странно, – пробормотал под нос Даниил, – никаких кругов последний раз не было...

Деревня словно вымерла, встретилось лишь несколько детишек. На вопрос о круге, они показывали в разную сторону. Взрослые быстрее, чем их компания успевала подъехать и заговорить, скрывались в домах-сугробах.

– Я бы сказал, похоже, они боятся, – высказал довольно здравую мысль Жан Элиасен.

– Упыря? – тихо и, кажется, испуганно произнесла Лиз.

– Однако иногда незнакомцы хуже всяческих упырей, особенно сейчас. – Сэр Уилфред ударил лошадь в бока, увидев очередного

местного.

На счастье, тот не собирался убежать. Он вообще был далек от того, чтобы хоть куда-то двигаться. Привалившись спиной к стене одного из домов, мужчина полусидел в снегу. Счастливая улыбка блуждала на лице, винный кувшин, судя по всему пустой, валялся рядом.

– Вот-вот, обратите внимание – типичное поведение селянства – класса угнетаемых. – Бедный ученый устал поджимать ноги, и сейчас они волочились по снегу, затрудняя движение несчастной лошади. – Повышение налогового бремени, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, зависимость от погодных условий и, так сказать, прихоти господина, невозможность откладывать накопления... – Дальнейшая речь потонула в зубовном цокоте.

– Может, потому и не может накопить, что пьет, – высказал здравую мысль Даниил.

– Или пьет, потому что не может, – предположил рыцарь.

– Или случится нечто.

– Э-э-эй, любезный! – Даниил не то чтобы спрыгнул – сполз с лошади, вместе с Тахлом. Как же было хорошо вновь свести ноги. Мышцы бедер болели нещадно.

Эльф просто опустился в снег.

– Я сейчас умереть, – выдавил он.

Спешились и остальные.

– Как тебя там! – Даниил тронул сидящего за плечо. От пьяного несло рыбой, а еще вином, но даже эти «ароматы» забивал почти одуряющий запах чеснока. Причем поморщился не только Даниил, но и вся их компания.

– Если верить трудам Бурима Старшего, *Allium sativum*, или чеснок посевной, помимо несомненных лечебных качеств, как то: излечение малокровия, подагры, золотухи и насморка, обладает также свойством некоторым образом отпугивать нечисть. В том числе и вампиров, или, если вам угодно, упырей, как сих созданий величает необразованное простонародье.

– Вампиров оставьте мне! – Даниил потряс спящего. – Слышишь ты, круг где?

– А пошел ты!.. – Пьяный прекратил улыбаться и даже попытался подняться, впрочем безуспешно.

– Я пошел! Сейчас ты пойдешь!..

– Позвольте мне. – На плечо Даниила легла легкая ручка.

– Милостивый государь... – леди Лиз присела напротив пьяницы, и прекрасное личико даже не морщилось, – не будете ли вы столь любезны указать нам направление к тому, что вы называете «круг».

Мужчина часто заморгал, открыл, закрыл рот.

– Туда, – показал направо, – между избами до конца села, и сразу упретесь в него.

– Благодарю вас. – Девушка встала, отряхнула накидку и, не оборачиваясь, двинулась в указанном направлении.

Остальные засеменяли за ней.

– Помнится, в трудах Полония Младшего, а именно в бессмертном «О природе вещей», в главе «Всякое», упоминался некий «круг». Однако, насколько я помню, а я помню, – доктор Жан вроде разговаривал сам с собой, однако делал это настолько громко, что слушали все, – отнюдь не в контексте духов, привидений и прочих... э-э-э... инфернальных существ. У Полония круг – место просветления, если хотите – обретения гармонии...

– А вот и местные, – перебил его Даниил, которому совсем не нравилось, как Жан щеголял своей ученостью, особенно перед Лиз.

Там, где кончались дома-сугробы, стояла толпа. Мужчины, женщины, дети, старики. Толпа хранила молчание. Рыбный дух множества тел, помноженный на чесночный запах, стоял почти осязаемой стеной.

– Помимо прочего, толченый чеснок, настоянный на козьем молоке, именно козьем, и принимаемый строго по каплям, оказывает благотворное влияние на сосуды... – Речь ученого сопровождалась зубовным цокотом.

Не отыскав, куда привязать лошадь, Даниил отдал поводья Тахлу, наказав тому стоять и ждать. Сам же, страдая от смрада, начал проталкиваться в первые ряды. Остальные, в том числе и бубнящий ученый, двинулись следом.

Перед селянами был действительно круг. Небольшие желтые камни, закопанные в оттаявшую землю, образовывали окружность метра два в диаметре.

– Песчаник, обыкновенный песчаник, – тут же нашелся Жан, – довольно легкая в обработке осадочная горная порода, однако удивительно, где они его, так сказать, добыли, ибо никаких гор в округе насколько я помню...

На него зацыкали, и ученый замолчал. Посреди круга камней лежал человек – юноша, раздетый. Лишь белая шкура снежного волка прикрывала низ тела. Над юношей склонился бородатый мужчина. Из волчьих шкур был сшит весь его костюм, а оскаленная морда, навроде шлема, венчала голову. Что-то бормоча, мужчина кинул охапку хвороста в небольшой костерок, который горел у изголовья лежащего. Столб огня взметнулся вверх. Толпа отреагировала на это дружным гулом.

Еще бы – древесина в Белых землях настоящее богатство.

Лиз дотронулась до руки Даниила и указала на шею лежащего. Впрочем, он заметил и сам – рана, ближе к ключице; не кровоточащая, даже не свежая, ибо уже начала загнивать. Раненый тяжело дышал. Бородатый в волчьем костюме закричал:

– О, Астарта, богиня, чье имя священо, Астарта, сплянься на зывающего к тебе! Твоя власть простирается всюду, твой взор скользит по Белым землям, внушая ужас, твоя воля непреложна и непреклонна, твое благословение драгоценно! Астарта, богиня, прошу тебя! Та, кто повелевает смертью и рождением, не забирай несчастного, оставь влачить существование земное!

Несмотря на то что на этот раз он ничего не бросал, костер ответил ему снопом искр.

– Весьма любопытно, – пробормотал Жан.

– Смотри, смотри! – Лиз сжала руку Даниила.

Рана на шее юноши начала не то чтобы заживать, но изменила цвет с бордового на красный, потом на розовый. Отек заметно, прямо на глазах, спал. Стало видно, что изначально это были две небольшие ранки у основания шеи. К тому же раненый задышал ровно и спокойно.

– О-о-о, – загудели селяне. – Астарта, славим, славим тебя!

Бородатый кинул еще пару веток, затем, по знаку его, несколько мужчин вошли в круг и, подняв больного, понесли его к одному из домов. Видимо, действие закончилось, ибо толпа начала расходиться.

– Староста? – спросил Даниил у одного из селян.

Тот указал на бородатого, который, шатаясь, выходил из круга.

Глава 6

– Ну что там? – Хотя на Тахле были добротные сапоги, стоя на месте он все равно замерз, отчего сейчас притопывал, смахивая на любопытного мальчишку.

Пока они возвращались к лошадям, Даниил думал: свидетелем чего они минуту назад стали? Милости богов? Да, боги оказывают милость, взять хотя бы тех же Атомных – дают электричество, защищают города от непогоды. Боги Двора Чудес – изменяют желающим согласно их... желаниям. Получается – какие-то местные боги врачевания?..

– Место силы, – как всегда первее всех, поспешил с объяснениями ученый.

– Однако что за места силы? Ни о чем подобном до сих пор мне не приходилось слышать. – Определил своим вопросом Даниила сэра Уилфред.

– Боюсь, не в обиду будь сказано, вы, как бы это... недостаточно образованны. Даже я, несмотря на весь свой, осмелюсь заметить, немалый багаж знаний, и то не до конца понимаю весь механизм, а также специфику...

– Не томи, рассказывай! – Даниил решил пока пропустить мимо ушей замечание об их недостаточной учености, проще говоря – тупости.

– Признаться, самому, как бы это... не доводилось быть свидетелем, однако от других естествоиспытателей, а среди них есть люди, заслуживающие доверия, доходили некоторые сведения... В последнее время, ну как в последнее – несколько лет, в различных местах, порою весьма отдаленных друг от друга, как, например, остров Палхи и архипелаг Глапагар или Зухария и Пергам, начали проявляться так называемые места силы, или мегикусы, которые некоторые ошибочно именуют «магикусы». Термин предложил известный естествознаватель Жерар Анкосс, и он – термин, естественно, – является производным от «мега» – большой, а не «Мага» – наименование реки, возле которой якобы впервые наблюдали

подобное явление. Осмелюсь заметить, лично я считаю, данный термин не в полной мере...

– Мег, маг, а покороче нельзя? – не выдержал Даниил.

Сказитель тут же замолчал, возмущенно пыхтя и одновременно стуча зубами от холода, – жуткая смесь звуков. Впрочем, надолго его возмущения не хватило, тем более что Лиз произнесла:

– Прошу вас, рассказывайте дальше, доктор.

– Только из-за вас, миледи, – низко поклонился ученый, произведя концом шарфа сложные движения и громко втянув носом. – Ну так вот, как я уже имел удовольствие сообщить, мегикусы возникают в различных местах и возникают спонтанно. Внешне это никак не проявляется, однако с некоторого времени в определенном месте происходят, как бы это сказать... явления. Например, мегикус в Пергаме, как и здешний, обладает свойством врачевать различные недуги. Аланфийский наделяет стоящего в нем, после соответствующего ритуала разумеется, даром предвидения. Ненадолго и не совсем точным, но тем не менее. В этом плане наибольший интерес, как мне кажется, вызывает место силы, которое находится близ Китти Хок, по непроверенным данным, вошедшие в него обретают дар левитации.

– Чего? – удивился Даниил.

– Могут летать, – спокойно уточнила леди Лиз.

– Я знаю, что такое левитация, но это уже, мне кажется, сказки, человек не птица и летать не может. Как говорится в одной поговорке: «Если бы боги хотели, чтобы люди летали, они даровали бы им крылья».

– Не хотите слушать – не слушайте, – тут же надулся ученый. – Я сказал – по непроверенным, к тому же, если, так сказать, верить очевидцам, полет длится непродолжительное время и на высоте не более двух локтей от земли. Но это, как говорится, только начало. Те же очевидцы утверждали: в первое время, после появления данного мегикуса, продолжительность и высота полета были существенно ниже. Что говорит о том, что недалек тот час, когда люди...

– Люди не мочь летать, все верно, – неожиданно заговорил Тахл. – Если ваши очевидцы не врать, тогда в том месте должен находиться под землей антигравитатор или иная установка. Но их нужно как-то включать...

– Врать! Очевидцы – врать! И кто это говорит? Эльф-недоучка! Антигравитатор... Ха! Избавьте меня от ваших шарлатанских терминов! Для активации свойств так называемых мест силы используются строго научные методы, как то: чтение заклинаний, молитв, разжигание костра и жертвоприношения. И они, заметьте, работают! Что, впрочем, некоторое время назад мы имели счастье наблюдать и в данной местности.

– Я – шарлатан! – Эльф тяжело задышал, явно не зная, что сказать от возмущения.

– Именно. Не подумайте чего, я, конечно, не расист, но всем известно, и многочисленные свидетельства тому доказательства, что остроухие – народ склонный, так сказать, к приукрашиванию действительности, проще говоря – вранью. Нет, конечно, и среди них встречаются индивидуумы, выбивающиеся из общей, так сказать, картины, взять хотя бы для примера небезызвестного ученого-астролога А-Кинди Ахдадского...

– Эльфы – врать? Да сам ты врать!

– А ну, тихо! Разошлись! – Даниил заметил, в какой из домов зашел староста. – Пойдемте потолкуем с местным главой.

Как и следовало ожидать, дом старосты оказался самым большим сугробом. Постучав и получив разрешение, компания ввалилась внутрь. Здесь чесночно-рыбная вонь оказалась настолько сильна, что сэр Уилфред и Лиз не задерживаясь выскочили наружу. С Даниилом мужественно остались Жан Элиасен и Тахл. Ученый обмотал шарфом низ лица и периодически протирал слезящиеся глаза, скорее всего довольный возможностью погреться; Тахла, кажется, вообще не заботил запах, впрочем, он все еще продолжал шумно сопеть, задетый словами тощего доктора.

– Слышал, у вас упырь объявился, – сразу перешел к делу Даниил.

– Объявился, – староста уже успел снять верхнюю часть костюма, а именно голову волка, – десятин несколько как. Добро бы стариков, или детишек там, или девки какой кровь испил. Так нет – злыдень, Лакулу-кузнеца покусал, тот на три дня слег, а из Верхней Снежковки, как назло, за гарпунами пришли, они еще о прошлом полнолунии заказывали. Потом – Пуха, он у нас лучший рыбак в деревне. Двухголовую ему поймать что два пальца... того этого.

– Термин «упырь», или *uregise*, пришел в наш язык из южных земель, в частности в Зухарии так именуют оживших покойников, встающих по ночам. Само слово, по мнению некоторых исследователей, происходит от древнезухарского *arigo* – жертва без огня, не принятая богами, либо центаврийского *rahhur* – огонь, – забормотал из-под полосатого шарфа Жан.

– А вы, извиняюсь, на какой предмет упырем интересуетесь? – Слова ученого мало впечатлили старосту.

– Мы интересуемся на предмет избавить вас от него, – ответил Даниил. – Надеюсь, сами не пытались?

– Пыта... чего? А, ну да, пытались, как не пытаться, даже до гатахи на погосте дошли, в которой покойников сжигаем. Где-то в тех местах этот самый кровопивца обосновался. Да только боязно стало, а ну как выпрыгнет да как выпьет всю кровушку-то.

– Очень хорошо, – кивнул Даниил, – в это время года упыри крайне агрессивны. – Краем глаза он заметил, что Тахл заинтересовался содержимым кувшинов, которые стояли на полке у входа. Эльф поочередно снимал их, принохаясь к содержимому.

– А еще Тандычиху насмерть перепугал, – между тем продолжал староста. – Нет, оно, может, и хорошо, старуха только то и делала днями, что матюгала всех на чем свет стоит. А особенно как идешь, бывалчи, после ну этого... собрания, выпимши, понятное дело, а она...

– Три золотых! – перебил старосту Даниил.

– А?

– Я говорю, три золотых, и я избавлю вас от кровососа. – На всякий случай Даниил оттянул Тахла от кувшинов и полки.

– Ишь ты, мил человек, три, да еще золотых. – Староста шумно почесал грудь под шкурой. – Упырь, может, и того – не больно страшный. Акула выздоровел, а Тандычиху все одно никто не любил.

Аргументы его очень походили на аналогичные брата настоятеля в храме, где Даниил встретил Тахла.

– А если упырь в следующий раз укусит вас?

– Меня? А чего меня кусать, я – старый, невкусный, пусть лучше вон Пухову дочку кусает. Девка – кровь с молоком, пей не хочу. Вот ежели б кто за два медяка сподобился упыря извести, я б ему прямо в

тот момент бы заплатил, еще и на... этом, как его, собрании отметил – почет и уважение.

– Два медяка! – всплеснул руками Даниил. – Да за два медяка я не то что упыря, ворону убивать не стану!

– А ворону нам без надобности.

– Два золотых и два серебряных, и это – последняя цена. И только потому, что я тороплюсь... – Это было почти правдой, ибо Тахл вновь начал подбираться к полке, за эльфом подтянулся и доктор – они не ели со вчерашнего вечера.

– Торопись, чего ж не торопиться, коль надо, мы никого силком не держим. Вот ежели б кто, скажем, за серебряный кровопивцу-то того, мы б его прямо сейчас, и на собрании...

– Вы, я вижу, человек бывалый, цены знаете, провести вас никак нельзя...

Староста серьезно кивал каждому слову Даниила.

– Два золотых. И то только для вас и из уважения к столь...

После получаса торгов и постоянного слежения за голодными попутчиками Даниил со старостой сговорились на одном золотом и запасе продуктов на дорогу. Стороны скрепили договор дружными плевками на ладони и рукопожатием.

Глава 7

– Я ведь здесь временно. – Молодой священник то ли оттого, что отогрелся, то ли прошло достаточно времени, потихоньку выходил из ступора.

– Где? – Хоть сани и легко скользили по снегу, инспектор Владимиров следил за «дорогой» – под сугробами часто прятались камни, да и в яму вполне можно было влететь, ведь сейчас они двигались не проторенными путями.

– На Станции. Моя мечта – перебраться в Головной храм, в Клапроте.

– Почему в Клапрот?

– Там находится Алтарь Урана.

Инспектор Владимиров покивал, он не очень разобрался, чем алтарь Урана предпочтительнее других, но, если парень мечтает, что

ж...

– И Отец Пелиго, мой наставник, обещал мне. Он в Клапроте кастиеляном – второй человек в храме после настоятеля. Говорит, пару лет послужишь на Станции, потом заберу к себе – помощником. Теплое местечко. А я не хочу помощником! Не для того я пошел в атомные священники. Моя мечта служить богам, у самого Алтаря!

Похоже, молодого, что называется, понесло. Владимиров знал: так бывает после стресса. Выговорившись, люди, как правило, засыпали.

– Не все ли равно, где служить?

– Нет! Вы не понимаете. Алтарные, они... это высшая ступень! Только избранные, лучшие из лучших, после многолетних трудов удостоиваются чести. Служба у Алтаря почетна, но и трудна. Под землей, раз спустившись, никогда больше алтарные не видят солнечного света. Они следят за посохами, завещанными Атомными богами. Посохи опускаются в священный котел, в котором, благодаря молитвам посвященных, вскипает вода, ну а она уж...

– Изначальные боги! – В последний момент увидев яму, присыпанную снегом, Владимиров едва успел отвернуть.

На молодого зрителя неожиданный маневр не произвел никакого впечатления.

– Атомные боги изменяют их, они становятся... не такими. Да, плоть отваливается и тело покрывается язвами, но это – часть служения, малая плата за счастье быть рядом с Алтарем! Рядом с посохами, с котлом, говорят, иногда видят самого Урана. Братьев и хоронят прямо там, в Алтарной. Но теперь, из-за случившегося... – Неожиданно до этого тусклые глаза зрителя посветлели. – Ведь Станции больше нет, как вы думаете, меня переведут в храм?

М-да, кому горе, а кому шанс подняться по карьерной лестнице. В случае парня – спуститься.

– Переведут, переведут. – Владимиров занимало совсем другое. – Скажи, среди постояльцев, тех, которые заехали в последние сутки, попадалась компания из девушки, пожилого рыцаря, парня и эльфа? Они должны были прибыть на роскошных санях.

– Да, – кивнул священник, – что-то такое... приехали вечером, перед нападением, комнату сняли. Точно, были: эльф, рыцарь и девушка! А ничего, что положенного срока не прошло, а я – в храм? Некоторые ждут шанса годами, вон хотя бы зритель Станции у

Ньюбурга, уже лет пять на одном месте, а ведь он и прошения подавал, и к самому Архитектору ездил.

– После нападения ты их видел?

– Нет, после не видел и среди мертвых не видел. Может, дезертиры забрали? Или сбежали, ночью. Но ведь Станцию могут отстроить, а меня обратно... – Юноша снова погрузился. – Эти постояльцы, клиенты, тому недосолено, этому перина недостаточно мягкая... А где-то там, под землей, – настоящая жизнь!

Дезертиры забрали – вряд ли, зачем им пленники – лишние рты и обуза, а вот сбежали – вполне. Если так, скорее всего, они станут пробираться в Терружен – дорога одна, не заблудишься, да и ближе он, чем Варосс. Но может, они подались в Белых землях куда глаза глядят. Если так – отыскать их шанса нет, да и остаться в живых у беглецов на морозе тоже невелика вероятность.

– Но, если даже и отстоят, я скоро год как прослужил на Станции, значит, еще всего годик, и все. Ведь Отец Пелиго обещал, верно?

Глава 8

В полночь, сопровождаемый восхищенными взглядами селян, в полной боевой экипировке, с мечом и сундучком с зельями, Даниил отправился на охоту за упырем. Тахл и Жан увязались за ним.

– Ваш упырь не придумка, он есть, существовать?

– Существовать, ха! – прежде чем Даниил успел с объяснениями, встрял Жан Элиасен. – Да будет вам известно, молодой... гм... человек, упырь, или, выражаясь научно, *Desmodus rotundus*, – большой кровосос, вампиреус – одно из самых страшных и кровожадных порождений неназванных богов. Хотя некоторые ученые, в частности Донджо Полидори, в своем труде «Монструмус» высказывал мысль, что вампиреус – создание скорее Двора Чудес, нежели неназванных, или, как их еще величают, Изначальных богов. Из чего следует вывод о более позднем происхождении и появлении Десмодусов. Однако Абрахам Вамбери в труде «Легенды и мифы древних центаврийцев, dwarves, эльфов и прочих малых народов» привел несколько легенд, корнями своими уходящих в глубоко допотопные времена. Из текстов легенд Вамбери делает вполне логичный вывод о древности вампиров, а следовательно – несостоятельности теории Полидори.

– И он правда пить кровь? Живых?

– Дениэл Моллой довольно подробно описал данный... гм... процесс в своем труде «Интервьис», к несчастью незаконченном. Вампиреус подкрадывается к намеченной жертве сзади, далее следует стремительный бросок, после чего острые клыки существа пробивают стенку яремной вены. Из полученных отверстий посредством сосательных движений вампиреус производит извлечение жизненных соков. До тех пор, пока жертва не обескровится, вследствие чего наступает преждевременная смерть. Тот же Моллой категорически отвергает слух о том, что якобы укушенные десмодусами и выжившие после этого жертвы сами становятся вампиреусами. Так, в частности, Моллоем был проведен эксперимент...

– Я помнить... я уже многое помнить... на планете Венца, во дворце тамошнего дожа жить лимбианец. Для жизни лимбианцам тоже нужна кровь, чужая. Он пить ее, но брать на бойне, у животных.

Они дошли до гатахи – черного от множества костров круга земли, в котором сжигали трупы.

– Следует заметить, ритуалы кремации в Белых землях и, скажем так, более теплых землях заметно разнятся. – В близости опасного места ученый перешел на шепот, но не замолчал. – В частности, здесь в качестве, так сказать, топлива используется горючая смесь...

– На планете Асхалла тоже сжигать покойников... О – помнить!

Даниил поднял руку, призывая к тишине.

– В данный момент нам посчастливилось присутствовать при обряде хеллсинга, или охоте на вампиреусов. Всегда мечтал увидеть. – Конечно же сказитель не мог долго хранить молчание. – Проводящий обряд, в нашем случае – охотник на вампиреусов, рисует мелом пентаграмму, в углах которой зажигаются ароматические свечи, произведенные из жира, так сказать, утопленников, которые утонули в ближайшем полнолуние. В случае отсутствия поверхности для мелования, как у нас, охотник использует золу, рассыпая ее... э-э-э... пентаграммой. Важнейшим элементом является совершеннейшее безмолвие, ибо малейший шорох может разбудить...

– Эй, выходи, ты где?! – что есть силы закричал Даниил.

Ученый едва не подавился собственной слюной.

– Ну! – продолжил Даниил.

– Осмелюсь напомнить, у вампиреусов обостренный слух, если верить...

– Чего так долго? – прозвучал голос из темноты.

Взвизгнув, ученый спрятался за спиной Даниила, и даже присел, и даже обхватил голову руками.

– Я тощий и невкусный, крови мало... – послышалось сдавленное.

– Дела, – отвечивал Даниил.

Тахл не прятался, но заметно удивился. На свет луны вышел человек в длинной темной накидке, улыбнулся, обнажая белые зубы с выдающимися верхними клыками.

– Вампир! – непонятно как разглядел доктор Жан.

– Я уже замучился. Договаривались – пару месяцев, а скоро будет три, – произнес обладатель клыков.

– Ну, прости. – Даниил подошел к вампиру, и они обнялись.

– Э-э-э... – возвестил снизу ученый.

– Селяне чуть не доконали меня, – расчистив от снега один из надгробных камней, вампир уселся на него, – моются раз в год, и рыбой несет, хоть с подветренной стороны заходи. А в последнее время еще взяли моду чеснок жрать. Чеснок я еще выдержать могу и даже рыбу, но вот немытые тела...

Даниил серьезно и сочувственно кивал каждому слову.

– Поначалу кусал в шею, – продолжал жаловаться вампир, – как ты и говорил. Но воняют, один раз чуть не вырвало. Поэтому – вот. – В руке кровососа появилась палка с двумя острыми шипами на конце. – Просто протыкаешь, на вид как укус.

Ученый прекратил обнимать собственную голову и даже поднялся. Некоторое время он переводил удивленный взгляд с Даниила на вампира и обратно. Затем осмелел до вопроса:

– Позвольте спросить, для чего палка, вы разве не питаетесь, как бы это... кровью?

– Кровь! – возмутился вампир. – Обывательские сплетни! Ума не приложу, откуда они берутся. Я, как и весь мой народ, в качестве пропитания пользую так называемую жизненную силу. Да, признаю, доноры худеют, бледнеют, понижается иммунитет, но и вы меня поймите, есть-то хочется. Кстати, Даниил, нас не представили, кто это с тобой?

– Жан, Тахл, – поочередно указал на попутчиков Даниил, затем мотнул головой в сторону вампира: – Стефан.

– Доктор Жан Элиасен, – пробурчал ученый, сделав ударение на первом слове.

– Деньги, как и договаривались, поровну, – продолжил Даниил. – Сторговался за один золотой, так что половина твоя.

– Один! Вот жлобы! Эх, в следующий раз надо будет старосту куснуть или кого-то из его семейства.

– Гм... простите, учитывая ваш способ... гм... питания, зачем вам деньги? – Ученый набирался отваги на глазах.

– Что значит «зачем»? – Стефан даже поднялся, то ли от возмущения, то ли просто было холодно сидеть. – А вам зачем? Деньги всем нужны! Одежда, дорожные расходы, предметы роскоши, в конце концов. Я, знаете ли, коллекционер, и у меня, чтоб вы знали, довольно неплохое собрание мумифицированных голов. Возможно, лучшее в данной области. Да оно здесь, недалеко, идемте покажу?

– Нет, – закашлялся ученый. – В другой раз.

– Ну, как знаете.

– В общем, так. – Даниил вытянул горсть медяков, которые получил в качестве задатка от старосты, и отдал ее Стефану. – С сегодняшнего дня никого не кусаешь, ну или не тыкаешь своей палкой. Лучше вообще уйди, вдруг кто случайно увидит.

– Я и сам собирался, только тебя ждал, уже и место присмотрел. Верхняя Снежковка – соседняя деревня, там заброшенная хижина недалеко, в ней и обоснуюсь. Тебя когда теперь ждать?

– Если все нормально, наведаюсь через пару месяцев. Договор тот же – пополам.

– Да уж, приди, а то наше маленькое предприятие – мой единственный источник дохода.

– Пошел бы работать, – подал голос до этого молчащий Тахл.

– Нет, – ответил вампир. – Физический труд не по мне. Я скорее гуманитарий, к тому же роман пишу.

– Роман, – оживился ученый. – Позвольте полюбопытствовать, о чем же? Можно прочесть?

Вампир смутился:

– Ну нет, пока только первая глава... ну, не совсем глава, так – наброски, и название: «Дневники вампиреуса», и аннотация, но я

активно работаю!

– Ладно, хватит. – Даниил порылся в сундучке и выудил небольшой мешочек. – Надеюсь, местные получили достаточную дозу ожидания, пора непобедимым борцам с нечистью возвращаться.

– Что у вас там? – с любопытством спросил ученый.

– Клыки, не вампиры, конечно. Животных разных, в основном снежного волка. Надо же принести, так сказать, трофеи.

Глава 9

– Вы упоминали Амалорм? – формально Даниил обращался к старому рыцарю, но при этом смотрел на Лиз. – У вас там дела? – Было и любопытно, и одновременно страшил ответ. Вдруг девушку действительно ведут, дабы отдать замуж. Повезет будущему мужу... хотя ему, Даниилу-то, что.

– Однако, естественно, дела...

– О-о, Амалорм, – к неудовольствию Даниила, перебил рыцаря сказитель. – Город на краю света! Да будет вам известно, Амалорм упоминается еще в трудах знаменитого Герундуса. Некоторые историки, в частности Горушевский, ассоциируют его с легендарным Танелорном – первым городом на земле...

В деревне Жан Элиасен разжился старым шерстяным ватником и такими же штанами – вещи далекие от моды, но зато теплые. С полосатым шарфом, повязанным поверх, он смотрелся как пугало. Но когда мороз пробирает до костей, не до красоты.

Староста, в отличие от настоятеля храма Апокалиптиков, не обманул. Покидал деревню Даниил богаче на один золотой, или половину, учитывая отданное Стефану, а вся группа разжилась припасами и палаткой – старой и плохонькой, но в Белых землях вещью незаменимой. Тем более что на пути к Терружену им придется заночевать в дороге. Даниил кинул взгляд в сторону Станции – там уже ничего не дымило, но все решили, что возвращаться небезопасно.

– Я кое-что вспомнить. – Тахл немного приспособился к верховой езде – во всяком случае, сегодня не сползал столь часто. – Историю, но не этого мира.

– Историю, ну, ну... – Сказитель закинул распутавшийся конец шарфа на плечо.

– Я помню Федерацию, которая раскинулась на сотне планет, я помню планета Камбервел и спутник ее Эйнс. Я помню перелеты меж звезд, и еще я помню двух камбервельцев, хотя вы бы назвали их эльфами. Один был вор, и звать его – Рауль. Однако Рауль быть не просто вор, а мастер своего дела. Вскрытие сокровищницы Эль-Вангана, похищение алмаза «Кушнир», кража из картинной галереи Третьяк – эти и многие другие дела греметь по планетам галактики. Надо сказать, Рауль делать это не ради денег, точнее, не только ради денег. Он быть, как это, поэтом своего ремесла. Каждый замок, каждое дело, сокровище он рассматривать как вызов, загадку. И получать удовольствие от решения этих загадок.

Сказитель фыркнул.

– Вор есть вор, какими бы моральными принципами ни прикрывался!

– Может быть. – Кажется, Тахл пожал плечами, во всяком случае, немного сдвинулся. – Второй, я мочь назвать его имя – комиссар Ганимар, быть полицейский. Он тоже быть поэтом своего дела. Похищение шелкового брэнета, кража варганской жемчужины, ограбление банка «Ллойдс» – раскрытие этих и многих других преступлений дело его рук и головы. Один быть лучшим вором, второй – лучшим полицейским, пути этих двоих должны быть пересечься. И они пересеклись. На деле о пропаже наследственных драгоценностей клана Рохан, потом быть кража савойских поющих кристаллов и дело о похищенной священной корове. О-о-о, за противостоянием этой пары следить вся Федерация, даже заключаться пари. Хотя схватка не быть равной. Что мочь предоставить бедный вор полицейским ресурсам десятков планет.

Жан снова фыркнул.

– Типичная логика преступника!

– На планете Гваргла, – продолжил Тахл, – Ганимар едва не настигнуть Рауля, тому чудом удалось избежать расставленной ловушки. И он понять, что кольцо сжиматься. Тогда вор решить отправиться на задворки цивилизация – далекую планету Терра – родину одной из гуманоидных рас. Он купить билет и полететь на звездолет.

– Что было дальше? – тихо спросила Лиз. – Ваш полицейский отправился за ним?

– Отправиться... наверное.

– Ты кто-то из них? Вспомнил свое имя? – полуобернулся к нему Даниил.

Тахл вздохнул:

– Я... я не знаю. Я помнить истории этих двоих. Иногда мне казаться, что я – Рауль, иногда – Ганимар, а иногда я словно смотрю со стороны. Может, это всего лишь истории, услышанные когда-то... Но, определенно, я отправиться на Терра.

Эльф замолчал, то ли обдумывая сказанное, то ли пытаясь выудить новые воспоминания.

– А какова ваша история?

– А? – Даниил не сразу понял, что Лиз обращается к нему. – Моя? У меня попроще.

– И все же.

– Ну... – кого другого он бы послал со своими расспросами, – родился в Вароссе, наверное в Вароссе, потому что первое воспоминание – приют.

– О-о, так вы приютский... – Сказитель, естественно, не смог сдержаться, чтобы хоть что-то не вставить.

– Да, родителей не знаю. Может, подкинули, а может, и продали. Конечно, в детстве каждый из нас мечтал о том, что окажется законным отпрыском какой-нибудь знатной фамилии, которого выкрали в детстве. И однажды папаша и мамаша явятся, все в белом, и заберут обожаемое чадо обратно в замок. Годы проходили, никто нас не забирал, разве наниматели рабочих домов. Нас воспитывал Кабалин – бывший приютский, такой же подкидыш, как большинство из нас. Он заменил нам всем отца и мать. Другие воспитатели больше кричали на своих подопечных, наказывали, но Кабалин был не таким. Он научил нас грамоте, он заставлял читать книги, много книг – по истории, арифметике, философии, но, самое главное – он научил нас быть людьми. Не озлобиться, не стать сволочами. Да, некоторые свернули на кривую дорожку, но... одним словом, не знаю. Несколько лет назад, я как раз был на севере, Кабалина убил воспитанник. Парень оказался психически ненормальным и во время одного из припадков зарезал воспитателя, когда тот пытался его успокоить. Вот такая вот история – боюсь, далекая от романтичности...

Из-за ветра, из-за мороза глаза Даниила начали слезиться, он вытер их рукавом.

– У Аниатона Макарского в сборнике «Поэма о флагах» приведен прелюбопытный рассказ... – Жан Элиасен сбился на полужеле, махнул рукой.

Дальше поехали молча.

Глава 10

– А я и говорю – негоже так себя вести! Отрокам к лицу смирение, с должной долей терпения, как и подобает мужескому полу. Ты же верещишь, словно презренная девица, тем самым позоря высокое звание мужа.

– Насколько я понял, парень кричал оттого, что ему отрубили руку? – на всякий случай уточнил инспектор Владимиров.

– Всего лишь ниже локтя, к тому же произвел сие действие брат Войтенко, как истинный мастер, с одного удара. Срез вышел ровным и чистым, а предваряло сие воспитательное действие наложение давящей повязки, дабы наказуемый прежде времени не истек кровью.

Владимиров вздохнул. Поначалу путешествие с воинами Братства Чистой Любви выглядело не такой плохой идеей. Атомный храм, в который они прибыли с молодым смотрителем Станции за помощью, как оказалось, не располагал достаточным количеством саней. Санепарк насчитывал всего одни – пятиместные, в которые при очень сильном желании могло поместиться не более восьми человек, и тройку одноместных, как у Владимирова. Загрузившись продуктами, теплыми вещами и топливом для костра, в тот же день они вернулись к пепелищу. За раз, да и за два перевезти всех пострадавших не представлялось возможным, к тому же это требовало времени, так что инспектор оставил храмовникам свои сани с уговором, что заберет их на обратной дороге. Благо дело, мимо проезжал отряд братства, который как раз направлялся в Терружен. Правда, немного смущали открытые сани, но сезон вьюг еще не начался, так что можно было и потерпеть. А упитанные лица братьев говорили о неплохой кормежке, что для инспектора было немаловажно. Но после суток совместного путешествия идея потеряла большую часть привлекательности. К инспектору сразу подсел брат Силантьев. Чрезмерная болтливость брата, помноженная на своеобразный взгляд на мир, делала совместное путешествие не таким приятным, как представлялось вначале. К тому же брат Силантьев не просто говорил, он еще вовлекал в разговор слушателя, так что вежливым «гм» и «да» не получалось отделаться.

– Еще раз. – До этого Владимиров был не очень знаком с философией братства, теперь появилась возможность расширить кругозор. – Вы поймали парня на воровстве половины буханки хлеба.

– Точно так, – серьезно кивнул брат Силантьев.

– И вместо того чтобы просто пожурить и отпустить, ну или дать подзатыльник, в крайнем случае всыпать воришке плетей, отрубили несчастному руку.

– Ты не слушал меня, всего лишь ниже локтя, и предварительно мы перетянули...

– Хорошо, половину руки.

– Ну да. – Силантьев явно не понимал причину возмущения Владимирова.

– За буханку хлеба.

– Половину.

– За полбуханки хлеба – половину руки, равноценный обмен!

– Это было сделано для его же блага. Впредь, я уверен в этом, отрок перестанет промышлять недостойным званием мужа воровством, встанет на путь добродетели и будет благодарен нам за науку.

– Возможно. А если он просто хотел есть или добывал еду для близких?

– Преступление, из каких бы благих побуждений ни совершалось, всегда остается преступлением. Кому, как не инспектору, должно знать подобные вещи. Разве отобравший жизнь по неосмотрительности либо в состоянии некоторого помешательства рассудка от этого перестает быть убийцей? И разве ты станешь с меньшим рвением искать его? Сначала парень украл хлеб, а завтра выйдет с топором на большую дорогу. Нет, сие было сделано для его же блага и блага окружающих! И нам, смею тебя заверить, наказание доставило много больше неудовольствия, нежели экзекуемому.

– Не сомневаюсь.

Инспектор с надеждой посмотрел вдоль дороги – шпили и башни Терружена, за голубой дымкой Божьей Пелены, приближались, но медленно, слишком медленно.

– Кстати, ты обдумал мое предложение? – Верный себе брат Силантьев и не думал оставлять инспектора в покое.

– Какое? – Признаться, Владимиров не сразу понял, о чем он.

– Ну как же, я же говорил, брат Евдокий на прошлой неделе оставил нас, павши жертвой недоброжелателей...

– Ты говорил, он перепил и обожрался в харчевне. Причем ранее такое уже случалось, просто в этот раз организм не выдержал.

– Что не отменяет козней врагов. Но память о нем будет жить вечно в наших сердцах, к тому же мы отомстили – сожгли харчевню. Как бы то ни было, в отряде образовалось место. Пообщавшись с тобой, мы с братьями решили, что имеем в попутчиках мужа достойного, со множеством добродетелей, не желаешь ли ты...

– Присоединиться к вам, – вспомнил Владимиров, который, признаться, посчитал предложение шуткой. – Нет, спасибо.

– Почему? – искренне удивился Силантьев.

– Ну... э-э-э... – Владимиров не думал, что придется аргументировать. Он лихорадочно принялся вспоминать, что знал о братстве. Кажется, при вступлении в него воины давали клятву безбрачия. – У вас с женщинами нельзя, а я любитель, ну, того... этого. – Лучшего аргумента не удалось найти.

– Женщина – сосуд греха, – серьезно кивнул брат Силантьев, – и дотрагиваться до них есть осквернять себя и высокое звание мужа. Мы понимаем, плотские желания – неотъемлемая часть естества, поэтому любой из братьев с радостью поможет тебе в их удовлетворении.

– В каком смысле?

– Ну, как же, дотрагиваться до иного мужчины, а также сожительствовать с ним есть проявление чистоты, именно поэтому мы и именуемся Братством Истинной Любви. Ибо только любовь между мужчиной и женщиной, любовь равных, есть проявление естественного порядка вещей.

Владимиров чуть не подавился, причем собственным языком. Проклятье, отчего же этот Терружен так медленно приближается!

Если Варосс можно было назвать городом храмов, то Терружен по праву считался городом факторий. Различные купеческие и прочие торговые гильдии – от Мшанских до Королевства Рог – имели в Терружене свои представительства. Несмотря на близкое расположение Варосса и Терружена, последний не относился к герцогству. Заправлял городом и окрестностями так называемый Совет Тринадцати. Причем двумя годами ранее правителей было

двенадцать, а за век до этого вообще два. С такими темпами в будущем количество руководства рисковало сравняться с населением города.

– Доблестные воины, не защитите ли нашу деревню от проклятых лат! Житья от них нет!

Еще раньше Владимиров заметил у ворот в город группу крестьян, одетых небогато, но видно, что в лучшее, как наряжаются провинциалы, собираясь в столицу. Крестьяне подходили к воинам и что-то говорили. После получения отрицательного ответа двигались дальше. Сейчас, видимо, подошла очередь братьев чистой любви.

– Что за латы? – Силантьев прекратил описывать Владимирову прелести членства в Братстве, чему тот был несказанно рад.

– Так это, латы висят у нас в центре деревни, в аккурат на лобном месте. Висят и стонут. Ох и стонут, житья от них нет. А в ночь на равноденствие так особливо...

Пользуясь занятостью брата Силантьева, Владимиров слез с саней. Проклятые ноги от длительного бездействия мало того что затекли, так еще и замерзли. Эх, надо было в дорогу унты взять! В Вароссе остались отличные унты – подарок Марты на сороковой день рождения. И надевал-то всего пару раз – в стенах города человек в меховой обуви выглядел, мягко говоря, нелепо.

Обогнув очередь желающих попасть в город, Владимиров подошел к одному из стражников. Утомленный праведными трудами, тот привалился к каменной будке, в которой охрана спасалась от ветра. По плащу, подбитому мехом, и недовольному выражению лица инспектор легко идентифицировал начальство. И унты на парне были недешевые, из меха морской выдры.

Значок инспектора здесь не действовал, поэтому Владимиров вытянул кругляшок токена.

– С вами можно поговорить? – вложил он медяк в ладонь терруженца.

– Один, – ответил тот, не меняя выражения лица.

– Что «один»? – опешил инспектор.

– Один серебряный за проход без очереди. – Страж подумал и уточнил: – За одного.

М-да, кому война – горе, а кому – коммерция.

– Мне не нужно без очереди, мне нужна информация.

– А? – Выражение лица сменилось на слегка удивленное.

– И, естественно, я заплачу.

– А-а. – Удивление тут же сменилось пониманием.

– Не въезжала ли за прошедшие сутки в Терружен группа из пожилого рыцаря, девушки, мужчины и эльфа?

Страж выразительно потер большим и указательным пальцами друг о друга.

– Хорошо. – Еще один кругляш опустился в ладонь.

– Тебе зачем?

– Потерялись, друзья мои, – ответил Владимир.

– Друзья, ну-ну. – Страж не поверил, и правильно сделал. – Через мои ворота – нет, за другие, не знаю, но могу узнать. – Он повторил движение пальцами.

– Другие... не нужно. – Владимир прикинул: если путники и доберутся до Терружена, появятся они только с этой стороны. – Может, по дороге к ним кто-то присоединился, может, наоборот, откололся.

Стражник позволил себе улыбнуться:

– Соединился, откололся, знаешь, сколько за день таких проходит? Ты уж реши, кто тебе нужен.

– Старый рыцарь и девушка. – Чутьем сыщика Владимир понимал: главные в этой группе для него именно они, остальные вполне могли быть сопровождением или случайными попутчиками.

– Старик и девка... – Стражник даже прыснул в некое подобии смеха. – Еще лучше, я тебе за час с десятков наберу.

М-да, а ведь этот терруженец прав: он ищет иголку в стоге сена. Эх, были бы они в Вароссе и были бы с ним его ребята, они в полдня проверили бы всех рыцарей и девушек...

– Ну так что, решил, чего хочешь? Имя у твоих друзей есть? – «Друзей» стражник выделил интонацией, по-прежнему не веря в историю Владимира.

– Девушка – леди Лиз Романова, рыцарь – сэра Уилфред Седрикский, но могут назваться и другими. Давай так – девушка, рыцарь и... эльф. Если такие будут, скажешь мне.

– А мужик?

– Плюс-минус мужик. – Очередной кругляш, на этот раз серебряный, опустился в ладонь. – Позже я скажу, где остановился.

Глава 11

– Когда я имел честь служить под началом его сиятельства графа Ательстана, помнится, в дальних походах на бивуаках мы грелись углем, который брали из саней. А еще дровами, которые покупали в атомных храмах, атомники называли их пластиковыми, однако не имею понятия, что это означает. Но штука дорогая, однако тепла дает...

– Ательстан? Это кто? Где? – Несмотря на новый ватник, Жан Элиасен начинал стучать зубами.

Собственно, они все были недалеко от этого. Хорошо, что палатка не пропускала ветра, но Даниил даже представить боялся, каково их лошадям на вечернем морозе.

– Однако Ательстан, как я уже говорил, граф, и жил он в провинции Талония, недалеко от Паэртуэйры, на юге.

– Талония, Паэртуэйра... – словно посмаковал названия ученый, – нет, не слышал. Единственное, что приходит на ум, – миф о легендарном воителе Тельтане, наблюдается некоторая схожесть имен, но, учитывая древность сказания, несомненно имеет место другой человек.

В палатку они набились вчетвером: во-первых, она была одна, а во-вторых, вместе не так холодно. Соседкой Даниила оказалась Лиз. Он чувствовал своей небритой щекой легкое дыхание девушки. Нужно было попытаться заснуть, но спать не хотелось никому.

– Я вспомнить одну история. – Удивительно, но голос эльфа не дрожал. Согрелся, что ли? – Помните, я говорить про полицейский и преступник.

– Ганимар и Рауль. – Устраиваясь поудобнее, Даниил переместил руку, и его ладонь накрыла руку Лиз. Странно, она оказалась теплой. Девушка не сразу отняла ее, отчего Даниилу сделалось приятно.

– Да, – кивнул Тахл. – В одно время я словно участник и видеть все изнутри. Но когда я думать, что вспомнить, в следующее мгновение я словно сторонний зритель и видеть со сторона. Не понимать, это происходить со мной или я читать, слышать о событии.

– А вы расскажите, – пропела Лиз. – Вам легче станет или что-то вспомните.

– Не знаю.

– Помнится, когда я служил... ну, вы понимаете, так вот ночные патрулирования мы скрашивали рассказами. Не все из них были правдой, однако, как вы понимаете, это не так важно. Расскажите, друг мой, и, возможно, многое станет на свои места, а если не станет, что ж – развлечемся.

– Рассказать... как уже говорить, может, это происходить и не со мной. Я словно читать книгу... ладно, слушайте.

«Большая квадратная комната казалась еще больше оттого, что в ней не было никакой мебели. Яркие безвкусные обои покрывали пятна плесени, а кое-где обои отстали и свисали лохмотьями, обнажая желтую штукатурку. Прямо против двери стоял аляповатый камин с полкой, отделанной под белый мрамор; на краю полки был прилеплен огарок красной восковой свечки. В неверном, тусклом свете, пробивавшемся сквозь грязные стекла единственного окна, все вокруг казалось мертвенно-серым, чему немало способствовал толстый слой пыли на полу.

Все эти подробности я заметил уже после. В первые минуты я смотрел только на одинокую страшную фигуру. Это была девушка лет двадцати трех, среднего роста, узкобедрая, с жесткими, кудрявыми черными волосами. Она лежала на боку, и остекленевший взгляд был устремлен в темноту камина; из одежды на ней были лишь холщовые короткие брюки, серые в этом освещении. Рваные дыры на лопатках, там, где некогда находились импланты, смотрелись так, словно у несчастной вырвали крылья. На лице застыло выражение ужаса. Рядом, в небольшой лужице крови, лежали ошметки процессора, именно ошметки. Некто, возможно убийца, долго и основательно бил по нему; дыра в затылке убитой отвергала всяческие сомнения, чей это процессор.

Я видел смерть в разных ее видах, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как сейчас, в этой полутемной, мрачной комнате, близ одной из главных магистралей глостонского предместья.

Щуплый, похожий на хорька местный инспектор стоял у двери. Он поздоровался с Ганимаром и со мной.

– Это уже шестой случай за месяц, сэр. – Он смотрел в сторону от тела. – Никогда раньше такого не бывало.

Ганимар подошел к труп и, опустившись на колени, принялся тщательно его разглядывать.

– Обычно, сэр, у нас всяческие взломы аккаунтов, сетей, кража данных, любые киберпреступления, но чтобы вот так, физически... – Инспектор словно оправдывался.

– Кто-то явно не любит «кибер». – После тела Ганимар не менее тщательно осмотрел все, что осталось от процессора.

– Да, сэр, – кивнул инспектор, – девушки, парни, всегда одно и то же – вырваны разъемы и разбит процессор.

Слово «маньяк» просилось на мой язык, но я промолчал, не мешая работать профессионалам. Помимо убитой мои думы занимало – каким образом я дошел до всего этого...

На планету Артурия я прилетел три недели назад, после кражи бриллиантов на Корнани; комиссар Ганимар плотно сел мне на хвост и не слезал с него. На Доиле мне удалось незадолго сменить внешность, хотя отпечатки и биомаркеры остались те же. Таким образом, я вполне резонно предполагал, что у меня в запасе есть месяц, а то и полтора, пока Ганимар снова выйдет на мой след. Здешние расценки оказались повыше дойльских, а бриллианты остались на Корнани, надежно спрятанные в сейфе муниципального банка. Так что, дабы снова провернуть трюк с изменением внешности, пришлось поработать. И дело-то было пустячное, и провернул его я как нельзя аккуратно, но вот проныра Ганимар прибыл раньше ожидаемого срока. Взял меня комиссар прямо в мастерской скупщика, что называется, «на горячем». Мы не первый год знали друг друга, так что я не стал отпираться и покорно ушел со служителем закона.

И лететь бы мне сейчас обратно на Корнани в компании старого знакомого, но, как нельзя для меня удачно, в Глостоне, артурианской столице, случилось убийство. Местные, прознав, что в их городе оказалось светило межпланетного сыска, упростили комиссара помочь с расследованием. Он и согласился, правда перед этим взяв с меня слово не пытаться сбежать. Так мы с комиссаром оказались на месте преступления.

Жила убитая в старом доходном доме, каковых достаточно в Глостоне, особенно в не самом респектабельном районе Хунслоу.

Огромные, несуразные, похожие на бетонные кубы, дома эти успешно пережили эпоху гигантомании и готического зодчества, а также все проекты муниципальной перестройки города. С усовершенствованием компьютерных технологий глостонцы, а заодно и все артурианцы перестали обращать внимание на реальность, предпочитая проводить время в виртуальных грезах. В подобных ночлежках вполне могли обитать местные миллиардеры, все богатство которых в реальном мире составляло массажное кресло с принудительным питанием и отводом продуктов жизнедеятельности. А могли и бедняки, с трудом наскребающие несколько кредиток для очередного выхода в виртуал.

– Ничего не знаю, она недавно переехала, из Саррекса. – Соседка убитой по комнате, развязная девица в грязной растянутой майке неопределенного цвета и таких же штанах, движением век перекинула нам файл с данными убитой.

Ганимар на секунду отвлекся, чтобы взглянуть на содержимое: рождение, учеба, родители, работа, бывшие приятели, куча видео и фото – все это было у нас и так, вместе с историей входа в ВР, передвижениями и покупками.

– Вспомните, может, в последнее время она была чем-то обеспокоена, чувствовала опасность, слезку, я не знаю – бывший приятель? – допытывался Ганимар.

Девица пожала худыми плечами с торчащими ключицами:

– Нет, ничего такого. – Видимо, она была наполовину в виртуальной реальности, ибо ответы ее немного запаздывали; словно обдумывала каждое слово, перед тем как произнести. – Наоборот, радовалась, новые импланты поставила, из последних.

– Импланты... откуда у нее деньги? – Спрашивая, комиссар одновременно просматривал досье жертвы.

Сам я чувствовал себя довольно странно, объединенный с комиссаром в мини-сеть и видя то же, что и он. Вторая странность заключалась в том, что в нас закачали все известное об убитой, вкупе с данными других убийств, а также часть полицейской базы. Стоило о чем-то подумать, как это тут же всплывало в голове, вместе с отчетами, гиперссылками и прочими сведениями. Велик был соблазн забраться в полицейскую базу и подчистить свое досье, но, во-первых, Ганимар сразу заметит, а во-вторых, попавшее в сеть не исчезает безвозвратно, оставляя более-менее видимые следы.

Что касалось имплантов – здесь все было чисто. Убитая копила на них долгое время и даже продала пару органов – куда мир катится! Тут же появились картинки этих модных приبلуд, больше похожих на корягу, чем на механизм. Вот что оставалось для меня загадкой в артурианцах – они могли неделями не мыться, кутаясь в лохмотья, но тратили последние сбережения на импланты, которые, как по мне, гроша ломаного не стоили.

Однако эти мне что-то напомнили, где-то я их уже... Стоило подумать, как чип, временно вживленный в мою голову, уже просканировал память и выдал соответствие. Я видел точно такие импланты на полке у скупщика, в мастерской которого арестовал меня Ганимар. Гм... получается, всякие чипы и киберусовершенствования не такое плохое дело.

Увидел мою находку и комиссар. Он тут же прошелся по делам остальных пяти убитых, и во всех случаях запрос выдал, что незадолго до смерти они также вживляли в себя новые импланты подобной модели. Я взглянул на цену официальной установки и невольно присвистнул – мир скатился окончательно. За такие деньги я год мог безбедно и даже с некоторой роскошью жить в самом дорогом районе Адониса – нашей галактической столицы. База между тем сообщила, что, помимо моего знакомого, полуподпольным вживлением подобных имплантов промышляют еще три человека, точнее, два человека и один бетельгейзец. Если полиции все известно, почему не арестуют негодяев?

– Пошли. – В мозгу Ганимара, а заодно и в моем выстроился маршрут от дома к мастерской скупщика. Автотакси уже летело, готовое отвезти нас.

Район Филд. В любом большом городе, на любой планете есть подобный район, куда служителям закона лучше не соваться. В Глостоне, в отличие от многих других планет, криминальный Филд больше походил на респектабельный офис-центр, чем на притон бандитов. Стекланные небоскребы, чьи вершины упирались в облака, аккуратные тротуары, многочисленные кофейни и закусовые. Связано это было с тем, что большинство преступников Филда обтяпывали свои делишки в киберпространстве, а наниматели, в том

числе и с иных планет, переговорам в непонятных ночлежках предпочитали уютные офисы и беседы за чашкой кофе.

Такси высадило нас возле уже знакомого мне здания, похожего на стеклянную морковку, воткнутую острым концом в землю. Еще в первый раз я удивлялся, почему оно не падает. На сотом этаже находился офис, он же мастерская моего «приятеля».

В мире, имеющем отношение к компьютерным технологиям, довольно трудно подкрасться к кому-то незаметно, особенно к преступникам. Хотя у полицейских имеются свои методы предупреждать обнаружение. Не знаю, возможно, одним из них воспользовался Ганимар, когда приходил сюда для ареста, а возможно, скупщик знал, кто за дверью, и просто по каким-то своим причинам решил не предупреждать меня.

– Давно не виделись. – Едва войдя в офис-мастерскую, я приветливо кивнул скупщику с порога.

Если верить платиновой табличке на двери, звали парня Хэмсворд и, помимо прочего, он оказывал услуги и по уборке домов. Еще в первое посещение меня поразила его внешность. Хэмсворд был невероятно толст. Почти крупное тело, из которого, без шеи, торчала маленькая головка да ручки и ножки, против ожидания худые и длинные, не иначе – искусственные.

Не без интереса заглянул в полицейское досье парня. Любопытно, время от времени он подрабатывал тем, что стучал на соратников-конкурентов. Впрочем, на Артурии, насколько я понял, это обычное дело.

– Рауль, сэр комиссар... – Хэмсворд сделал попытку кивнуть, впрочем безрезультатную. – Чем обязан?

Синхронизировавшись, Ганимар сразу перекинул ему изображения жертв, одновременно послав в управление запрос на доступ к базе клиентов Хэмсворда и, на всякий случай, сканирование его памяти.

Последнее действие не осталось незамеченным для хозяина офиса.

– Сэр комиссар, помилуйте, я что, я человек маленький, люди ко мне приходят, платят, я ставлю. – Словно защищаясь, он поднял руки, ладонями к нам. Реакция толстяка была вполне понятна – сканирование памяти процедура не из приятных. Главным образом

потому, что в одном из десяти случаев из-под ментального колпака вытягивали овощ вместо человека. – Вот, прошу.

Не дожидаясь разрешения, Хэмсворд перекинул нам данные на убитых. Повезло с первого раза – все они были клиентами парня.

Мы с Ганимаром по-новому взглянули на толстяка. Хоть по-новому, хоть по-старому, на человека, способного убить, он явно не походил. Ганимар кинул запрос и тут же получил ответ, где Хэмсворд находился во время убийств. Как и ожидалось – в офисе. Хотя, наверное, для такого специалиста подделать данные ничего не стоит.

Комиссар отправил их на проверку в местное управление. Если он прав, алиби подтвердят с помощью других свидетелей и служб, в том числе и системы кондиционирования, которая отфильтровывает запахи и испарения находящегося в комнате.

«Возможно, продавец имплантов», – написал я комиссару.

– Импланты, которые ты поставил жертвам, были из одного источника или разных?

– Сэр комиссар, поставщик был один. – Хэмсворд даже на секунду не задержался с ответом – видимо, ожидал подобный вопрос. – Однако не имею даже малейшего понятия, откуда он. – Толстяк прижал руки к груди, что, видимо, должно было изображать крайнюю степень искренности.

– Как это – без понятия?

Нам тут же показали видео: механическая рука поднимает небольшой камень, в углублении под которым находится пакет, забирает его, на пустое место кладет другой.

– Продавец вышел на меня по сети, я, конечно, предпринял попытку проследить, однако стандартные методы не привели к желаемым результатам, а, так сказать, копать глубже небезопасно, – поспешил с пояснениями Хэмсворд. – Была предложена вполне приемлемая цена, намного, на порядок ниже рыночной. Естественно, поначалу я усомнился, так сказать, в качестве, однако пробная партия рассеяла мои сомнения. Покупки совершались, что называется, вживую. Поставщик оставлял в тайнике товар, я, соответственно, деньги. Использовали дроны, никаких переводов, только наличка.

– И тебя ни разу не заинтересовало, откуда он берет столь дешевый продукт?

– Уже упоминал: товар выдержал всестороннюю проверку, в том числе на всевозможные вирусы, трояны и прочее. Результаты более чем удовлетворили меня, продукция ничем не уступала более дорогим образцам. Единственное, что наводило на мысль о происхождении товара, – это расположение тайников. Всякий раз различное, но неизменно недалеко от космопорта. Из чего было сделано предположение, что продукция поступает, скорее всего, контрабандным способом. Например, на планете Цзинь: местные, если так можно выразиться, умельцы производят, а потом реализуют свои товары почти задаром.

– На Цзине используется рабский труд, вот все и стоит дешево, – буркнул комиссар.

Толстяк развел руками – мол, мне-то что.

– Дай даты поставок и когда он связывался с тобой, – бросил я и тут же получил запрашиваемое.

– Что ты задумал? – спросил комиссар.

– Сейчас. – Я наложил их на расписание космопорта. – Вот!

С вероятностью девяносто процентов выходило: наш клиент прилетает на звездолете «Ностромо» с планеты Костагуана. В пути корабль, помимо прочего, посещал и Цзинь. Всякий раз после приземления «Ностромо», в течение получаса, поставщик связывался с Хэмсвордом, на следующий день он оставлял посылку.

– погоди. – Комиссар наложил на расписание полетов даты убийств. Совпадение было в ста процентах случаев. – Гляди еще.

Высветились данные на планету Костагуана. Местные жители, как оказалось, буквально помешаны на чистоте человечества как вида – что-то связанное с господствующей религией. Всяческие изменения, даже татуировки, а тем более импланты на Костагуане вне закона. За нарушение – смертная казнь.

– Похоже, мы нашли нашего маньяка.

– Маньяка-контрабандиста.

Местный инспектор, тот самый, похожий на хорька, поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее, что, учитывая материал сиденья, а именно пластик, казалось, не совсем просто. Сам я уже давно переместился на небольшой диван в углу кабинета и даже подумывал о том, не прикорнуть ли на мягком плюше.

– Сэр Ганимар, история, спору нет, достаточно необычна, однако меня смутно ploжут несколько, если так можно выразиться, несоответствий. Пока мы с вами мучаемся ожиданием, не соблаговолите ли, так сказать, пролить свет...

– Соблаговолю, – кивнул комиссар.

Девушка на экране между тем свернула с одной безликой улочки Глостона на другую. Несколько камер показывали вид сверху, еще несколько с боков, а одна транслировала непосредственно поле зрения предполагаемой жертвы.

– Мне, да и моим коллегам не совсем понятны мотивы нашего преступника, что им движет. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но сначала он поставляет суперсовременные импланты, которые могут использоваться только по прямому назначению, то есть для вживления в тело носителя. А затем убивает этого самого носителя, причем самым варварским способом.

– Совершенно верно.

– Но почему? В первом случае он, так сказать, способствует развитию человеко-машинных технологий, во втором же выступает ярким противником оных.

– Маньяк! – решил внести свою лепту я.

Местный инспектор оставил мою реплику без внимания, всем видом показывая, что ожидает ответа от Ганимара.

Наш контрабандист вышел на связь с Хэмсвордом, сделка состоялась, толстяк вживил один из имплантов девушке-полицейской, и сейчас мы все дружно наблюдали за наживкой, ожидая, когда убийца проявит себя.

– Возможно, в том, кого мы ищем, столкнулись два начала, – осторожно начал Ганимар, – алчность и неприятие человеко-машинных технологий, свойственных родному миру.

– Возможно, – кивнул местный инспектор, – однако у нас вся планета, все жители имеют в своих телах те или иные кибернетические... э-э-э... штуки, не слишком ли велико поле для борьбы?

– Маньяк! – Я снова поспешил с разъяснениями.

– Смотрите. – Один из операторов указывал на экран, транслирующий изображение улицы позади девушки, в плохо освещенной подворотне мелькнула тень.

– Чарльз, у нас есть там камера? – Инспектор весь напрягся, словно ищейка, которая взяла след.

– Нет, сэр, – ответил один из техников, – но я пошлю микродрон.

– Не стоит: неизвестно, каким оборудованием располагает наш убийца, можем спугнуть. Куда ведет этот двор?

– Соединяется с другими, параллельно улице.

– В таком случае, если это наш убийца, он может сопровождать жертву, постоянно оставаясь невидимым?

– Точно так, инспектор.

– Когда следующая подворотня?

– Через двести двадцать метров... двести пятнадцать.

– Разместите там заблаговременно камеры и парализующие дроны... да, и предупредите сотрудницу, она должна быть готова.

– Уже сделано.

– Инспектор, сэр, – произнес один из техников, – все равно не понимаю, как он вычисляет именно тех, кому поставлены его импланты. Перед вживлением мы тщательно проверили их. Как и уверял осведомитель, все чисто – ни вирусов, ни отслеживающих программ.

– Поймаем – расспросим.

Девушка между тем подходила к темному зеву подворотни, однако для нас он был не таким темным. Крупная фигура мужчины притаилась на границе света и тени, ожидая, когда жертва поравняется с ним. Едва это произошло, одним рывком мужчина кинулся на девушку, ну а дальше сработала техника. Дроны впрыснули в нападающего парализующий раствор, и преступник упал к ногам несостоявшейся жертвы.

На посадочном поле космодрома дул ветер. Он развевал широкие полы непромокаемых пальто, которыми снабдила местная полиция меня и Ганимара. Пальто оказались очень кстати, ибо на континенте начался сезон дождей. Пока не сильных, морозящих, но местные уверяли, что довольно скоро они перерастут в настоящие ливни. К счастью или несчастью, мы этого уже не застанем, ибо наш путь лежал на Корнан, где меня ждал зал суда, а комиссара заслуженная награда.

– Он вычислял их по запаху. Костагуанцы обладают повышенным обонянием. – В ожидании трапа Ганимар развлекал меня подробностями дела. – На импланты был нанесен специальный состав, кстати, поэтому местные техники ничего не обнаружили. Они искали компьютерные штуки, а здесь – химия. В соединении с человеческой кровью, то есть при вживлении в организм, тело носителя под воздействием состава начинало вырабатывать одорирующие вещества. Обычный человек не чувствовал их, но для нашего парня они были как следы на снегу. Он просто ждал у офиса Хэмсворда, когда кто-то выйдет.

– Все это хорошо. – Было несколько необычно не видеть перед глазами постоянно всплывающих данных сети, разговаривать с человеком и не отфильтровывать кучу ссылок на его слова. – Но почему именно этих? Местный инспектор прав – вокруг полно потенциальных жертв с имплантами, убивай не хочу. Выходит, все-таки маньяк!

Ганимар покачал головой, плотнее закутываясь в плащ:

– Не маньяк, обычный... ладно, не совсем обычный коммерсант. Импланты, которые он продавал, достаточно дороги. Парень кое-как наскреб денег на первую партию, продал, заработал, а потом сообразил, что можно не покупать их втридорога на Цзине. Проще разжиться прямо здесь, на Артурии, вырезав их у клиентов и заново перепродал Хэмсворду.

– А процессоры зачем разбивал?

– Под маньяка подделывался.

– М-да.

От противоположного конца космодрома в нашу сторону двинулся трап, пока серый и бесформенный за пеленой дождя. Сейчас мы залезем внутрь, и он отвезет нас к звездолету...

– Отпусти меня, а?

– Что? – Комиссар даже прекратил поправлять плащ, который так и норовил распахнуться.

– Мы столько пережили вместе, отпусти. Поймаешь в следующий раз.

– Да как тебе в голову...

– Тебе же нравится это – охотиться за мной. Думаю, не меньше, чем мне убегать от тебя. Зачем прекращать то, что обоим доставляет

удовольствие.

– Не буду я тебя отпускать!..

– Я пошел.

– Стой! Даже не думай!..

Я развернулся и ушел в дождь».

– М-да, – после продолжительного молчания выразил общее мнение старый рыцарь, – однако, занятная история.

– Давайте спать, – не совсем довольный произнес Жан Элиасен. Так как предложение не встретило возражений, все принялись моститься на дне палатки.

К неудовольствию Даниила, Лиз подползла к сэру Уилфреду, который с истинно рыцарской галантностью приобнял девушку.

Глава 12

У ворот Терружена, как и в аналогичном месте Варосса, образовалась небольшая очередь, только в Вароссе она была внутри, из желающих покинуть город, а в Терружене – снаружи. И персонажи те же – горожане с пожитками, богатые и не очень, часто с семьями. В ворота для экипажей въезжали сани – от скоростных одноместных до роскошных домов на колесах. Среди последних вполне могли оказаться и те, которые привезли компанию спутников Даниила на Станцию.

Надо сказать, сбегая в Терружен, вароссы поступали весьма разумно. Несмотря на войну, да и на все войны, город торговцев никто не трогал. Могущественные торговые и финансовые дома, как правило, ссуживали токены обеим враждующим сторонам. Конечно, велик соблазн разграбить отделение банка, забрав себе всю наличность. Однако ни один крупный банк такого не спустит. А у банка есть средства, круглые, блестящие средства. А люди падки на золото, и на серебро, и на медь, в том числе и близкие люди, а также слуги, охрана и прочие приближенные. Что стоит, скажем, поваренку подсыпать в суп немного иной приправы. Или конюху подпоить лошадь, чтобы она понесла, или... много «или». Да и известных на весь мир наемных убийц Гимкании никто не отменял. Поэтому,

несмотря на все войны и конфликты, Терружен не трогал никто и никогда. И скорее всего, не тронет.

Страж у ворот – парень, худой и длинный, из-за чего форменная кожаная кираса болталась на нем как на вешалке, – окинул взглядом с прищуром сначала документы, а потом и всю компанию. Выделив сэра Уилфреда, как старшего, он заговорщицки подмигнул рыцарю левым глазом:

– Впервые у нас? Есть где остановиться?

– Э-э-э... нет, – слегка опешил от такой любезности рыцарь. Обычно стражи кричали и старались побыстрее пропихнуть очередь.

– Рекомендую пансион «Вилла Юзья», это на Водяной улице, вам каждый укажет. Цены ничего и кормят прилично. – Стражник снова подмигнул.

– Однако, благодарю, – кивнул рыцарь.

– Тогда... проходите, проходите. – Страж заморгал часто обеими глазами, и Даниил понял – это у парня нервный тик.

– А ты куда суешься! – Владелец кирасы уже кричал на следующего в очереди – работягу в длинном тулупе и меховой шапке. – Сначала документы, а потом показывай, чего несешь!

Даниил не без удивления отметил, что их даже не обыскали.

Глава 13

– Погода-то о-го-го, в Пергаме, говорят, каждый день ливень, воды по колено, а в Фертер-Ланде вообще снег пошел!

– Что там твой Ланд, кум мой на прошлой неделе с севера вернулся, так ему рассказывали, а тот человек знал человека, который сам видел, – в Малой Сыроватке шел дождь из лягушек! Два дня!

– О-о! – отреагировали слушатели.

– Иногда даже ящерицы попадались. Жирные.

– Истинно, истинно говорю вам – смутные времена настали, сбываются пророчества, Божья Пелена уже не держит!

– «И польется влага небесная, аки земная, и соединятся день с ночью...»

Дальше Владимиров уже не слушал, пересев подальше от компании. Хотя помогало слабо: подобные разговоры звучали почти везде и почти постоянно. Они уместнее были в Вароссе, где чуть ли не

каждый второй если не служил в каком-нибудь храме, так посещал его, но никак не в Терружене – городе, где главным божеством была коммерция и дочь ее – прибыль. Хотя во время непродолжительного пребывания в городе инспектор уже наблюдал несколько погодных вспышек. И они почти не отличались от варосских. Может, и правда настали смутные времена?

– Ты – Владимиров?

Инспектор даже вздрогнул. Перед его лицом нарисовалась вытянутая физиономия тощего стражника.

– Ну да, – ответил он осторожно. Хотя и ожидал весточки от охраны ворот, но кому, как не инспектору, знать, что с представителями власти лучше держаться настороже.

Стражник заморгал левым глазом, потом правым, затем обеими сразу.

– Те, кто тебе нужен, заехали в город.

Отлично! Итак, он не ошибся, загадочные путники добрались-таки до Терружена.

– Три мужика, девка и эльф. – Стражник снова повторил серию подмигиваний. – Девку и рыцаря зовут как сказал.

Владимиров почувствовал, как вспотели ладони.

– Знаешь, где они остановились?

– Так это, доплатить бы надо.

– Висят и стонут. А по ночам так особенно жалостливо, далеко слышать. Спать окаянные не дают...

Пансион «Вилла Юзя» представлял собой двухэтажное здание с маленькими – для сохранения тепла – окошками, отчего-то круглыми. Владимиров слышал, что такие окна делают на кораблях, плавающих по южному морю. Если так, может, хозяева с юга.

– Мы уж и щели затыкали, и мешковиной обвязывали, все ни в какую... Помоги, мил человек, а?

И старые знакомые – селяне со стонущими латами – тут как тут. Видимо, за прошедшие дни искатели так и не нашли желающих тащиться в забытую деревеньку, воевать с разговорчивой амуницией. На этот раз они пристали к седоусому рыцарю, словно сошедшему со страниц старой книжки про благородных героев прошлого – чеканный профиль, блестящий древний доспех, огромный меч за спиной.

Инспектор зашел в просторный холл, из-за своеобразных окон – полутемный. Даже лампы не разгоняли мрак. Главным образом потому, что светили тускло и горели через одну... то ли для атмосферы, то ли из экономии.

Когда инспектор начал подниматься по лестнице, сверху раздался женский крик, затем повторился. Инстинкт полицейского взял свое, Владимиров ускорился, насколько это было возможно с его комплекцией. На немногочисленных посетителей и даже на рыжего коротышку за стойкой крики не произвели сколько-нибудь заметного впечатления.

Лестница выходила в полутемный коридор, крик снова повторился, к нему добавилось мужское кряхтение. Звуки доносились из-за дверей справа от Владимира. Отчего-то инспектор почти не сомневался, что именно за этими дверьми находятся те, кто ему нужен. А услышав следующий звук, уверился окончательно – едва слышный писк и скрип механизмов. Открыв пинком дверь, инспектор ввалился внутрь.

Комната была довольно просторной, с четырьмя кроватями у стен и россыпью круглых окошек, отчего почти нетемной. На одной из кроватей стояла девушка и уже не кричала. Двое мужчин, один – симпатичный юноша в меховой куртке, а второй – худой субъект в ватнике, отбивались от нападающих полумеханических крыс, причем юноша орудовал небольшим мечом, а худой – полотняной котомкой. Владимира толкнули в спину, в комнату влетел рыцарь – тот самый, которого крестьяне уговаривали заняться латами. Выхватив длинный меч, он напал на крыс с тыла. За рыцарем показался эльф, из оружия у него был табурет.

Инспектору ничего не оставалось, как вступить в схватку. И хотя энергию пистоля следовало беречь для крайних случаев, похоже, подоспел как раз один из таких.

Выхватив оружие, Владимиров прицелился в ближайшую крысу, но не успел нажать на спуск. Коротко пискнув и заискрив, крыса повалилась на бок. Стреляла девушка, уверенно сжимая двумя руками магнитный пистоль, почти такой же, как у инспектора, только поменьше. Она уверенно всаживала в крыс пулю за пулей. Но измененные не всегда убивались с первого выстрела, иногда рыцарю

приходилось добивать раненых. Парень с мечом, став спиной к кровати, защищал стрелявшую. Котомка и табурет помогали слабо.

– Дверь! – крикнул молодой мечник.

Владимиров обернулся – из коридора в комнату вбегало никак не меньше дюжины крыс, и, судя по писку и множественному цокоту, за ними следовало еще столько же. Клацающие, зубастые морды были везде. Инспектор выстрелил в одну – не промазал, тут же выпустил пулю во вторую, третью, но понял: если не случится чуда – защитникам конец. С двумя дюжинами измененных крыс им не справиться, к двери уже не пробиться, а в окна пролезет разве что младенец. Видимо, Атомные или еще какие боги услышали инспектора, за окном мигнуло. Владимиров догадался – одна из погодных вспышек. «Дождь пойдет, – пронеслась нелепая, особенно учитывая ситуацию, мысль, – или жабы попадают». Однако вместо жаб упали... крысы. Все разом, словно кто-то могучий забрал у них жизнь. Следом за крысами с грохотом повалился на пол старый рыцарь.

– Давай, – молодой мечник подхватил рыцаря под мышку, – бежим отсюда!

Сориентировавшись, Владимиров закинул себе на шею вторую руку потерявшего сознание рыцаря.

Глава 14

– К конюшням! – На улице девушка вырвалась вперед и понеслась к небольшому сараю.

Владимиров с парнем потянули рыцаря за ней. Хоть древние доспехи и славились легкостью, старый вояка с каждым шагом казался все тяжелее. Дыхание уже давно с хрипом покидало инспектора. Внутри гостиницы он двигался на кураже и испуге, но сейчас, когда горячка боя схлынула, Владимиров осознал, что еще пару шагов, и он просто упадет, вместе с ношей.

– Давай я. – Эльф отодвинул инспектора и переложил руку рыцаря себе на плечо.

Тощий обогнал девушку, почти добежав до сарая.

– Стоп! – внезапно остановился молодой мужчина, поддерживавший рыцаря, и Владимиров был весьма благодарен ему за

передышку. – Почему мы бежим? Что это за крысы? Отчего они напали на нас?

– Несколько неразумно выяснять данный вопрос именно сейчас. – Заметив задержку, тощий вернулся. Но глаза его постоянно стреляли в сторону конюшни, да и весь он пританцовывал от нетерпения. – Давайте все-таки уберемся куда подальше.

– Да, скорее! – Девушка также пребывала в весьма возбужденном состоянии, что неудивительно.

– У меня никаких терок с крысами не было, – продолжал упорствовать мужчина. – Если у кого из вас, это совсем не моя проблема. – Он строго посмотрел на тощего.

Тот усиленно замотал головой и даже приложил ладонь к сердцу, словно в доказательство своей искренности.

Перевел взгляд на девушку. Та в отчаянии закусил прекрасную губку, да и вся она была прекрасна, что, несмотря на обстановку, отметил инспектор. Владимиров решил прийти ей на помощь.

– Вы как хотите, а я побежал!

Учитывая его комплекцию, выполнение сказанного было, мягко говоря, проблематично, но слова возымели действие. Молодой человек кивнул.

– Хорошо, но как мы повезем его? – Он потрянул бессознательного рыцаря. – К пони привяжем, что ли?

Владимиров пожалел, что оставил свои сани атомникам. Пусть и одноместный, сейчас бы экипаж очень пригодился.

– О, мил человек, ну что, надумал? – Рядом с их компанией нарисовалась группа давешних селян с проблемными латами. – За ценой, того, не постоим, у нас и сани имеются. Вашему дружку пьяненькому самое оно будет, проспится на свежем-то воздухе.

– Он не пьяный! – возмутилась девушка.

– Понятное дело, не пьяный, так – слегка выпимши.

– Едем! – перебил крестьян парень. Видимо, несчастные обладатели лат к нему ранее тоже приставали.

– Ужо мы их и святой водой, аж из самого Атомного храма поливали, и по-хорошему просили, и дары всяческие...

Сани селян оказались массивной металлической платформой с широкими полозьями и древним паровым двигателем, который сжигал уголь с поразительной прожорливостью. Двигались сани со скоростью

пешехода, большая часть энергии уходила в трубу – широкую и закопченную.

Худой в ватнике и один из селян ехали на пони. Последний наездник не замолкал, живописуя латное горе, худой, кажется, не возражал. Остальные, а именно сам Владимиров, парень, девушка, эльф и рыцарь, остававшийся без сознания, расположились на платформе, рядом с кучей угля; селяне шли рядом. Один из пеших время от времени зачерпывал горючих камней и подбрасывал в топку.

В близости старого, не внушающего доверия котла Владимиров чувствовал себя не совсем уютно. Если бы умел, он бы с большим удовольствием поехал верхом. Хотя вздумай котел взорваться – лошадь слабое спасение.

– Ты кто? – Парень в упор и с подозрением взглянул на Владимирова, да так, что инспектор даже поежился. Бесчисленное количество раз он сам глядел подобным образом на подозреваемых, теперь вот пришлось испытать на себе. Чувство не из приятных.

– Друг. – Владимиров лихорадочно размышлял, что можно сказать, а что лучше пока скрыть. В основном мысль крутилась вокруг того, раскрывать ли его профессию.

– Имя у друга есть?

– Всеволод, Всеволод Владимиров.

Молодой мужчина слегка растянул в язвительной ухмылке губы:

– И сейчас ты скажешь, Всеволод Владимиров, что случайно проходил мимо комнаты в гостинице и, обуреваемый самыми благородными порывами, вступил в схватку с измененными крысами. А поехал с нами просто от скуки.

Владимиров посмотрел по сторонам, собираясь с мыслями. Ворота Терружена отделились, впереди – белая пустыня, и только их провожатые знали дорогу. Решение, что рассказать, а что нет, пришло само.

– Не случайно, я – инспектор уголовной полиции, и я ехал за вами, точнее, пытался догнать вас от самого Варосса.

Владимиров не без удовольствия наблюдал, как вытянулось лицо мужчины, даже эльф, кажется, дернулся. Все верно – полицию мало кто любит, во всяком случае, до того, пока не приходится обращаться к ней. Но парень довольно быстро пришел в себя.

– Здесь не Варосс. Что же уважаемого инспектора уважаемой полиции заинтересовало в нашей скромной компании?

Владимиров в упор посмотрел на девушку:

– Крысы, измененные крысы.

Молодой человек также перевел на нее взгляд, как бы приняв объяснения инспектора. Даже худыш в ватнике, поверх которого красовался мало сочетающийся с нарядом полосатый шарф, оставил словоохотливого попутчика и направил пони ближе к саням. Девушка вновь закусила прелестную губку, совсем как часом раньше – у гостиницы.

– Боюсь, мои объяснения также не покажутся вам достаточными. – Этим она как бы намекала, что и инспектор был не до конца откровенен. – Моя, наша поездка в Амалорм никак не связана с измененными крысами. Город ждала осада, мои... сестры решили отправить меня и сэра Уилфреда до того, как из Варосса невозможно будет вы ехать. Клянусь! – Девушка в отчаянии сжала кулаки, приложила их к груди. – Если бы я и сэр Уилфред знали о крысах... если бы мы хоть на мгновение заподозрили, что опасность угрожает и вам – нашим попутчикам, да хоть кому-либо, мы бы сразу же...

– Где я? Лиз, они, он... – в самый неподходящий – или подходящий – момент рыцарь решил прийти в себя. – Я... мы... – Он попытался подняться, рука зашарила по шкурам, которые устилали сани, явно в поисках оружия.

– Сэр Уилфред, все хорошо, все закончилось. – Девушка уложила голову рыцаря себе на колени, погладила высокий лоб.

«Сестры, – подумал Владимир, – она упомянула каких-то сестер... Тоже культистка, если так, то какого культа?»

– Леди Лиз, вы живы? – Рыцарь сжал ручку девушки в своей.

– Остальные тоже, мы уехали из Терружена.

– Хорошо, очень хорошо. – Глаза рыцаря снова закрылись. – Стар, слишком я стар для всего этого, – пробормотал он в седые усы.

– Спите, отдыхайте. – Девушка подоткнула шкуру, которой был укрыт рыцарь и которая выбилась, когда он пришел в себя.

У Владимировы были к этой парочке десятки вопросов, и, судя по взглядам попутчиков, не у него одного. Но, пока рыцарю не станет лучше, с вопросами придется повременить...

Глава 15

– А началось это с древнего замка, что возвышает свои зубчатые стены на холме у южной околицы.

– Замка! – оживился Жан Элиасен. – Здесь недалеко есть старинный замок? У него имеется история? Легенда?

– Ну, не то шоб совсем замок, – смутился староста, – только куски стен и остались, но вполне себе древние, говорят, еще допотопные.

– Кто говорит? – не сдавался состоятель какого-то общества.

– Ну, как кто... все. Дед мой говорил, а ему его дед, а до него его дед...

Первыми возвращающуюся процессию заметила и выбежала встречать, причем далеко в поле, местная ребятня. Разновозрастные мальчишки и девочки в больших, не по размеру тулупах, тяжелые полы которых волочились по снегу. Одна часть детей тут же повернула обратно – предупредить старших, вторая бесцеремонно забралась на сани, подвинув гостей. Даже больной сэра Уилфред был вынужден принять сидячее положение.

– Ух, какой меч! – Один из мальчуганов – постарше – потянул к себе оружие рыцаря. Другие, ничуть не смущаясь, принялись рыться в вещах новоприбывших.

– Тут еще один! – Второй мальчуган – помладше – попытался было завладеть оружием Даниила. Молодой человек так плюнул на него, что ребенок счел за лучшее переключиться на меч рыцаря, тем более что состояние сэра Уилфреда не позволяло тому особо возражать.

– А ты им много людей убил?

Похоже, почтение к взрослым детям было неведомо...

– А так, чтоб одним махом – голову! А она катится по снегу и рыдает!

Как и жалость...

– Гляди, эльф! – От рыцаря молодежь переместилась к Тахлу.

– Живой, настоящий.

– Говорят, эльфы детей воруют.

– А потом едят.

– Сырыми.

– Скажи, – девчущечка с голубыми глазками, мило улыбаясь, потянула эльфа за заостренный верх уха, – а чего сырыми? Жареное, оно ж вкуснее.

– Особенно когда с корочкой.

– Хрустящей.

– И специями!

– Э-э-э... Несчастный Тахл не знал, что ответить.

В компании не в меру бойких озорников следовало следить за вещами, чем Даниил и занимался. На счастье, скоро показались первые домишки деревни, возле которых гостей ждала целая делегация селян, во главе с долговязым старостой.

В присутствии взрослых ребятня заметно присмирела и даже слезла с саней.

– Говорят, во времена древних богов и первых людей в замке обитал могучий властелин!

Сказитель поморщился:

– Вероятно – великий. Могучим может быть воин, даже простой человек, но к властелину более уместно употреблять эпитет...

– Может, и великий, – легко согласился староста, – давно было.

Едва они слезли с саней, а в случае Жана – с лошади, староста, махнув рукой, повел гостей к месту проблемы, по дороге описывая обстоятельства.

– А недавно совсем в замке этом, что возвышает зубчатые стены, завелся разбойник.

– Разбойник? – забеспокоился Даниил. Одно дело бороться против каких-то лат, пусть и стонущих, и совсем иное – против живого бандита. Вполне может статься – вооруженного и умеющего этим оружием пользоваться.

– Ну, не то чтобы совсем разбойник-то, но лютовал жутко! По округе шастал, зверей всяческих распугивал, огороды вытоптал гнусными ногами своими...

– За девками подглядывал, – подсказал кто-то из толпы местных, которая сопровождала их процессию.

– Ну, не то чтобы совсем подглядывал – напугал сильно. Они как раз собирались омыть свои молодые, упругие, нежные тела в теплых водах реки, а тут он выходит.

– Девки испужались и с визгами из реки.

– Голые!

– Ну... да, – отчего-то смутился староста. – Не то чтобы мы за это особо обозлились, но все же...

– Наши девки – нам и подглядывать!

Как и большинство селений, это также располагалось у реки, которая несла воды из очередного Атомного храма. В отличие от большинства селение расположилось в излучине. Теплая вода окружала его с трех сторон, отчего в деревне было заметно теплее, да и дома совсем не походили на сугробы.

– После этого случая – вопиющего и непотребного – молодые мужи нашего селения собрались с полной решимостью изловить татя.

– Кого? – на этот раз переспросил сэр Уилфред, который, кажется, совсем оправился, во всяком случае, слез с саней и шагал рядом с ними.

– Ну – татя, разбойника по-вашему. И сделали они великую ловушку, денно и ночью ковыряя землю мерзлую, и ждали у нее много дней и ночей, и на десятую ночь таки попался супостат в силки, расставленные великими и находчивыми...

– Ох и красиво говорит, как по писаному! – восхищенно глядя на старосту, произнес один из селян, ближайший к Даниилу. Он и сам заметил: в речи главы местных проскальзывали обороты, мало свойственные образу жителя деревни.

– Подождите, я не совсем понимаю, – прервал словопоток старосты сказитель. – Они яму копали или силки ставили? Как мне кажется, это не совсем одно и...

– И поймали коварного! И связали его, и в деревню привели!

– Да! Было дело! – закивали селяне.

– И был он закован с головы до ног в доспехи древние, никем доселе не виданные, и... – староста запнулся, – вообще страшнющий.

– Да. Да. Было дело...

– Но когда жители отважного селения, возглавляемые не менее отважным старостой...

– То есть вами?

– Ну да. Вознамерились снять шлем, дабы взглянуть в бесстыжие очи коварного душегубца...

– Он кого-то убил? – оживился инспектор. Полицейский – всегда полицейский.

– Не, почему убил? Я ж говорил – дичь распугал, огороды вытоптал, девок... того...

– Почему же тогда душегубец?

– А кто?

– Ладно, продолжайте.

– Ну так вот, бесстыжие очи коварного душегубца, увидели они, что латы... – староста взял драматическую паузу, для чего даже остановился, – пустые!

– Пустые? – удивилась леди Лиз.

– То есть как это – пустые? – переспросил Жан Элиасен.

– Ну, не то чтобы совсем, – опережая старосту, поспешил с объяснениями кто-то из толпы. – Чего-то внутри имелось – тонкие штуки такие.

– И кишки!

– Не кишки, а жилы!

– Может, и жилы, но на кишки похожи.

– Но головы, головы-то не было!

– И сердца!

– И легких!

– И печени!

– Да ваще ничего!

– При взятии Вианы-де-Кашты я потерял часть легкого и почку... левую... нет, левую я на спор проткнул на охоте, а при Вианы потерял правую. Точно – правую, его сиятельство потом оплатил замену во Дворе Чудес. – Рыцарь на свой манер решил принять участие в разговоре.

– И увидели мы, – выслушав сэра Уилфреда, местный глава вновь взял слово, – что не человек то вовсе, а – демон! – Староста, а с ним и гости продолжили движение. – Из тех, что населяли Белые земли до Потопа и издевались над людьми заради удовлетворения своей демонской насущности.

Чем дальше, тем интересней. Даниилу уже не терпелось взглянуть на главного героя рассказа.

– Да только сбежал он.

– Как сбежал? – опешил инспектор Владимиров.

– Вот так – сбежал. – Речь старосты на мгновение утратила витиеватость форм. – Сами не поняли. С вечера связали, в сарае оставили, а наутро – одни веревки и дверь выломана.

– Знамо дело – демон! – авторитетно выкрикнул кто-то из задних рядов.

– Демон, – вздохнул староста. – Однако... – Глаза его вновь загорелись. – Лучшие мужи селения не сложили руки, не свесили головы, не... э-э-э... задрали ноги, а, побуждаемые гневом праведным, собрались на новую охоту и опять изловили супостата!

– Да-а!

– Лерка пьяный домой вертался, а во дворе – демон. Лерка думал – любовник до его Марыси шагает, ну и, не разобравшись, приложил как следовать, – объяснил один из селян.

– Да, Лерка как выпьет, он того...

– А так-то тихий, смирный.

– Лучшие мужи деревни, возглавляемые великим предводителем, – гнул свою линию староста, – рискуя животами и жизнями, вновь изловили супостата. И, видно, боги услышали истовые молитвы, ибо в тот же день...

– Да не, изловили вечером, а энтот объявился – наутро.

– Не вечером, а ночью! Лерка с Ванькой тогда пьянствовали, а они, как соберутся, раньше полуночи не расходятся...

– В тот же день! – Староста сурово посмотрел на горлопанов. – Через наше благословенное селение проезжал великий чудотворец Теофраст.

– Ага, чудотворец. У Марыси нижнее белье, которое стирать приготовила, пропало – чудо, не иначе!

– С кружевами, его Лерка с ярмарки привез!

– Аж из самого Варосса!

– Великий чудотворец, – не сдавался староста. – И спянулся он на горе наше...

– В смысле – спянулся? Мы ж ему заплатили.

– И харчей на дорогу дали.

– И белье опять же...

– Спянулся на горе наше и, пользуя силу свою и знания...

– Силу белье тырить!

– И знания, отыскал в землях, что окружают благословенное наше селение, место магиикусы.

Староста взял паузу, но, похоже, никто из горлопанов не собирался прерывать его. Вместо них встрял Жан Элиасен:

– Магиикусы? Вероятно, вы имели в виду – мегукусы, или место силы. Ну, ну, помните? – Радостный, он повернулся к попутчикам: – Я вам рассказывал! И здесь, здесь тоже!

– Велел он отнести пленника в магиикусу и оставить с ним до утра. Неведомо нам, какие обряды и тайные знания применял сей ученый муж, но наутро велел он, чтобы установили в центре деревни деревянный столб...

– Осину, которая росла у берега, пришлось срубить!

– И повесить на него ненавистного супостата. Ну, не совсем всего супостата, разделил он его вместе с латами – руки отдельно, ноги отдельно. И сказал, что будет тот висеть здесь до последнего Потопа. В назидание тем, кто замыслит недоброе, и как охрана нашего селения от прочих демонов и сил нечистых. Вот! – Староста, кажется, закончил.

И, кажется, они пришли к месту, потому что перед ними раскинулась небольшая площадь, в центре которой действительно был закопан деревянный столб, на котором висели латы.

– Вот, – повторился староста. – Нет, чудотворец не обманул, латы не сбегают, и новых разбойников нету, но вот стонут очень.

– Особенно по ночам.

– Спать не дают.

– А я и днем слышал.

– Вот, – вздохнул староста. – Помогите, люди добрые, а?

Даниил, а следом за ним и остальные подошли ближе. История старосты оказала на них некоторое влияние, потому подходили они с опаской.

Видимо, латы были действительно древние, Даниил никогда не только не видел, но и не слышал о таких. Ручки и ножки, которые висели отдельно, привязанные ниже, были не толще его запястья, словно у ребенка. Тело же, напротив, являло собой почти шар, сделанный из серого блестящего материала, но не металла. Венчал

тело квадратный шлем, без забрала и щели для рта. Дырки для глаз имелись, но отчего-то в количестве трех штук.

– Что за существо могло носить такое? – Лиз высказала вслух мысли всех присутствующих.

– Носило, еще как! – Староста понял девушку по-своему. – Говорил же, все огороды вытоптало...

Тахл подошел ближе, заглянул в углубления, оставшиеся на месте отрезанных ног.

– Интересно...

– Что тебе интересно? – не слишком вежливо поинтересовался Даниил.

– Квадрианская технология, это они любят совмещать живые организмы и компьютеры... я вспомнить! Я точно вспомнить! На большинстве планет Федерации она запрещена, но на некоторых активно использоваться. Некоторые даже добровольно отдавать свой мозг и тела для сращивания с компьютеры. Я даже проходить курс по биотехнологии... кажется...

– Двор Чудес – вот что это такое! – В дыру от второй ноги заглядывал их сказитель. – Не что иное, как одно из созданий Двора Чудес! – Он даже запустил узловатый палец внутрь кирасы и пошевелил там.

В этот момент из внутренностей лат раздался громкий стон. Все отпрянули, в том числе доктор с вытянутым пальцем.

– Вот, вот, видите... ну, то бишь слышите! – оживился староста.

Прочие крестьяне привычно и почти синхронно произвели жесты от сплаза.

– Магистр Адольфо Густаво фон Бекк в своем труде «Рифмуус», помнится, упоминал о подобном... гм... случае. Только у магистра Густаво стонала скала, и тому было вполне научное объяснение: ветер, попадая в пустоты...

Латы снова застонали, на этот раз стон был преисполнен страдания.

– Мы уже их и живой водой, и по-хорошему просили, и дары всяческие. – Староста вновь принялся перечислять попытки местных умиловить покойника.

– Я мочь попытаться отключить их. – Тахл посмотрел на Даниила. – Для этого отыскать и снять аккумулятор, без источник

энергии они перестать работать.

– Уверен?

Эльф задумался.

– Да, наверное, да.

Даниил повернулся к селянам во главе со старостой:

– Мы поможем вам...

Селяне оживились.

– Но стоить это будет два золотых.

Оживления убавилось.

– И харчи на дорогу.

– Так это... – староста почесал затылок, – скинуть бы надо.

– Два золотых и еда. Или так, или мы уезжаем!

– Лады, по рукам.

Глава 16

Похоже, что эльфу удастся выполнить обещанное, сомневался не один Владимиров. Все время, пока снимали латы, пока Тахл копался в них, от остроухого не отходили не только местные, но и компаньоны эльфа. Причем если Даниил просто хмурил брови, то Жан Элиасен позволял себе постоянно хмыкать. Несколько раз сказитель даже пытался влезть с очередным умничаньем, но, видимо, в обширном багаже не нашлось подходящей к случаю цитаты.

– Помню, при осаде Ковильяна, я еще потерял там ногу и печень, у одного из наших был похожий доспех, – неожиданно заговорил старый рыцарь. – Не такой круглый и с конечностями впору, но тоже из чудного материала. Сталь не сталь, по твердости такая же, но легче и крошится, а не мнется.

– Это полимер, говорить проще – пластмасса, хотя не важно. – Тахл поковырял кирасу ножом, который одолжил у Даниила, и, к удивлению всех, часть доспеха в районе груди отошла в сторону.

Зрители осторожно подошли ближе, вытянув шею, даже Владимиров не сдержался. Вопреки ожиданиям, внутри не было ни сердца, ни плоти, ни механизмов, лишь какие-то бесцветные жилы и пластины с бугорками.

– А при Фару свои же случайно отсекли мне часть живота, вместе с желудком, – задумчиво сказал рыцарь. – Может, и у меня внутри...

– Где же это? – Эльф запустил руку, уверенно выискивая что-то во внутренностях существа; видимо нащупав, с усилием вытянул руку обратно. Выпачканные в зеленой слизи пальцы Тахла сжимали небольшую коробочку. Коробку он тут же отбросил, Владимиров не успел даже рассмотреть подробностей.

– Вот, энта самая субстанция истекала из членов чудовища, как ему руки и ноги того... этого... два дня кряду текла, а потом того... перестала.

– Все, теперь не будет стонать. – Отыскав в тени одного из домишек снег, эльф отер им замаранную руку.

– Уверен? – Даниил, сопровождаемый селянами, осторожно подошел к коробочке, ткнул ее носком сапога.

Вся в слизи, с тонкими жилами, которые выходили из нее со всех сторон, больше всего она напоминала... да ничего она не напоминала, ничего из виденного до сих пор Владимировым, разве что некоторые узоры на кубе Двора Чудес.

– Без питания – вряд ли.

Видимо, это означало уверенность. Даниил повернулся к старосте и выразительно потер большим и указательным пальцами.

– Так это, убедиться бы надо, – вполне резонно ответил староста. – А пока – милости просим, будете гостями желанными.

– Мы с Тахлом на какое-то время останемся здесь, насколько позволят.

Путешественники сидели в доме, который отвели им селяне, вполне прилично отобедали – похоже, местные не бедствовали. Латы, как и обещал эльф, после его манипуляций пока не издали ни звука.

– Ты обещать отвести меня в Равенор, – напомнил Тахл.

Даниил поморщился:

– Обещал – значит, отведу. Позже, дай на дорогах станет поспокойнее.

– Я бы, некоторым образом, также предпочел бы тишину сельской жизни сутолоке города, – поспешно затараторил сказитель, словно боялся упустить вакантное место. – Не подумайте что. – Он виновато взглянул на девушку и рыцаря, которые минуту назад высказали намерение с утра продолжить свой путь. – Просто я давно имел желание, да что там – мечтал... мм... э-э-э... запечатлеть, так сказать,

на бумаге... э-э-э... легенды северных регионов, в частности так называемые племенные... сказания... Как говорил небезызвестный Абрахам Вомбери в своем бессмертном труде... – Окончание фразы потерялось в показном кашле ученого.

Инспектор Владимиров понимал их – мало кому хотелось находиться рядом с девушкой и ее сопровождающим, когда за ними по пятам следуют измененные крысы. Он и сам не горел подобным желанием.

Леди Лиз и сэр Уилфред переглянулись, после кивка девушки рыцарь начал:

– Как вы правильно заметили, на дорогах беспокойно, и мы были бы только рады попутчикам, любым попутчикам. – Смотрел он при этом исключительно на Даниила.

Владимирову даже стало как-то обидно, что его сбрасывают со счетов.

– Я бы тоже хотела, чтобы вы сопровождали нас, – произнесла Лиз, потупив взор.

– Если дело в финансах, я думаю, мы могли бы договориться...

– Покойнику деньги ни к чему, – вполне резонно заметил Даниил. – Кто или что такое эти крысы и почему они гонятся за вами?

– Но я же объяснила... – начала девушка.

– Ничего вы не объяснили! – прервал ее Даниил.

Лиз вздохнула:

– Ну хорошо, орден Мнемозины, слышали о таком?

Владимиров порывлся в памяти, впрочем не очень глубоко, и отрицательно покачал головой, хотя на него все равно никто не смотрел.

– Общее количество орденов, культов и прочих... гм... образований Варосса некоторым образом затрудняет систематизацию, а также простое запоминание... их всех, – высказал неожиданно здравую мысль ученый.

Лиз кивнула, приняв объяснение.

– Меня взяли туда еще ребенком, жизни вне ордена я не помню. Сестры – моя семья, мои подруги, матери и... – Она посмотрела на старого рыцаря. – А сэр Уилфред был всем нам вместо отца.

На рыцаря тут же накатила прилив стариновской сентиментальности, шмыгнув носом, он смахнул одинокую слезу.

– Однако сестры подобрали меня на поле боя, после осады того самого Ковильяна, ну, где доспех, я рассказывал. На мое счастье, после паломничества они возвращались в Варосс. Я умирал, я потерял руку и ногу, замену которых позже сестры оплатили во Дворе Чудес.

– У вас хоть что-нибудь свое осталось? – не выдержал Даниил.

– Голова, – серьезно кивнул рыцарь. – Как бы то ни было, меня выходили, вернули, так сказать, с того света. И я остался, в знак благодарности, ну и вообще...

– Сколько себя помню, сэр Уилфред всегда был с нами.

– Осада Ковильяна... что-то я не припоминаю за последние лет двадцать подобного инцидента...

На ученого зацыкали, и он замолчал.

– Я росла, – продолжила леди Лиз, – пока не пришла пора выполнить, – девушка запнулась, – предначертанное. Я не могу всего рассказать пока, но мне, нам очень нужно в Амалорм.

– Крысы, – напомнил Даниил.

– Клянусь, – прекрасные глазки лучились искренностью, – если бы я знала, если бы могла предположить об опасности, которой подвергались вы, наши попутчики. Однако я даже понятия не имела... – Не договорив, девушка закусил губу.

– Возможно, я смогу пролить свет на некоторые обстоятельства, – неожиданно для себя встрял Владимир. – Будучи инспектором уголовной полиции, я расследовал это дело или дела.

Он рассказал о трупах, о своих догадках, о посещении приюта, естественно умолчав о принадлежности к приютским фаворитки герцога, о крысах и об их загадочных механических собратьях.

Как ни странно, все слушали не перебивая, даже сказитель и рыцарь.

– ...вот, – закончил Владимир. – Но по какой причине крысы охотятся именно за этими выпускниками, не могу сказать. – Он выразительно посмотрел на леди Лиз.

– Я и подавно не знаю, – искренне произнесла она и добавила: – Честно.

– Имеется некоторая вероятность, что вы, уважаемая леди, также, некоторым образом, из приюта, – предположил Жан Элиасен.

– Не знаю, – покачала головой девушка. – Если я и была в приюте, забрали меня оттуда в очень раннем возрасте. Ни родителей, да

никого, кроме сестер и нашего ордена, я не помню.

Теперь пришла пора вопросительно посмотреть на старого рыцаря.

– А я что, когда я очнулся, леди Лиз уже была там!

– Ладно, оставим вопрос «Почему?», – кивнул Даниил, видимо приняв объяснения. – Собственно, это не так и важно. Но вот вопрос «Как?». Каким образом эти самые измененные крысы выслеживают вас и смогут ли проследить дальше, до Амалорма, или их власть ограничивается окрестностями Варосса и Терружена? От ответа зависит и наше решение.

– Существовать робозонды, настроенные на ДНК. – Эльф посмотрел на остальных, тяжело вздохнул. – Есть штуки, которые мочь отыскать человека и которым ни расстояния, ни стены не помеха. Но такие штуки быть в моем мире... но здесь... не знать. Выжить примитивно, в веке пара, но я видеть крыс – соединение тела и механизма, сложный технологий. Я видеть биоробот, ну – латы... – махнул он за спину, – странный мир. Если бы я вспомнить больше! Память возвращаться, но медленно, слишком медленно.

Что Владимир понял, так это то, что, возможно, крысы от них не отстанут. Остальные, вероятно, также сделали подобные выводы. Покинув Варосс, он мало продвинулся в расследовании. Почему крысы охотятся за приютскими? Возможно, некоторую ясность смогли бы внести в ордене Мнемозины, но – увы! – сестры Лиз остались в городе, который со дня на день окажется в осаде или уже осажден. Положа руку на сердце, Владимир не особо и надеялся на раскрытие тайны, старый друг Карелла просто спасал его, отправляя из Варосса.

– Как я уже имел удовольствие упоминать, мы с леди Лиз направляемся в Амалорм, – вновь заговорил старый рыцарь, глядя исключительно на Даниила. – Возвращаясь к началу нашей... э-э-э... беседы, если бы вы, однако, согласились... гм... оказали честь сопровождать нас. Я располагаю некоторыми ресурсами, финансовыми ресурсами, которыми меня снабдили на дорогу уважаемые сестры...

– Сколько? – прервал рыцаря Даниил.

– Ну, я признаться, думал о...

– Дракон! – раздался крик с улицы.

– Так вот я готов предложить вам...

– Дракон! Дракон! Спасайтесь!

Крики множились, их уже невозможно было игнорировать.

– Что? Что это?

Первым на улицу вышел Даниил, за ним Владимиров. Селяне бегали по деревне, периодически выкрикивая: «Дракон!» Владимиров взглянул на небо: и точно – дракон.

Часть третья

Интерлюдия, или За некоторое время до описываемых событий

– Мастер, мастер, в костедробилке... там – человек! Высшая воля сделала человека!

– Измененный?

– Нет... то есть да... он точно, как описано в Своде, в первом параграфе... он не уходит, что делать, мастер?

Седой дверг почесал под колпаком лысину.

– Точно по Своду, отправь кого-нибудь предупредить сестер.

Глава 1

– Атомные боги!

Твердая на ощупь стена, без швов и углублений, лишь цепочка небольших бугорков поднималась от пола и исчезала в недоступной для Даниила высоте.

– Осмелюсь заметить, Михаил Миклах в своих дневниках, конкретно в главе «Повседневная жизнь тавров», описывал сходные обычаи, так сказать, гостеприимства у таврийских дикарей.

– У них тоже в жилищах темно, как... как... – Даниил задумался в поисках эпитета для обозначения крошечной тьмы, в голову упорно лезло слово «задница». Наконец он нашелся: – Как ночью... безлунной.

– Таврия – это не там, где людоеды? – выказал неожиданную эрудицию инспектор.

– Ну, спасибо, успокоили! – Вытянув руки, Даниил двинулся в противоположном направлении. Сделав несколько шагов, он уперся в такую же стену, но без бугорков.

– Полноте, друг мой, – произнес невозмутимый сыщик. – Не пугайтесь раньше времени, мы еще не на сковородке.

– Не на сковороде. – Даниил уселся у стены, под ним хрустнула циновка, кажется из формиума. – Но в печи так уж наверное.

– Однако где мы... что было? Леди Лиз, с вами все... – откуда-то с середины комнаты раздался слабый голос сэра Уилфреда.

– Со мной все хорошо, – произнесла девушка.

После облегченного выдоха рыцарь продолжил:

– Однако, должен признаться, я многого не помню. Последнее оставшееся в памяти – крики «Дракон!», потом мы вышли, потом этот дым...

– Дракон сожрал нас, ну и вас, уважаемый сэръ рыцарь.

...Выйдя, как и все, на улицу, Даниил увидел дракона. Нет, он слышал об этих тварях, которые в основном водились в южных широтах, но чтобы вот так, вблизи, воочию – впервые. Хотя твари, так сказать, его специальность.

Дракон, как и положено такому существу, был огромен. Прямо над ними нависло серое брюхо, казалось закрывая все небо. Селяне мотались между домами с криками ужаса, и Даниил вполне понимал их.

– Донджо Полидори в своем труде... своем труде... – мямлил сказитель.

– Какой ужас! – воскликнула леди Лиз.

– Однако, надо бы бежать, – высказал сэръ Уилфред совсем не рыцарскую, но вполне здравую мысль.

Дракон пролетел чуть дальше, и Даниил увидел хвост твари с перепончатыми крыльями и пропеллером меж ними.

– Дирижабль, это дирижабль. – В голосе эльфа совсем не было страха, только удивление.

– Это дракон, – поправил эльфа инспектор, – и, боюсь, бежать уже поздно. – Он вытащил свой пистоль, тот самый, которым сражался с крысами, проверил заряд.

Одобрительно кивнув, Даниил обнажил меч, то же самое сделал рыцарь.

– Вы что, сражаться с дирижаблем? – удивился эльф.

– Не с драконом, а с теми, кто в нем живет. – Леди Лиз тоже вытащила пистоль, Даниил, как и в первый раз, поразился его величине – словно игрушка. Но в схватке с крысами эта игрушка показала себя довольно действенным оружием, может, и сейчас поможет.

– Боюсь, я не совсем практик, моя сила скорее в знаниях, в теории, – видя приготовления компаньонов, забормотал Жан

Элиасен. – Тот же Полидори во второй части своего бессмертного опуса утверждал, что некоторые виды драконов способны испускать... мм... э-э-э... миазмы, которые оказывают на людей, да и на эльфов и на низкоросликов, довольно своеобразное воздействие. Если верить мэтру Полидори, миазмы вгоняют живые существа в некое подобие кататонии, говоря проще – сна...

Сказитель еще говорил, а из брюха дракона, который опустился так, что почти задевал трубы домов, повалил дым, зеленый.

– Вот-вот! – чему-то обрадовался ученый.

Даниил вдохнул – цветочный запах, приятный. И это было последнее, что он помнил.

– Говорят, кого сожрал дракон, те пропадают, их больше никогда не видят.

– Вспомнил! – закричал Жан, да так, что все вздрогнули, Даниил так точно. – В одном малоизвестном труде, авторства не помню, говорится, что в империи Хань драконов используют для перевозок... и на праздниках...

– Очень вовремя. Сильно же это нам поможет.

В заключение слов Даниила с тихим гулом зажегся свет. Даниил заморгал. Когда зрение прояснилось, юноша увидел, что они находятся в небольшой комнате, без углов и окон. Из удобств лишь циновки на холодном, металлическом полу. Нашупанные им ранее бугорки оказались шляпками заклепок. Заклепки поднимались до высокого потолка, на котором горели холодным белым светом несколько трубок, они же гудели.

У Даниила мелькнула мысль, что свет загорелся не напрасно. В подтверждение послышался лязг затворов, открылась дверь, в комнату вошли два человека.

Глава 2

Дверь открылась, в комнату вошли два человека. При виде незнакомцев я – Жан Элиасен – единственный из присутствующих сохранил присутствие духа, которое, как мне кажется, должно отличать мыслящих существ от так называемого животного мира. К последнему, увы, увы, без колебаний можно смело причислить и некоторых представителей человеческой, да и других рас. Не случайно

мой учитель, ректор Гридасоев, говорил мне – своему лучшему ученику, который на сегодняшний день много превзошел учителя, – так вот Гридасоев говорил: «Жан Элиасен, с вашим характером, вашей целеустремленностью, гениальным умом и жаждой знаний вы далеко пойдете!» Ну, может, не совсем так говорил, но вполне мог бы сказать, во всяком случае думал – точно.

Остальные при виде незнакомцев, а именно леди Лиз, рыцарь, полицейский, Даниил и даже эльф, поднялись, приняв воинственные позы. Я поморщился. Интеллект – вот истинное оружие настоящего мужчины, а также сила духа, коей я наделен сверх всякой меры. Подходящая случаю цитата быстро нашлась в моем более чем обширном багаже знаний. Справедливо рассудив, что в данный момент присутствующие были слабо расположены внимать кладезям мудрости, коими я время от времени делился с ними, я принял решение повременить с цитатами и благоразумно отступил за спины мужчин. Естественно, с единственной целью – успокоить даму, которая, без сомнения, более всего нуждалась именно в этом, а не в их показной мужественности.

– Леди Лиз, не волнуйтесь. – Хотя я сам и чувствовал некоторое волнение, но моя поистине стальная воля обуздавала его. И голос излучал уверенность, не выказав и тени бушевавших внутри чувств. Невольно я сам залюбовался, как мужественно прозвучала эта фраза.

Некоторая доля моей уверенности передалась и леди Лиз.

– Я не волнуюсь.

Итак, я переключил внимание на вошедших. Один был невысок ростом, мускулист, широкоплеч, с большой головой, всклокоченными черными волосами, усатый и остроглазый. Все в облике выдавало в нем южанина и носило на себе отпечаток живости детей теплого климата, в противоположность северной сдержанности. Дайдро в одном из своих трудов справедливо заметил, что характер человека сказывается в его движениях, а этот крепыш мог служить тому живым доказательством. Чувствовалось, язык крепыша красочен, щедр на прибаутки, образные выражения, своевольные обороты речи. Впрочем, я не мог в этом убедиться, потому что пока вошедшие хранили молчание.

Второй незнакомец заслуживал более пристального внимания. Для ученика Грасиоле и Энгеля его лицо было открытой книгой. Я не

колеблясь распознал основные черты характера этого человека: уверенность в себе, о чем свидетельствовали благородная посадка головы и взгляд черных глаз, исполненный холодной решимости; спокойствие, ибо бледность его кожи говорила о хладнокровии; непреклонность воли, которую выдавали быстрые сокращения надбровных мышц. Наконец, мужество, ибо его глубокое дыхание изобличало большой запас жизненных сил.

Сколько было лет этому человеку? Ему можно было дать и тридцать пять, и пятьдесят! Он был высокого роста; резко очерченный рот, великолепные зубы, рука тонкая в кисти, с удлиненными пальцами, в высшей степени «психическая», если заимствовать определение из словаря хиромантов, то есть характерная для натуры возвышенной и страстной.

Оба незнакомца были в куртках из меха морской выдры, в полотняных штанах, обуты в высокие кожаные сапоги. Одежда мягко облегала их тела, не стесняя свободы движений.

Высокий – по-видимому, старший – оглядел нас с величайшим вниманием.

Присутствующие, в том числе и я, продолжали сохранять напряженное состояние. Я подумал, не взять ли мне за руку леди Лиз, несомненно для успокоения девушки, но тут заговорил высокий:

– Мое имя Даккар, и я капитан этого дракона! – Голос оказался под стать внешности, уверенный, проникновенный.

«Уважаемый Даккар, развеите в сей же час наши сомнения, кто мы для вас: пленники либо желанные гости!» – именно так я хотел сказать, но отчего-то не сказал.

– Кормим раз в день, поэтому наедайтесь, – вместо меня продолжил высокий, – прогулка тоже раз в день, тогда же туалет.

И, развернувшись, парочка покинула наше узилище.

– Леди Лиз, все будет хорошо. – И хотя в словах моих было не много правды, я проявил великое мужество и усилием воли обуздал вполне естественный страх, вкупе с неуверенностью в завтрашнем дне. Единственно, дабы успокоить девушку. Не скажу, что мне легко далась эта фраза, однако ни малейшая дрожь голоса не выказала бушевавших внутри чувств.

– Я не боюсь.

Вскорости, после еды, как и обещал господин Даккар, нам позволили покинуть камеру. А в том, что комната, где нас содержали, была именно камерой, отпали последние сомнения, во всяком случае у меня, как наиболее наблюдательного в нашей более чем пестрой компании.

Помещение для прогулок являло собой обширную залу с материалом стен сходным с покинутым узилищем. Две особенности отличали его: первая – это очередь в место, именуемое отхожим, вторая – окно, от пола до потолка, у которого скопилось едва ли не большее количество людей, чем в очереди.

Из увиденного мой аналитический ум вывел, что мы не единственные пленники дракона и его хозяина. Среди наших товарищей по несчастью были и центаврийцы, и дверги, и даже парочка измененных с двумя парами рук и щупальцами, которые росли прямо из шеи. Но основную массу, как и следовало ожидать, составляли селяне, возможно того же поселения, где пленили нас.

Я тут же занял положение поближе к леди Лиз, на случай если девушке понадобится моя помощь. Однако грубиян Даниил отер меня, заведя с девушкой далекий от содержательности разговор. Несчастливая слушала его, несомненно, через силу, ввиду воспитания и природного такта. Я же, не отыскав в предмете беседы пищи для своего более чем гениального ума, подошел к окну, тем более что большая часть смотрящих переместилась в очередь к туалету. И я увидел... проплывающие под нами Белые земли с темными мазками проталин, из чего следовал вывод о нашем движении на юг.

Нельзя сказать, что увиденное так уж сильно удивило меня. В конце концов, мы – в драконе, а он – летающее существо, в чем мы могли сами не так давно убедиться; однако все равно картина проплывающей мимо, далекой земли на некоторое время заняла мое воображение. Я представил, сколько добрых дел, сколько открытий можно было бы совершить, поставив данное существо на службу науке.

– Небо неподвластно деспотам. На земле они еще могут воевать и убивать друг друга, но на высоте их власть кончается. – Это говорил хозяин дракона, который, несомненно распознав во мне равного себе по силе духа собеседника, приблизился к окну. – Жить надо на

высоте! Только здесь истинная свобода, только здесь нет угнетаемых и угнетенных!

– Как говорил Антуан Саповецкий, – тут же парировал я, – в своем труде «Эльфийская кровь»: «Люди всегда люди, даже брось их в яму с дерьмом, отыщется тот, кто нагребет этого дерьма большую кучу и взгромоздится на нее, как доказательство своего величия».

Господин Даккар с интересом посмотрел на меня, видимо, ему импонировала не только моя ученость, но и грубая прямота.

– Именно поэтому я предпочитаю людям животных. Вот уж кто бесхитростен и не держит никаких камней за пазухой. Если ты их кормишь, даешь кров и обращаешься без излишней жестокости, они преданы тебе. Но человек – стоит повернуться, и ты с полной уверенностью можешь ожидать удара в спину.

За словами этими явно стояла непростая судьба и история, возможно не одна, вполне вероятно, более чем занимательная. Я повернулся к господину Даккару, намереваясь продолжить разговор, тем более что он, кажется, был не против.

– Весьма интересная точка зрения, но не оригинальная. Еще Алан Эдгарус в одном из своих трудов писал: «В бескорыстной и самоотверженной любви животного есть что-то действующее прямо на сердце того, кто имел частые случаи наблюдать жалкую и летучую, как пух, верность человека».

Хозяин дракона кивнул.

– На свободном острове Бенсале, где я имею удовольствие проживать, у меня есть зверинец. Никаких клеток, животные спокойно передвигаются по большой территории, огороженной, но это сделано скорее для их защиты, нежели чтобы ограничить свободу. В вашей деревне, прежде чем улететь, я выпустил на волю всех коз, всех свиней, кур и лошадей. Я порезал сети и отпустил рыбу обратно в реку, ибо мне противна даже мысль о любом угнетении и неволе. До последнего вздоха я буду на стороне угнетенных, и всякий угнетенный был, есть и будет мне братом!

– Воистину, слова достойные высокого звания Человека, чем не может похвастаться большинство человечества! – Я был искренен в своем восхищении. Однако один вопрос занимал меня, и я не мог не задать его, тем более коль представилась возможность. – Скажите, уважаемый господин Даккар, какова наша участь, тех, кто заперт в

камерах, кто летит на вашем драконе, наслаждаясь невольным гостеприимством?

И с замиранием сердца я ожидал ответа.

– Вас продадут в рабство, жить-то на что-то надо.

Глава 3

– Кажется, я кое-что вспомнить, – тихо произнес Тахл, но, так как комната была небольшая, эльфа услышали все. – Не знать, моя жизнь, чужая, действующее ли я лицо или сторонний наблюдатель. Там быть дирижабли... не совсем как здесь, но похожие. И там быть измененные. Словно со мной и не со мной! – Эльф обхватил голову руками.

– Расскажите, Тахл. – Лиз подсела и приобняла эльфа. – И вам полегчает.

– Да, расскажи, – поддержал девушку Даниил, – все равно делать нечего.

– Снова эти имена! – Тахл продолжал баюкать голову. – Рауль, Ганимар, они что-то значит, но что?

– Да говори уже! – не выдержал инспектор.

– Хорошо, я рассказать...

«Тогда там тоже была зима. Планета Роса, не вся, один из континентов, хотя континент – громко сказано. По меркам привычного мира – небольшой клочок суши, островок, окруженный серым, тягучим океаном. Таких островов на планете насчитывалось несколько сотен, некоторые – большие, некоторые – совсем крохотные; и вот на одном из них произошла революция. Борцы за свободу и справедливость, ибо все революции совершаются под такими лозунгами, сбросили местного царька, но пока не посадили своего, увлеченные послереволюционной суетой. Страна ожидаемо и стремительно скатывалась в пучину хаоса и нищеты. Грабежи и погромы в столице стали обычным делом. Но новая власть закрывала на это глаза, больше занятая искоренением инакомыслия в собственных рядах.

По городу рыскали кхмеры – цепные псы нового правительства свободы и справедливости. Каждый, принятый в ряды кхмеров, изменял себя. На человеческих лицах красовались свиные рыла, это символизировало обостренный нюх, а одна из рук оканчивалась костяным крюком, которым, по замыслу идеологов, кхмеры должны были волочить противников новой власти к месту заслуженной казни. На деле кхмеры никого не волочили, а убивали там, где поймали,

прямо на улице. Особо преследовались недавние соратники, ибо новые вожди, придя к власти, довольно споро принялись изничтожать тех, кто помог им в этом. Надо сказать, свиное рыло было отнюдь не красивым атрибутом, хотя о красоте можно и поспорить. Оно действительно улучшало обоняние, причем настолько, что ищейки буквально чувствовали малейшие перепады настроения окружающих. Бывших революционеров они вынюхивали по геномаркерам, которые подсадили им еще во времена совместной подпольной деятельности.

Я прилетел в Сан-Борг – столицу острова, когда первая волна репрессий почти схлынула. Явных противников уничтожили, и новая власть потихоньку переходила к скрытым врагам, то есть сочувствующим и нелояльным. В свете этого следовало быть особо осторожным, хотя инопланетников они пока трогать опасались.

На улице Гос-ран, где обитал мой информатор, не работал ни один фонарь, впрочем, глаза мои, измененные лучшими биотехниками Квадрии, видели в темноте ничуть не хуже, чем при дневном свете. Прохожих не было, лишь кучка невысоких чумазных росцев, благодаря биоизменениям больше похожих на чертенят, чем на людей, толкалась ближе к середине. Едва я вышел на улицу, они было двинулись в мою сторону, но я отвернул полу кожаного – по революционной моде – плаща, показав рукоять десантного бластера. И интерес аборигенов угас сам собой, похоже, в темноте они видели ничуть не хуже меня. Я еще некоторое время любовался длинными крысиными хвостами с кожистыми стрелками на концах, которыми они презрительно махали, растворяясь в одном из переулков. Обоняние я тоже усилил, но ветер дул в другую сторону, так что чувства росцев остались для меня загадкой.

Дверь-мембрана, опознав биомаркер, раздвинулась передо мной. Я вошел в полутемный коридор, больше похожий на кишку, а затем в круглую комнату, где сидел мой осведомитель. Надо сказать, я довольно неуютно чувствую себя в закрытых помещениях, а в таких – полуживых – и подавно. Наспех просканировав стены на предмет скрытых ловушек, я обнаружил парочку у входа с парализующим газом и одну прямо над головой. Ловушка была заряжена каким-то коктейлем из нейролептиков, вкупе с чем-то вроде сыворотки правды. Мой анализатор, вычленив несколько десятков формул, жалобно пискнул и замолчал, занятый синтезом антидотов на случай атаки.

– Рауль?

– Шеле-хес? – вернул вопрос я.

Ловушка выпустила немного газа, который должен был расслабить меня, заодно замедлив реакцию, почти незаметно. Биоанализатор тут же нейтрализовал газ, и это, видимо, не осталось незамеченным для хозяина жилища. Он кивнул чему-то своему.

– Их повезут завтра, с Южного вокзала, в полдень, обычным рейсовым альбатросом, второй пузырь. – Мой информатор на первый взгляд казался почти человеком, разве что уши более длинные, чем это принято у большинства людей, да одежда на спине топорщилась. Горб? Сложенные крылья? Странно, но волосы были седые и редкие, хотя он вполне мог заказать себе роскошную шевелюру.

– Охрана? – спросил я.

– Несколько кхмеров, измененных. Помимо нюха, у них увеличена мышечная сила, что должно сказываться на реакции и скорости.

Я кивнул: в нашем деле скорость важнее мускулов. Собственно, поэтому, как бы ни менял внешность, я всегда оставался поджарым, больше похожим на подростка, чем на мужчину.

Я вытащил кредитку, на табло красовалась сумма с четырьмя нулями, протянул ему.

– Я делаю это не ради обогащения, – произнес Шелехес, хотя мне, собственно, было все равно. – Моя внучка, она должна уехать отсюда. На нашем острове нет будущего.

Словно только и ждала его слов, боковая мембрана раздвинулась, в комнату вошла девочка-подросток – тусклые глаза, немного опущенные уголки губ, длинные темные волосы собраны сзади в хвост. Как по мне – не очень, хотя, возможно, когда-то из нее вырастет нечто стоящее. Меня она, казалось, даже не заметила, хотя анализатор запахов говорил иное. Смесь феромонов, выпускаемых девушкой, он расценил как легкую заинтересованность.

– Дед, ты скоро?

А вот голос – приятный, низкий, с хрипотцой.

Я направился к выходу. То, зачем приходил, – узнал.

Альбатрос слегка покачивался на причальных канатах-кишках. Издали он, наверное, напоминал вязку жирных сарделек, подвешенных в воздухе, которые оканчивались (и начинались)

огромными головами с россыпью фасеточных глаз на лобастых черепах. Говорят, альбатросы обладали даже зачатками разума. Если так, каково это сознавать, что кто-то копошится в твоих внутренностях.

У меня был билет в четвертый пузырь, естественно первого класса. Феромонный маркер, поставленный на запястье, слегка чесался. Только аллергии мне не хватало!

– Рауль. – Он стоял у трапа из плоти. Несмотря на то что Ганимар изменил внешность – теперь это был долговязый юноша с болезненного цвета кожей, – я узнал его, как и он меня.

– Комиссар. – Я слегка поклонился.

– Рауль, не делай этого.

– Чего, комиссар?

Юноша покраснел. Да, реакциями нового тела мой друг Ганимар еще не овладел в полной мере.

– Рауль, люди гибнут, дети. Бриллианты предназначены для закупки продовольствия в дальние провинции, там умирают от голода. Рауль, действительно умирают.

– Ты не хуже меня понимаешь, Ганимар, большая часть вырученных денег осядет на заостровных счетах отцов революции. К твоим голодающим дойдут крохи.

– Пусть так, но эти крохи могут спасти сотни жизней.

– У вас есть что предъявить мне, комиссар? – Мой тон стал сухим, деловым.

– Нет, но у меня официальная аккредитация на Росе. Надеюсь, понимаешь, если я поймаю тебя на месте преступления, Рауль, ты сядешь, и надолго. А здешние тюрьмы не самое приятное место в галактике.

– Всего хорошего. – Я поклонился, тем более что подошла моя очередь...

Кондуктор долго и придирчиво обнюхивал запястье, смешно морща вытянутый нос гиены, но пропустил меня. Сразу за порогом внутренности альбатроса укрывал длинный белый ворс, который приятно зашевелился, приветствуя пассажира.

Мы находились в пути почти день. Альбатрос держался в воздухе за счет газа, который выпускал в кожистые мешки наверху туловища;

даже знать не хочу, чем он это делал. В горизонтальной плоскости, учитывая, что головы находились по обеим сторонам туловища, движение происходило, видимо, за счет отрыжки.

Когда оба солнца скрылись за горизонтом, я открыл окно, которое, как и многое здесь, представляло собой чувствительную мембрану. Выпустил дронов; не скажу, что чудо, но достижение инженерной мысли, неведомое на планете.

Они должны были долететь до второго пузыря и, впрыснув анестетик, сделать в теле альбатроса достаточный надрез, чтобы в него смог пролезть я. По сути, дроны являлись слегка модифицированными обычными медицинскими роботами.

Подождав некоторое время, я выбрался наружу. Нет, крюки мое тело выпускать не умело, зачем лишние траты, когда можно обойтись простыми перчатками. Запуская когти в плоть, каждый раз перчатки впрыскивали все тот же местный анестетик. Шкура транспортного животного, конечно, не должна быть слишком чувствительна, но осторожность не помешает.

Добравшись до второго пузыря, я увидел, что мои крошки уже вошли на нужную глубину. Разошедшиеся края раны были покрыты тонким слоем гемостатического геля. На дне серела пленка внутренней плевы.

Дальше план предполагал запуск внутрь микророботов. Некоторая сложность состояла в том, что роботы не должны быть достаточно велики, иначе их тут же заметят биосистемы слежения, но и не малы – любые наночастицы расценивались как биологическая атака. В чем, в чем, а в «био» росцы, да и остальные жители планеты были сильны. Мои малютки были запрограммированы присосаться к открытым участкам тел охранников и впрыснуть парализующий токсин. Конечно, измененные тела тут же нейтрализуют его, но в том-то и дело, что токсин поступал без перерыва, давая мне несколько драгоценных секунд, достаточных для произведения физической манипуляции над охранником. Проще говоря, я намеревался вырубить кхмеров хорошим ударом.

Склонившись над раной, я сделал в плеве прокол и выпустил роботов. И тут, может, мой прокол не был таким безболезненным, как казалось, может, просто защекотало в одном из носов, альбатрос дернулся. Даже не успев среагировать, по гелю, как по маслу, я

стремительно сполз вниз. Мое тело прорвало мембрану, и я свалился на пол пузыря к ногам охранников.

Свалиться-то я свалился, но то, что увидел... Кхмерам было не до меня. Они дрались. Измененные мужчины кидались друг на друга, с остервенением молотя огромными кулаками. Кроме кулаков в дело шли зубы; противники вгрызались в плоть друг друга, с рыком вырывая куски мяса из тел. Я попытался подняться, но тут же снова упал, поскользнувшись на крови. Несколько мертвых охранников лежало на полу. И посередине всего этого стояла она – девушка, прекраснее которой я не встречал в жизни. Длинные темные волосы развевались, большие глаза лихорадочно блестели, лишь немного опущенные уголки губ слегка портили это божественное лицо. Худые прекрасные ручки сжимали небольшой саквояж, за содержимым которого пришел и я. Немыслимый коктейль из феромонов буквально накрыл меня. Я почувствовал, как где-то внутри загорается, да что там, полыхает животный инстинкт, почти невозможное, непреодолимое желание обладания ею – самкой. Ради этого я был готов вцепиться в горло, грызть зубами соперников – других самцов, невзирая на их размеры и собственные раны. Наниты в моей крови тут же нейтрализовали большую часть веществ, однако феромоны поступали еще и еще, накручивая меня. Немного помогало то, что передо мной была самка пусть и во многом схожего, но иного биологического вида. Иначе я бы прямо с пола ринулся в гущу боя.

Вот охранники прекратили драться, в живых остался один, самый здоровый. Утробно урча, он начал приближаться ко мне. А девушка стояла и молчала, кажется, уголки губ немного поднялись в улыбке, но очарования ей это не прибавило. Мне сделалось страшно.

И в этот момент мембрана двери за спиной парочки отошла, в проеме возникла худая фигура с невозможным в этом мире пороховым пистолетом. Два выстрела, как два хлопка, и охранник с девушкой упали на пол.

Сам-то я не ношу оружия, я – вор, а не убийца! Но полиция – иное дело. Ганимар прошел внутрь, на лице была дыхательная маска. Я знал: феромоны могли всасываться и через кожу, но, похоже, инспектора это мало волновало. Ганимар склонился над охранником, попробовал пульс – мертв. Подошел к девушке.

– Они... моих родителей... ненавижу! – донеслось до меня. Рука, сжимающая саквояж, безжизненно сползла на окровавленный пол.

Инспектор закрыл ей глаза, сделал шаг, склонился надо мной:

– Ты как?

– Жив... кажется... – Феромонный коктейль начал отпускать, возвращая мне контроль над собственным телом.

– Они хотели подставить тебя. Там... – Инспектор махнул за спину. – Шеле-хес, ее дед.

– Мертв? – спросил я.

– Почему – мертв, живой, хотя то, как новая власть обращается с преступниками... лучше бы умер.

Мы оба посмотрели на саквояж, думая о его содержимом.

– Значит, остались только мы? – спросил я.

– Да, – ответил Ганимар, но покачал головой, легко прочитав мои мысли.

Я вздохнул:

– Что ж, давай довезем, чем черт не шутит, может, действительно его содержимое спасет несколько жизней».

– Вот и все, – закончил Тахл. – И еще одно: кажется, я мочь открыть нашу камеру.

– Вы, ты, открыть! – тут же вспыхнул ученый, на которого, видимо, рассказ эльфа не произвел впечатления. Жан Элиасен и раньше не особо жаловал эльфа, а с их пленением, что называется, распоясался, поддевая его при каждом удобном случае. Впрочем, они все были на нервах. – Да понимаешь ли ты, что такое дракон! Высокотехнологичное создание! Последнее слово механостроительной техники и мысли! Ты не в состоянии даже осознать, какие силы движут данным... гм... созданием, не говоря уже о...

– Не совсем открыть, – тут же поправился Тахл.

– Вот-вот! Что я говорил!

– Замок простой, электромагнитный, скорее всего – катушка с подвижный сердечник.

– Бессмысленный набор антинаучных терминов!

– Я мочь сломать его, думаю, что мочь.

Жан хотел еще что-то сказать, но Даниил так посмотрел на него, что доктор заткнулся.

– Что тебе для этого нужно?

– Кусок ткани, его я затолкать в паз, чтобы не вошел сердечник, и нужна вода. Когда нас выводить, я заметить отверстие в двери, над замок. Туда нужно лить вода, она почти наверняка попасть на катушку и замкнуть ее, но нужна... емкость, бутылка, маленькая, желательно с носиком, легче попасть. Хотя можно и просто набрать в рот...

– Вот, эта подойдет. – Из складок одеяния Лиз выудила изящный флакончик духов в форме цветка, с инкрустацией на лепестках.

Даниил взял у нее бутылек, снял крышку, показал эльфу – горлышко было достаточно узкое. Тахл кивнул.

– Отлично! – Даниил перевернул флакончик и принялся трясти, выливая остатки содержимого.

– Фиалковые, мои любимые, – вздохнула Лиз.

Комнату тут же заполнил цветочный запах. Надо сказать – почти удушающий... не случайно духами следовало пользоваться по каплям.

– Завтра, на прогулка, отвечете охрану, а я сделать остальное.

Глава 4

Они стояли, загораживая от скучающего члена команды дракона распахнутую дверь их камеры. Надо сказать, это оказалось несложно. Единственный охранник привалился к стене и, кажется, дремал. Оно и понятно: куда деться пленникам с летающего чудовища. Разве вниз – навстречу верной смерти.

– Итак, инспектор, если верить словоохотливому ученому, нас продадут в рабство. Не желаешь облегчить душу? Что ты скрыл от нас в своем рассказе об убийствах, крысах и тайнах ночного Варосса?

Владимиров посмотрел на Даниила, потом на Тахла, который как раз открыл флакон и аккуратно лил содержимое в дырочку.

– Мы же собираемся сбежать. Разве нет?

– А если не получится? Если замок не сломается, если дверь заест, если не удастся скрыться?

Да, в их плане было слишком много «если». Поразмыслив, они решили: если удастся затея с дверью, правильнее всего будет совершить побег, когда дракон опустится на землю. Идеально – в каком-нибудь городе. Просто ринуться, побежать, расталкивая охранников, в надежде затеряться в толпе. План, конечно, так себе, особенно учитывая способности Владимира к быстрому, да вообще – к бегу, но в их обстоятельствах нечто иное придумать было сложно.

– Тогда какая разница. Нас продадут или убьют, хоть так, хоть так – больше мы не увидимся. – Владимир вспомнил ночной визит заговорщиков, встречи с крысиным королем. Интересно, как дела на родине? Войска Карла Голитинейшского уже осадили город, может, взяли? Получили ли заговорщики желаемое? Хотя прошло не так много времени. За чередой стремительно сменяющихся событий собственной жизни Варосс казался далеким и почти нереальным, словно его не было. Не раз и не два инспектор думал, не оказал ли ему друг Карелла медвежью услугу? Возможно, в осажденном городе жизнь была бы много спокойнее. На дракон работорговцев он бы точно не попал. – В любом случае мне нечего сказать.

– Так уж и нечего. Подумай, может, кому-то из нас посчастливится вернуться в герцогство. Что передать твоим родным, начальству?

Похоже, Даниил не сомневался, что этим «кем-то» окажется именно он. Что ж, может, и так. Тахл закончил с водой и сейчас как раз засовывал тряпицу.

– У меня нет родных, а начальство... у начальства будут свои заботы. Честно говоря, ответы я надеялся получить здесь, среди вас, видимо зря.

Они посмотрели на леди Лиз, возле которой почти постоянно терся ученый. Он что-то непрестанно говорил, Лиз улыбалась. Раскрасневшийся Тахл отошел от двери.

– Кажется, все. Теперь – ждать. Надо же, я так не волноваться, даже когда... давно не волновался... наверное.

Все трое посмотрели на дверь, ведущую из зала для прогулок, как раз возле которой и дремал охранник. Еще одно «если», и самое важное «если» их плана основывалось на предположении, что, когда пленники сидят по камерам, эта дверь не запирается, как и последующие. Вполне логичное предположение: зачем ограничивать передвижения собственной команды.

Инспектор заметил: произведя замысловатый пасс шарфом в поклоне, ученый удалился от девушки – подошла его очередь к туалету.

– Простите. – Растолкав собеседников, Даниил заспешил к Лиз.

Подходя к ней, Даниил чувствовал волнение. Оно было не столько неприятное, сколько непривычное. У него были женщины, больше того – он нравился противоположному полу, да, в основном дамам постарше, но все же. Его товарищ детства – Ольшан Криницкий, с которым они детьми мечтали покорить мир, почти сразу, после приюта женился, осел в Арреве – небольшом местечке рядом с Вароссом. В редкие встречи Даниил жалел его – заботы, дети, а Ольшан жалел Даниила. Кто прав? Ему – Даниилу – скоро тридцать, а что он оставит в жизни после себя? Хоть одна душа во всем мире пожалеет, если его не станет? Даже нет, не пожалеет – заметит, что человека по имени Даниил Кабалин уже нет на этом свете. И отчего такие мысли лезли в голову в близости Лиз?

– Я думал, он никогда не уйдет...

Хотя они сутками находились в одной комнате, протяни руку – дотронешься, по-настоящему удавалось пообщаться только в часы прогулки.

– Я тоже! – Лиз прыснула в кулачок. – Как Тахл, все получилось?

– Узнаем, когда будут запирать за нами дверь. Сэр Уилфред, с ним все нормально?

– Переживает. Он поклялся довести меня в Амалорм, а оно вот как получилось.

Старый рыцарь заметно сдал. Кончики щеголеватых усов уже не завивались, а борода давно перестала торчать клинышком, того гляди колтунами пойдет. К тому же старик отказывался выходить на прогулки и покидал камеру только по нужде.

– Я понимаю его.

Как странно, там, в деревне, Даниил был готов оставить их, соглашаясь продолжить путь только за деньги... или это был самообман? Он бы все равно поехал с девушкой и ее попутчиком до конца, в загадочный Амалорм.

Вот еще что не давало покоя! Зачем им в Амалорм? Какое такое дело вело парочку именно в этот полулегендарный город? Они ведь так и не сказали. Может, там Лиз ждет жених? Богатый, красивый, молодой... Даниил скрежетнул зубами. Вышло так громко, что Лиз с подозрением на него посмотрела.

– Все нормально?

– Зачем вам в Амалорм? – с трудом протиснул сквозь зубы.

– Тебя только Амалорм сейчас волнует?

Атомные боги, как же она была прекрасна в эту минуту! Эти глаза, этот лоб, волосы, эти губы... Даниил помотал головой. Что с ним? Уж не влюбился ли? Нет, только не любовь! Глупо! И дело даже не в том, что девушка – член какого-то ордена, а он – безродный бродяга... неопределенность будущего – вот что сейчас важнее сословных, да хоть каких различий. Если не удастся сбежать, ее продадут в гарем какого-нибудь дворянчика... От последней мысли Даниил вновь заскрежетал зубами. Нет!

– Да что с тобой? – нахмурилась Лиз. – На тебе лица нет.

– Ничего, нормально.

Но может, и не продадут. Если орден Лиз не из бедных и дорожит своими членами, у сестер потребуют выкуп – нормальная практика работоторговцев. Если те заплатят... если захотят... если смогут... если к тому времени с Варосса снимут осаду... Подобные мысли уже не в первый раз будоражили голову. Кроме этих, особенно ночами, лезли

мысли о том, как они сбегают, вместе. Он спасает Лиз и себя, и они вдвоем... на белых санях... Дальше поцелуя мечты не простирались, да и от такой мысленной вольности Даниила бросало в жар.

Слушая множественные истории любви от менестрелей и прочих рассказчиков, Даниил презрительно называл их «бабскими». Сам себе он давно поклялся, что не допустит глупой ошибки – влюбиться, прельстившись симпатичным личиком. Через десять лет обладательница этого личика превратится в самую настоящую стерву. Нет, он не собирался зарабатывать убийством чудовищ до старости, он трезво смотрел на вещи. Его удел – богатенькая вдовушка без собственных спиногрызов. В достаточном возрасте, чтобы он мог спокойно уезжать из дома, не боясь, что женушка наставит благоверному ветвистые рога. И вот – вляпался, как мальчишка.

– Уважаемая леди, надеюсь, вы не скучали во время моего недолгого и... гм... вынужденного отсутствия. – Из отхожего места вернулся Жан.

Ученый недобро зыркнул на Даниила, тот ответил ему тем же. Вот уж кто раздражал больше других, главным образом потому, что постоянно крутился рядом с Лиз. То ручку ей подаст, то истории свои шепчет, а она, кажется, и не против.

Даниил вновь скрежетнул зубами.

– Что вы, мэтр Элиасен, Даниил прекрасно развлекал меня. – Девушка подошла к окну. Мужчины, разве что не толкаясь, поспешили за ней.

– Ну что ж, истории о монстрах, придорожных трактирах и прочих... мм... радостях простой жизни могут быть порой довольно занимательны. – Жан победно посмотрел на Даниила, словно сказал нечто остроумное.

– Тебе лучше знать, – парировал Даниил. – Когда мы встретились, помнится, ты рассказывал подобные истории за еду.

– Вы!.. Ты!.. – запыхтел ученый.

– Смотрите! – Лиз указала вниз.

Белые земли уже давно были далеко не белые; редкие проталины по мере их путешествия расширялись, вытесняя вездесущий снег. И хотя почвы заметно прибавилось, зелень не спешила появляться. Та же пустыня, только серая. И вот эта самая пустыня заканчивалась. На

горизонте, разрастаясь и заполняя весь обзор, ширилась необъятная синева.

– Море, – замороженно произнесла Лиз, – никогда не видела!

– Судя по направлению полета и по местности, это Понтисиния, или, как называли ее древние, Спера. Номинально – владения Зухарского каганата, фактически же здесь заправляют местные царьки, у каждого города – свой. Причем, что интересно, в Утрише и Суджуке – власть наследственная, передается по старшинству рождения, независимо от пола, а вот в Джарылыче – выборная, городской Совет из своих... гм... членом выбирает пожизненного правителя, или дожа. Так, например, дож Фредерико VIII...

– Что за дым? – Не то чтобы Даниилу было интересно, но хотелось прервать разошедшегося ученого.

– Где?

– Справа, кажется, мы поворачиваем на него.

– Дым? Но что может гореть в воде...

– Остров, это остров! – первой поняла Лиз. – Дымит на нем!

– Остров? – Жан прищурился, напрягая зрение. Видимо, и он тоже нечто рассмотрел. – Осмелюсь предположить – цель нашего путешествия, а именно Бенсалем, остров-государство, единственный, так сказать, в своем роде.

– Чем же он уникален?

Ой, не следовало Лиз задавать этого вопроса, потому что Элиасен тут же начал щеголять своей ученостью:

– Во времена сразу после Потопа здесь были голые скалы и больше, так сказать, ничего. Однако близость морских торговых путей сыграла с островом злую... или добрую шутку. Как вы можете догадаться, – кивок в сторону Лиз; о том, что может догадаться Даниил, ученый и не помыслил, – остров облюбовали пираты, морские, так сказать, разбойники.

– Пираты, я знать пираты! – К их группе присоединился Тахл. – Есть такая планета – Варга, там все мальчишки мечтают стать космическими пиратами – единственная возможность покинуть планету. Варганцы известны далеко за пределами...

– Да, да, конечно, – поморщился ученый. – Однако я говорю не о вымышленных, так сказать, пиратах, а о вполне реальных морских разбойниках.

– Вымышленных! Это я вымышленных! Да, если хотеть знать, пираты Варги – самая грозная и кровожадная сила на мирах окраины! Я даже попасть к ним в плен... кажется...

– Так вот, пираты основали здесь базу, – гнул свою линию доктор Жан, даже повысив голос. – Со временем она выросла в полноценный город. Ну а когда Шалонер Огл II в своем знаменитом атомном походе уничтожил пиратов в основной массе, Бенсалему оставалось либо зачахнуть без притока, так сказать, средств, либо начать развивать иные области, отличные от морского разбоя.

– Судя по тому, что город до сих пор стоит, нетрудно догадаться об их выборе. – К компании, кряхтя и переваливаясь, присоединился и инспектор Владимиров.

– Бенсалем, как я уже имел честь упоминать, единственный и уникальный. С самого начала они взяли курс на прогресс, свободу от религиозных догм и законов, в том числе и правил, навязываемых так называемыми Атомными богами.

– Иными словами, на Бенсалеме не верят в Атомных богов?

– Нет.

– Их дело, но с чего же они тогда живут? Что отапливает их дома, дает свет, оберегает от непогоды?

– Прогресс! Цивилизация! Человеческий гений не стоит на месте! И Бенсалем – яркий тому пример!

Они уже подлетели достаточно, чтобы рассмотреть небольшой остров, недалеко от берега. Сверху казалось, что он был весь утыкан разновеликими трубами и все они дымили. Когда черным, когда сизым или белым дымом. Ветер относил дым в сторону, однако в безветренную погоду город наверняка был как в тумане.

– Вот оно! Светлое будущее человечества! – гордо произнес Элиасен, тыча узловатым пальцем в окно.

Вокруг острова по голубой воде расползлось чернильное пятно отходов...

Глава 5

Похоже, ученый не ошибся и город-остров действительно был конечной целью их путешествия. Мало того что дракон по мере приближения снижался, так еще команда развела пленников по камерам раньше срока.

Усевшись посреди комнаты, Владимиров поманил друзей по несчастью к себе. Если их подслушивали, вдали от стен, возможно, это будет делать труднее. Хотя, учитывая количество камер и где они находятся, вряд ли команда обременяла себя прослушкой, но береженого, как говорится, и Атомные боги охраняют.

– Что вы еще знаете о Бенсалеме? – спросил инспектор у ученого.

– Ну, – тот приосанился, исполненный собственной важности, – как я уже имел удовольствие говорить, Бенсалем находится на острове, который, в свою очередь, находится в Понтийском море. В отличие от многих других городов-государств каганата Бенсалем не имеет, если так можно выразиться, четко обозначенного главу. Всем в Бенсалеме заправляет так называемый Совет Капитанов. Название, как вы можете догадаться, – поклон в сторону леди Лиз, – наследие пиратского прошлого, хотя Совет и имеет своего председателя. – Ученый хихикнул.

– Вспомнил что-то веселое? – не слишком вежливо поинтересовался Даниил.

– Вы не поймете, а впрочем, как я уже имел честь говорить, хотя, возможно, не все внимательно слушали, поэтому повторюсь. Бенсалем объявил свободу от религий, не путать со свободой вероисповедания, и курс на прогресс и техническое развитие, однако один пережиток все-таки имеет место. Раз в году, на летнее солнцестояние, если мне не изменяет память, а она не изменяет, – ученый позволил себе улыбку, словно сказал нечто смешное, – происходит некое действие, которое с натяжкой можно причислить к разряду религиозных. Солнцестояние, если я правильно высчитал, через два дня, возможно, нам даже посчастливится, так сказать, лицезреть. Весьма, весьма интересно, особенно для меня, как исследователя. Ну так вот, с соответствующими ритуалами и обрядами бенсалемцы приносят в жертву около десятка – точного

количества не помню, да это в данном случае и несущественно – мужчин и женщин некоему морскому божеству. Они называют его Кракен. Несомненно, еще один пережиток пиратского прошлого. Так вот, что любопытно, более об этом самом Кракене ни правители, ни рядовые жители города не вспоминают до следующего солнцестояния...

– Говоришь, солнцестояние через два дня, – прервал ученого Даниил.

– Ну да, а какое это...

– Похоже, твое желание может исполниться. Если повезет, увидишь, и очень близко увидишь.

– О чем вы?.. – Глаза ученого округлились: похоже, до него дошло. – Нет! Не может быть! Бенсалемицы глубоко цивилизованный и технически...

– Вот ты их цивилизованность и оценишь.

– Ну, хватит! – прервал спорщиков Владимир. – Мы не знаем, для чего нас везут, да сейчас и не важно, а важно, как нам сбежать.

– Бежать надо, как сядем, сразу, – оживился Тахл. – Команда будет занята – груз, причал и прочее, воспользоваться этим и бежать.

– Какой груз, какой причал, милостивый государь, осмелюсь напомнить, мы на драконе!..

– Я пойду вперед! – Усы сэра Уилфреда по-прежнему смотрели вниз, но в близости привычной рыцарю работы голос звучал немного увереннее. – На мне доспех, первый удар он выдержит, дальше раздобудем оружие у членов команды, ну и...

– Бенсалеми на острове, как нам потом убраться с него? Нас будут искать – шесть чужаков в незнакомом городе. Сильно стараться ищейкам не придется, это я вам как полицейский говорю.

– Ты не прав, – покачал головой Даниил. – Судя по всему, Бенсалеми – портовый город, чужаков здесь достаточно, да и выбраться сможем, но вот что нужно – так это деньги. Поэтому, помимо оружия, сдираем с охраны любые ценности. Сразу, как окажемся на земле, разбегаемся в разные стороны, но нам нужно место встречи. Что ты еще знаешь о городе, кроме Кракена? – обратился он к ученому.

– Ну... здесь неплохая библиотека, Институт искусств, Высшая Школа Техники...

– М-да, значит, так, если что, встречаемся на центральной площади, в каждом городе есть такая, и на ней, как правило, полно народу. У фонтана, статуи, не знаю, памятнику сожранным Кракеном, подобная хрень в любом случае там торчит. Ждем до вечера, если кто не пришел, опоздал, уходим без него. Все понятно?

Присутствующие кивнули, даже доктор Жан не нашелся что возразить.

В этот момент их заметно качнуло, словно дракон налетел на препятствие.

– Ну вот, – поднялся Тахл, – мы сели.

Еще раньше они опробовали дверь и убедились, что уловка эльфа сработала. Теперь Тахл подошел к ней, осторожно приоткрыл и выпянул.

– Кажется, никого. – Он открыл дверь шире, повернул голову. – Да, никого. – И вышел первый, поманив остальных следом.

Доктор Жан, пробурчав что-то похожее на «раскомандовался», тем не менее покорно двинулся за эльфом.

– Однако, был бы при мне мой меч. – Сэр Уилфред тоже бормотал, но свое.

Они сгрудились у второй двери, которая вела из комнаты для прогулок. Решающий момент – если она заперта, весь их план насмарку. Ну, не то чтобы весь, оставалась возможность остаться и застать ничего не подозревающих охранников врасплох; но при таком раскладе шанс на благополучный побег уменьшался в разы.

Эльф подергал вторую дверь.

– Открыто, – произнес тихо.

Владимиров не без удивления услышал собственный облегченный выдох. Эльф вновь осторожно выпянул.

– Двое, конец коридора, шагов пять, к нам спиной, вооружены.

– Здесь позвольте мне, – протолкался вперед рыцарь.

– Может, не стоит? – Владимиров переглянулся с Даниилом. – Давайте мы, получится тише и быстрее.

– А если они обернутся, а если у них пистолы и они выстрелят? Ну уж нет, однако, позвольте мне.

– Будьте осторожны. – Лиз нежно погладила блестящий наплечник.

– Только ради вас, моя молодая леди, ради вас.

Сделав глубокий вдох, старик толкнул дверь и... заскользил к охранникам. Именно заскользил, инспектор и не предполагал, что человек, да еще в латах, способен двигаться настолько бесшумно. Однако вот оно – усатое доказательство, или это близость девушки так влияла на рыцаря.

Сэр Уилфред почти приблизился к охранникам, когда один из них, видимо, что-то заподозрил или услышал и начал оборачиваться, однако старый рыцарь оказался быстрее. Два взмаха, последовавшие за этим удары, и оба жителя дракона оказались на полу.

– А он молодец! – В голосе эльфа послышалось восхищение.

– Ну, некоторым образом, это его работа. Однако, хочу заметить, на интеллектуальном поприще...

– Заткнись! – Владимиров и Даниил произнесли это синхронно. Почти так же вместе они подбежали к рыцарю, подняли оружие. У Даниила оказался небольшой кинжал, Владимирову же досталась электродубинка. Даниил быстро обыскал лежащих, ему помог подоспевший эльф.

– Ничего, медяки и пару колец. Куда дальше?

От места, где лежали охранники, коридор раздваивался. Даниил недолго думал, двинувшись по правому рукаву, эльфу же указал на левый, кивнул и поспешил туда. Владимиров подумал и пошел за Даниилом.

Следующая дверь из легкого, как и все тут, листового металла также оказалась не заперта. Даниил приоткрыл, просунулся в щель.

– Ну, чего там? – спросил инспектор.

– То, что нам нужно, – выход наружу. Вижу нашего капитана и еще людей. Стоят внизу, с кем-то разговаривают. Боги Изначальные!

– Дай мне! – Владимиров отеснил Даниила и увидел то же, что и юноша, – их дверь была прорезана в боку обширного помещения – склад или что-то вроде того. Почти вся соседняя стена оказалась воротами этого самого склада, одна створка которых сейчас была распахнута. Из распахнутой створки опускались небольшие сходни, капитан в окружении команды стоял внизу, на утрамбованной площадке, и препирался с группой лиц административной наружности; кого-кого, а чиновников Владимиров распознавал в любом обличье. Один из обитателей дракона заканчивал вязать

сложный узел на крюке, вбитом в площадку, второй конец толстой веревки висел почти рядом с Владимировым, привязанный к похожему крюку на стене дракона. Вторая веревка крепилась на противоположной стороне склада и через дыру в полу выходила наружу. Владимиров понял, почему выругался Даниил, – прорваться сквозь эту толпу не было никакой возможности.

Они осторожно прикрыли дверь и вернулись к своим.

– Управление, ха! Управление чем? Драконом? И как вы себе это представляете, хотелось бы знать! – донеслось до них.

– Там мы пройти не сможем, – опередил инспектора Даниил. – А у тебя что?

– Рубка управления, – прошептал Тахл не совсем понятное сочетание слов.

– Вот-вот, слышите, этот шарлатан утверждает о своем умении управлять, и кем бы вы думали – драконом! – фыркнул ученый.

– Мне приходилось летать на дирижаблях, ну или драконах, как вы их называть... один раз, – не обращая внимания на Жана, произнес эльф. – Думаю, управление должно быть похожее, но надо смотреть ближе, а внутри стоять человек. Конечно, полноценный полет – нет, но унести нас отсюда я попробовал. У вас что, совсем никак?

– Много людей, слишком много.

Все посмотрели в сторону коридора, который исследовал Тахл.

– Вы слышите себя! Вы всерьез воспринимаете слова этого, не побоюсь слова, шарлатана! Увести что? Дракон! Чудо инженерной мысли! Даже я, при всех своих знаниях и гениальном уме, и то боюсь, без должной подготовки, теоретической базы, а также...

Даниил кивнул, словно соглашаясь со словами ученого:

– Пошли смотреть на твое управление.

Жан Элиасен чуть не подавился слюной.

– Вы вообще слушали меня?

Владимиров приложил палец к губам, призывая того к тишине, и переваливаясь за Даниилом и Тахлом. Да, они собирались угнать дракон – что здесь такого?

И снова по настоятельной просьбе вперед пропустили старого рыцаря, хотя, судя по тому, как он споро оприходовал молодчиков в

коридоре, не такого старого. Только, по его знаку, Владимиров передал сэру Уилфреду электродубинку.

Все произошло почти так же быстро и бесшумно, как в коридоре. Рыцарь вошел, сперва ужалил жителя дракона кончиком дубины, а после, не давая опомниться, огрел рукой в броне. Тот свалился, как и его соратники из коридора. Даниил тут же кинулся обыскивать потерявшего сознание. Владимиров невольно поморщился. Хотя он сознавал необходимость таких действий, но все-таки многолетняя работа в полиции наложила свой отпечаток.

Потерявший сознание был измененным – пара полукруглых фасеточных глаз бугрилась на человеческом лице, отчего казалось, он продолжает смотреть на тебя. Обыск не дал ценностей, но вооружил рыцаря. Даниил отцепил у лежащего пояс с саблей и подал сэру Уилфреду.

– Ну и что вы, милостивый государь, надеялись здесь увидеть? – Жан Элиасен втиснулся вслед за Тахлом. Голос был полон сарказма, словно ученый не понимал, что от познаний эльфа сейчас зависела их свобода, а может, и жизнь.

Владимиров и сам внутренне сжался. А ну как изменения лежащего нужны для управления драконом? Тогда придется срочно приводить его в чувство и заставлять работать на себя. Но это потребует времени, которого у них не было. Невольно он вытянул шею, в тщетной попытке разглядеть в окно, что делалось за углом, где стояли капитан Даккар и остальные. Увидел лишь небольшой обрыв, на краю которого парил их дракон.

Подтверждая худшие опасения, Тахл в нерешительности замер перед широкой полкой, которая полукругом обрамляла помещение, прямо под окном. Вся она была в каких-то рычажках, переключателях, краниках. Отдаленно полка напоминала орган управления в санях, но только отдаленно. Инспектор, как и остальные, понимал, что сани и дракон совсем не одно и то же.

– Это рули высота, это, судя по всему, поворот, ну а этот отполированный – винт, его скорость. Все понятно!

– А? – удивился не только ученый, но и остальные.

– Вы сможете управлять им? – робко, словно не на этом строился их план, поинтересовалась Лиз.

– Могу, только нужно перерезать веревки, которые держат его. Чтобы не спугнуть, я пока не включать пропеллер. Как перережете, кричите.

– Бегом! – Даниил перекинул нож из одной руки в другую и махнул сэру Уилфреду.

– Да, да, пошли, – поспешил вслед за ним рыцарь.

У одной из стен комнаты стоял диван, такой мягкий, такой удобный, обитый почти невытертым плюшем. Все, чего хотел, о чем мечтал в эту минуту Владимиров, – опуститься на него, вытянуть натруженные ноги... но жить тоже хотелось, поэтому, вздохнув, он двинулся вслед за мужчинами.

И снова они оказались в складе с воротами; створка, как и раньше, была распахнута; капитан Даккар и представители Бенсалема стояли внизу. Спорщики, видимо, достигли соглашения, ибо разговор происходил уже не на повышенных тонах.

Даниил опустился на пол и проворно переполз к противоположной стене, где крепился второй канат. Поднялся, кивнул рыцарю. Вытянув оружие, они принялись перерезать волокна. Владимирову ничего не оставалось, как напряженно следить за ними и за командой дракона.

Наконец, когда последняя нить была перерезана и дракон держался только руками мужчин, что, судя по напряженным лицам, давалось нелегко, Даниил одними губами прошептал: «Сначала я». Рыцарь и Владимиров синхронно кивнули. Парень глубоко вздохнул, после чего отпустил веревку. С громким шлепком та упала на землю, подняв облачко пыли. Стоящие внизу повернулись на звук. Даниил только этого и ждал, стремительно кинувшись к воротам, он спихнул сходни и захлопнул створку. Владимиров поспешил ему на помощь.

– Давай! – во всю мощь крикнул сэр Уилфред.

В тот же миг дракон ожил...

Они закрепили ворота, вернулись в комнату управления и увидели, что дракон поднимается. Не так шустро, как хотелось, но все-таки довольно быстро.

Эльф, красный от напряжения, склонился над полкой с рычажками.

– С газом играть не будем. Попробуем рулями высота, – ни к кому не обращаясь, шептал он.

Лиз стояла в стороне, закусив губу почти до крови, кажется не замечая этого. Жан Элиасен привалился к стене и – о чудо! – хранил молчание.

«Мы угнали дракон! И что теперь?»

– Запритесь изнутри. – Из ступора вывел голос Даниила. – Сэр Уилфред, останетесь здесь. Всеволод, – он кивнул инспектору, – нужно обыскать дракон, вдруг кто остался.

Владимиров кивнул. Рыцарь протянул было ему саблю, но инспектор отрицательно покачал головой, подняв электродубинку. Он пока был не готов убивать.

Глава 6

Насколько они могли судить, кроме пленников, которые так и остались в своих камерах, в драконе больше никого не было. Одна из комнат оказалась заперта. Судя по расположению комнаты рядом с общей спальней команды дракона, Даниил предположил, что это – капитанская. Так как капитан остался на земле, вряд ли внутри кто-то остался. А вот попасть туда самим было бы очень желательно, ибо ни нормальным оружием, ни достаточными ценностями они пока так и не обзавелись.

Отыскав в общей комнате веревку, Даниил с инспектором связали парочку охранников, которых оглушил в коридоре рыцарь. После чего вернулись в комнату управления.

– Это мы, – постучал Даниил.

Щелкнул замок, дверь открылась, старый рыцарь с саблей наголо стоял на пороге. Увидев только своих, он опустил оружие.

– Ну как? – спросила Лиз.

– Вроде никого, – бросил через плечо инспектор, поспешно направляясь к дивану, на котором сидел набычившийся Жан Элиасен.

Владимиров опустился рядом, на его щекастом, потном лице начала расплзаться улыбка блаженства.

«А ведь парню с его весом нелегко», – подумал Даниил. Он опустился на пол и остатками веревки принялся вязать парня с

глазами как у мухи. Боги Изначальные, и ведь не поймешь, по-прежнему он без сознания или притворяется.

Мучимый одышкой инспектор нашел силы кивнуть эльфу.

– Ты наш герой!

Вот это – правда: если бы не Тахл, стоять бы им сейчас в загоне на невольничьем рынке, как скот.

Закончив с пленником, Даниил подошел к Тахлу, похлопал его по плечу:

– Молодец!

– Спасибо. – Тахл едва заметно кивнул и тут же вернулся к рычажкам.

Лиз просто подошла и поцеловала эльфа в щеку.

– Ну, мы все неплохо поработали. – Отчего-то Даниилу сделалось обидно.

За окнами по мере отлета уменьшался Бенсалем.

– Осмелюсь полюбопытствовать, и куда мы направляемся? – раздался полный ехидства голос Жана Элиасена.

Все посмотрели на эльфа.

– Однако, когда я имел честь служить под началом его сиятельства графа Ательстана... – Рыцарь замолчал, почесал шевелюру.

А ведь действительно – куда? Никто и предположить не мог, что им удастся увести дракона. Тахл, почувствовав спиной их взгляды, обернулся, виновато пожал плечами:

– Я не знаю. Я не знаю вашего мира, мое дело – увести дракон, дальше думайте сами. Нужно направление, и я лететь куда покажете.

Все перевели взгляд на ученого. Тот разве что не лопался от собственной важности. Даниил никогда не думал, что улыбка может быть высокомерной, тем не менее именно так улыбался сейчас Жан Элиасен.

Не торопясь он поднялся с дивана, сопровождаемый общими взглядами, перешел к карте, висевшей на стене.

– Если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, – ответным взглядом он удостоил только Лиз, – сейчас мы находимся вот здесь. – Палец указал на точку у нижнего края, рядом с которой можно было прочесть «Бенсалем».

– Это мы и без тебя знали! – решил хоть немного поставить его на место Даниил.

Но доктора не так-то просто было сбить с пути самодовольства.

– Ближайший к нам город – славный Вриль. – Палец переместился выше и левее. – Знаменитый своими... э-э-э... традициями и прочим...

Видимо, Жан Элиасен не совсем знал, чем знаменит Вриль, оно и неудивительно, Даниил впервые слышал название города.

– Но весь вопрос в том, как же к нему, так сказать, добраться, каким образом сориентироваться среди облаков и ветров, отыскать дорогу в царстве птиц и... э-э-э... комаров, проторить путь в море неизведанного...

– Да, однако, как нам найти дорогу? – заинтересовался рыцарь.

– Обратите внимание на следующее место! – Доктор указал на угол карты, где была нарисована звезда, обозначающая стороны света. – Мой натренированный, острый глаз увидел пропущенное всеми вами, что, впрочем, неудивительно, – вот! – Он подошел к рычажкам управления и указал на компас, который был прикреплен рядом с ними. – Бенсалем находится на юге, Вриль на северо-востоке, все, что нам нужно, – это всего-навсего, при помощи компаса, держаться направления...

– Ничего у вас не выйдет, – произнес незнакомый голос. Вздрогнул не только Даниил, но и остальные.

Говорил мухоглазый пленник, который пришел в себя.

– Это еще почему? – возмутился Жан Элиасен.

– Воздушные течения, ветра, вас снесет с курса.

– Мы будем держать направление на...

– Да хоть куда! Вас снесет, начнете выравнивать, снова снесет, потом опять, вы легко обойдете ваш Вриль по дуге и сами не заметите, как пролетите мимо.

– Да что он себе... Да как он... Что вы смотрите, заткните этого, это... это существо!

– Так может быть, – через плечо бросил Тахл.

– Они... они спелись! Разве не видите! Заткните их обоих!

Вместо того чтобы послушаться ученого, Даниил присел рядом с мухоглазым.

– Ты можешь помочь нам?

Тот кивнул.

– Попасть во Вриль, – на всякий случай уточнил Даниил. Боги Изначальные, и ведь не прочтешь по глазам – врет он или говорит правду!

– Смотря что я буду иметь с этого.

– Он еще и торгуется! – возмутился ученый.

– Жизнь, – ответил Даниил.

– Мало, – сказал мухоглазый.

– Я могу прямо сейчас выбросить тебя с дракона, а дальше положимся на волю случая и Атомных богов.

– На драконе кто-то из команды еще остался?

– Двое. – Даниил не видел причин врать.

– Тогда, как долетим до Вриля, вы освобождаете меня, тех двоих и отдаете нам дракон. Сами идете куда хотите.

– На драконе пленники, мы освободим их тоже.

– Справедливо, – кивнул мухоглазый.

– С кем сговариваетесь, кому верите – бандиту! – надрывался ученый.

– Вы как? – Даниил посмотрел на остальных. Дождавшись кивков, перерезал пути пленника. – Договорились. А вам, уважаемый доктор... – он не мог отказать себе в маленьком удовольствии, – поручается очень ответственная и важная работа – следить за стрелкой компаса, который вы так удачно обнаружили. Чтобы наш новый друг не поддавался искушению и не повернул обратно, в Бенсале.

Глава 7

Они покормили пленников, но решили пока их не выпускать, чтобы не путались под ногами. Лишь освободили одну из камер, в которой заперли соратников мухоглазого. Оказалось, зовут его Брандл и изменения свои он сделал задолго до того, как начал летать на драконе.

Рядом с Брандлом постоянно кто-то дежурил, наблюдая за тем, куда парень ведет дракон. Судя по стрелке компаса, пока мухоглазый выполнял свою часть сделки.

Пришла очередь дежурства старого рыцаря. Сэр Уилфред устроился с относительным комфортом; он отыскал где-то стул и

умостился на нем, рядом с прибором.

Даниил с Тахлом ушли пытаться открыть дверь комнаты капитана, из коридора до присутствующих долетала их сдавленная ругань.

– Долго еще? – Владимирова блаженствовал на диване. Он неплохо подкрепился, никуда бежать не надо – жизнь почти удалась. Еще бы диван был побольше! Оккупировал мягкий плюш не только Владимирова, но и ученый с Лиз, причем первый бессовестно отеснил инспектора, уютившись рядом с девушкой. Эх, был бы он – Всеволод Орсон Владимирова – на десяток лет моложе...

Брандл повернул к ним бесстрастное лицо:

– Как и говорил, утром будем на месте.

Да, он это уже говорил, причем не раз, так как то одному, то другому из их компании периодически приходила в голову идея задать подобный вопрос.

– Дракон, он же может лететь куда захочет? – осторожно спросила Лиз.

– В небе нет дорог, но нет и границ, – торжественно ответил измененный.

– А в Амалорм, Амалорм вы могли бы нас перенести, мы заплатим. – Девушка посмотрела на рыцаря, тот кивнул, не отрывая взгляда от компаса.

«Интересно чем? – подумал Владимирова. – Деньги у нас забрали. Хотя, может, в Амалорме у них какие-то ценности или друзья... или надеются на удачное завершение предприятия Даниила и Тахла».

Коридор снова огласился руганью.

– В Амалорм нет, в Амалорм нельзя, – ответил Брандл и, кажется, погрустнел, хотя по этому лицу понять было невозможно.

– Однако отчего же? – спросил рыцарь.

– Перво-наперво, не хватит энергии. Дракон, как и многое в мире, живет за счет энергии атомных храмов. Время от времени... да что там – часто мы, как и все, покупаем энергию у атомных священников. А это – токены, и немало, именно поэтому мы и занимаемся рабами.

– Могли бы зарабатывать на грузах или пассажирских перевозках, – вполне резонно заметил Владимирова.

– Рабы – выгоднее, – не менее резонно ответил мухоглазый. – Мы также могли бы наняться в армию какого-нибудь герцога, а то и короля, но политика, как и война, – грязное дело.

– А рабы, значит, чистое? Кодекс чести довольно своеобразный, может, это жизнь в небе накладывает отпечаток?

– Не это главное, Амалорм для драконов – запретный город.

– Ну-ка, ну-ка, – оживился ученый, – с данного места поподробнее.

– У нас есть предание. В давние времена, еще до Потопа, один из великих капитанов драконов прошлого по имени Нобиле вознамерился долететь на своем драконе до Амалорма. Он собрал команду таких же смельчаков, и они отправились в опасное путешествие. Все было против них – воздушные шторма обрушивались один за другим, несколько раз они вынуждены были возвращаться. Но Нобиле оказался упрям, он снова и снова вылетал навстречу мечте. Наконец в один из дней, когда погода благоприятствовала, они снова поднялись в небо и в этот раз достигли Амалорма.

Вздых разочарования вырвался из груди ученого.

– Долетели до Амалорма, это все?

– Нет, – покачал головой мухоглазый, – боги, неназванные боги охраняют город на краю света. Нобиле на своем драконе облетел Амалорм и даже, словно в насмешку, сбросил в город свой флаг. Этого уже боги не могли вынести. На обратном пути они наказали дерзких, длань богов схватила дракон и ударила им о землю, и разлетелся он на куски, многие из которых, как и людей, что держались за них, так и не удалось найти.

– Значит, кого-то все-таки нашли, – резонно заметила Лиз.

– Да, сам Нобиле с группой уцелевших оказался в царстве льда и мороза. Без еды, без дракона, без надежды на спасение. Они разбили красную палатку и молились в ней – все, что оставалось, в ожидании своей участи.

– Почему красную? – спросил Владимиров.

– Не знаю, – смутился Брандл, – легенда такая. И вот, когда надежда уже почти покинула, когда отчаяние почти захватило сердца, старый полузабытый бог по имени Шимдт услышал истовые молитвы и сжалился над несчастными.

– Он спас их? – почти шепотом спросила Лиз.

– Он послал слуг своих: Быстрокрылого Лундборга, Могучего Красина, Остроглазого Чухна и других, дабы те пришли на помощь

отважным. Да, они спасли их, но никогда после ни один капитан не отваживался более лететь в Амалорм, ибо боги закрыли им путь в древний город. Вот такая вот история.

Некоторое время хранилось молчание. Кто бы мог подумать, что у хозяев драконов есть свои легенды. Первым, как всегда, не выдержал ученый:

– Все это весьма познавательно, однако поведанное вами напоминает одно из преданий северных...

– Получилось! – заорали из коридора. Похоже, удалось-таки открыть вожделенную дверь.

Глава 8

Откидывающаяся койка у стены, сейчас поднятая, из краев выглядывает плохо заправленная шкура, небольшой стол, роскошное мягкое кресло, круглые окошки. Я – Тахл – знаю, они называются «иллюминаторы», как знаю название многих приборов на столе: «секстант», «астролябия», «транспортир». Память возвращается, и в последнее время все быстрее. Там, в деревне, я знал, как управиться с биороботом. Именно знал. А вот прошлое не вернулось, как и настоящее имя.

Истории, которые я рассказывал неожиданным попутчикам... Я чувствовал себя их частью, и как же просто было сопоставить, ассоциировать себя с рассказчиком – Раулем. «Рауль», – посмаковал имя на языке, как гурман смакует редкое лакомство. Что-то откликнулось в душе, и вместе с тем я чувствовал: это не совсем мое, во всяком случае, не то имя, которое получил при рождении, которым называла меня матушка... Хотя была ли она – мать. Может, я тоже приютский, как Даниил, или из пробирки... Помассировал виски. «Массаракш!» – выскочило незнакомое ругательство. В принадлежности слова к ругательствам сомнений не было, были сомнения в том, что оно означает, точнее – полное незнание.

– Вы только посмотрите! – Даниил открыл небольшой шкаф, вмонтированный в стену. Руки юноши любовно оплаживали дула, приклады, эфесы и клинки выставленного оружия.

Оружие – я умею им пользоваться, для меня оно не ново, хотя и не очень привычно. Значит, я не солдат, надеюсь, не убийца.

Инспектор выбрал себе небольшой пистолет, здесь они назывались пистолками и, заряжаясь электричеством, стреляли металлическими шариками. «Бластер», «станер», «плазмомет» – тоже названия оружия, намного более знакомые, чем пистоль или меч.

Я помню луны планеты Ариэль, один раз в году они выстраиваются одна за другой, как на параде, и приливные волны доходят до... здесь память сбоила. Знания, многие знания прячутся в моей голове, показываясь лишь в час нужды, как это было с дверью в камеру или с управлением дирижаблем.

– Тахл, с вами все хорошо? – спрашивает Лиз.

– Да.

Тахл – тоже имя, не мое, но ставшее почти привычным.

– Выбери себе оружие. – Облюбовав роскошный маленький пистоль, Даниил подыскивал к нему шарики. Инспектор также не отставал от него. – И ты, Жан. – Даниил обернулся к ученому.

– Мое оружие – интеллект, а не грубая сила! – высокопарно ответил тот, тем не менее продолжая увлеченно рыться в ящиках стола. Найденные кругляши местных денег Жан поспешно опускал себе в карман...

Равенор, мне нужно в Равенор. У всякого путешествия должна быть цель, посещение места обитания местных эльфов не хуже прочих. Но что, если память не вернется? Я так и останусь Тахлом. Но может, может, это к лучшему, может, защитница память оберегает своего хозяина, скрыв события прошлого, которые я сам хочу забыть?

– История, я вспомнить еще одну историю. – Я не сразу понял, что говорю, и говорю вслух.

– погоди, не до тебя сейчас! – отмахнулся Даниил, не прекращая обыск.

Все ясно – ищет ценности.

– Я выслушаю вас. – Лиз опустила койку, присела на нее, похлопав по шкуре, пригласила сесть и меня.

– Мне нужно выговориться. – Я словно извинялся, но это была правда, эти истории, их нужно было произнести вслух.

После рассказанного что-то отпускало меня и это что-то приближало к восстановлению памяти.

– Говорите.

«Крест назывался Мальтийским, понятия не имею почему. Возможно, где-то в мире есть планета под названием Мальт, откуда эти кресты, а возможно, тайна названия затерлась веками эволюции. Как бы то ни было, этот крест был везде: на стенах и дверях, на одежде, предметах интерьера и даже на столовых приборах. Нет, я не против крестов, черепов и прочей символики, но здесь, как мне кажется, был явный перебор.

– Святой Уробос утверждает, что все люди братья?

– Ну.

– Значит, и мы с тобой: ты, я.

Перед ответом собеседник почесал роскошную рыжую шевелюру.

– Ну.

– Готфрид, разве можно отказывать в просьбе своему брату. Всего разок, одним глазком, никто не узнает, а если и узнает, ведь мы просто смотрим.

– Э-э-э...

На этот раз Ганимар почти достал меня на планете Рантуракс. По счастью, на орбите стоял флот версгорцев, возвращающихся из очередного, как они говорили, «святого» похода. За плату версгорцы согласились подвезти меня к родному миру. Тем более что я выказал живейший интерес к их вере, пару раз намекая на готовность обратиться в нее. Недостатком такого решения были ежедневные душеспасительные беседы с отцом Парвусом – капелланом «Святого Бранитара» – звездолета, на котором я путешествовал. Всего звездолетов во флоте было пять, и на флагмане находилась сокровищница. Все добытое святыми братьями за время похода хранилось там. Мой собеседник – брат Готфрид послезавтра как раз должен был заступить на почетный пост охранника сокровищницы. Неудивительно, что последние несколько дней я обрабатывал его, уговаривая пустить меня на охраняемый объект. Естественно, только лишь полюбоваться богатствами братии.

– Индаба, еще вина!

– Да, господин Готфрид.

– Сколько повторять, не называй меня господин! Все создания Божьи равны перед очи его, а значит, и ты тоже, черная обезьяна. Неси скорее!

– Уже бегу, господин брат Готфрид.

Индаба – единственный тариксанец, которого я видел на корабле. На планете Тариксан в системе Дарова братия приобщала аборигенов к истинной вере. Подробности последнего святого похода доблестные воины обсуждали почти постоянно.

– В той деревне, ну у роши предков, или как там она называется у этих обезьян...

– Где мы вырезали всех мужиков?

– Точно! Капеллан еще приказал вывести баб и детей.

– Бабы страшные.

– И тупые! Ты им величайшую милость, любовью, значит, одариваешь, цивилизацией, а она брыкается.

– Сказано – дикари!

– А мужики, как бараны, с копьями на бластеры. Сколько мы их тогда перекосили, не счесть.

– И поживиться почти нечем – ни камешков, ни золота.

– Сказано – дикари.

– Эй, Индаба, черномордая обезьяна, где ты лазишь, тащи сюда свою худую задницу!

– Бегу, масса брат.

Тариксанец представлял собой невысокого гуманоида, скорее за счет кривых коротких ножек, чем из-за длины туловища. Большая голова его, почти без шеи, поднималась из покатых плеч, которых почти касались вытянутые мочки длинных ушей; нос был широкий, вывернутый, редкие волосы, торчащие во все стороны седыми лохмами, довершали картину.

Принеся заказ – пару кружек с местным элем на пластиковом подносе, тариксанец подобострастно поклонился:

– Масса брат Готфрид доволен? Старый Индаба еще может послужить массе брату?

– Иди поковыряй в заднице, или чем ты еще там занимаешься, – милостиво отпустил инопланетянина мой собеседник. – Индаба, – он уже обращался ко мне, – едва ли не самый смысленый из дикарей, увязался за нами.

– Чувствует свет истинной веры! – отрыгнув, поддержал Готфрида брат Бульон, он с компанией выпивал за соседним столом.

– Вернемся к моей маленькой... э-э-э... просьбе, насчет экскурсии в сокровищницу.

Обычно после подобных набегов карманы участников ломались от награбленных ценностей. И обычно я бы не преминул, так сказать, склонить их к азартным играм, в которых я неизменно и почти безболезненно облегчал карманы других игроков. Но на «Святом Бранитаре», как и на остальных звездолетах эскадры, мало того что азартные игры были запрещены, так еще и все награбленное версгорцы добровольно складывали в общий котел. Ту самую сокровищницу, осмотреть которую я очень желал, причем как можно скорее.

У моей спешки была причина и даже имя – Ганимар. Конечно, я могу только догадываться, но, по всей видимости, комиссар, потеряв мой след в бюро аренды орбитальных катеров, вполне резонно предположил, что я покинул планету. Чтобы опросить и обыскать отлетающие в тот день суда, нужны время и ресурсы. Из ресурсов у комиссара был скоростной полицейский звездолет, а вот со временем хуже. В день моего отлета орбиту Рантуракса покидало несколько судов. Это давало мне повод надеяться на некоторое запутывание следов. «Человек предполагает, а Всевышний – располагает» – так говорил капеллан во время одной из бесед. Надо сказать, в этом он или их бог был прав. Вчера до меня дошел слух о прибытии на флагман в скоростном звездолете некоего пассажира. В имени пассажира не приходилось сомневаться.

Мой план был прост и гениален, как все, создаваемое мной. Не обчистить, но проредить сокровищницу и убраться с флотилии, по возможности на звездолете комиссара. На пути исполнения стоял брат Готфрид, пока отказывающийся мне в малости открыть двери хранилища.

– Знаешь что. Я уже почти готов был примкнуть к истинной вере, но вот теперь из-за тебя сомневаюсь.

Готфрид даже прекратил осушать кружку.

– Это еще почему?

Челнок, на котором летели я, Готфрид и еще несколько братьев, пришвартовался к флагману. Я почти убедил несговорчивого брата пустить меня в сокровищницу.

– На пять минут и ночью, когда никто не видит, – наконец хмуро согласился он.

– Пять минут, не больше.

– Эй, Индаба, покажи обезьяну!

Не знаю зачем, но парни взяли с собой чернокожего дикаря, или это он увязался за нами. Старик-инопланетянин тут же опустил на полусогнутых ногах, замотал руками и шумно задышал округлившимся ртом. Дружный гогот сотряс челнок.

– Это его Бриан научил!

– Похоже!

Мы уже довольно давно пришвартовались, однако двери шлюза не спешили открываться.

– Эй, в чем дело! – Братья забарабанили в двери.

На экранчике рядом с дверьми появилось бородатое лицо.

– Почему не впускаете?

– Что случилось?

– Вы в карантине, – возвестило лицо, – на корабле чума.

Космическая чума. С болезнью, которая косила города древней Терры, современная космическая чума имела мало общего, разве кроме высокой заразности и смертности. Да и сами эпидемии космической чумы заметно отличались друг от друга. Слово носило скорее нарицательный характер, чем обозначало конкретное заболевание и возбудителя. На Геоне люди умирали на третий день, покрывшись черными пятнами. Во время эпидемии на Саргле заболевшие падали в корчах и умирали оттого, что судорога мышц ломала собственный позвоночник. На Лос-арм, наоборот, полная атония приводила к гибели больных от удушья, умирали они в полном сознании. Но все это были вспышки космической чумы, ибо пришла она на планеты из космоса и, подобно древней чуме, принесла множественные смерти.

И похоже, подобная болезнь поразила «Гантуракс» – флагман эскадры.

– Мы все умрем!

– Какая-то ошибка, когда улетали со «Святого Бранитара», все были здоровы...

– Говорил я тебе, не надо было трахать эту шлюху из последнего селения, чем-то она наградила нас – точно!

– Заткнись!

– Индаба!

Все взоры обратились на маленького инопланетянина. Тот виновато улыбнулся.

– Не говори глупостей, он здесь, и мы еще живы.

– Откуда ты знаешь, может, мы уже все заразились!

И в этот момент дверь шлюза отъехала в сторону.

– Первые умершие появились на «Божьем граде», потом на «Индоко», «Святом Бранитаре», «Андерсоне» и, наконец, у нас на «Гантураксе». – Корабельный врач прямо в шлюзе перехода устало вводил нас в курс дела. – Мои коллеги на других кораблях все перепробовали: и святой водой обрызгивали, и ладанки с мощами прикладывали, и молитвы – не помогает.

– А антибиотики, может, противовирусные, противопаразитарные, не думали использовать?

Методы местных врачей на меня, мягко говоря, не произвели впечатления.

– Чума не вызвана возбудителями, во всяком случае – эта. Не знаем почему, но изменяется сама структура тела. Разрушаются старые белковые связи, образуются новые, уже несовместимые с жизнью. Человек в буквальном смысле перестает быть человеком. И протекает болезнь считанные часы. Например, с «Божьего града» первые сообщения о заболевших начали поступать в начале дня, а к обеду корабль уже полностью замолчал.

– Все умерли? – спросил кто-то осторожно.

Врач пожал плечами.

– Еще и призраки эти...

– Призраки?

– Ну да, с «Индоко» и с «Бранитара» сообщали, что видели призраков. Сейчас уже сообщать, видимо, некому.

– Каких призраков? Как они выплядят? Что делают?

Врач снова пожал плечами:

– Пойдемте, братья, помолимся. Будем ухаживать за заболевшими братьями и молить Господа, чтобы нас миновала чаша сия, хотя на все воля Его.

Первый труп мы увидели сразу на выходе из шлюза. Бородатый брат в сером балахоне лежал на боку, повернув к стене почерневшее лицо. Потом трупы попадались все чаще, почти повсеместно.

По дороге к лазарету я отстал от группы, впрочем, никто особо и не следил. План обчистить сокровищницу отошел на второй... план, сменившись планом поскорее убратся отсюда. Только сдохнуть в жестяной банке, среди открытого космоса, мне не хватало. Достойное завершение карьеры знаменитого космического грабителя!

Где-то на причальной палубе стоял скоростной звездолет, вот на нем-то я и собирался убраться с флагмана. Я прислушался к себе – пока никаких признаков недомогания. Хотя кто знает, как начинается эта болезнь, – следовало поторопиться.

Проблема состояла в том, что звездолет мог оказаться незнакомой мне конструкции, да и отыскать причальную палубу на огромном корабле не так просто. Тем более что спросить не у кого, живых я не встречал.

Шевеление в дальнем конце длинного коридора вселило некоторую надежду. Я ускорил шаг.

– Послушай, брат, не скажешь, как пройти...

Фигура, стоящая на перекрестке, не была братом. Она вообще не была человеком, хотя некоторые антропоморфные элементы наблюдались. Например, голова, почти человеческая, но с огромными, на пол-лица глазницами, черными, словно остатки угасших звезд. Туловище укрывал бесформенный балахон, серая ткань колыхалась на несуществующем ветру. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что сквозь фигуру просвечивается часть коридора.

Призрак! Я почувствовал нереальный, почти нечеловеческий ужас.

Призрак медленно повернулся ко мне, всем телом, ног у существа не было, оно словно парило над полом. Медленно я начал отступать, затем быстрее, а затем во всю прыть припустил по коридору. Ни храбрости, ни желания посмотреть, гонится ли призрак за мной, не осталось. Так, убегая, громко сопя, на одном из перекрестков я столкнулся с Ганимаром. Знаменитый сыщик тоже убегал.

– Рауль? – Способности удивляться в нем еще остались.

– Комиссар! – Я наконец-то оглянулся – за мной никто не гнался. Что ж, можно было слегка перевести дух. – Комиссар, тут творится черте-те...

– Я из лазарета, – перебил меня Ганимар, – все умерли, нужно убираться отсюда!

– С языка сняли! Только я, как бы это, немного заблудился.

– Пошли, я знаю, где мой звездолет.

На причальной палубе никого не было, вообще на всем пути до нее нам не попало ни одной живой души. Мертвых – предостаточно. Они лежали в коридорах, на порогах кают, на лестницах и в переходах.

Смерть наступала мгновенно и заставляла братьев в самых неожиданных местах. Однако мы были еще живы, и это не могло не радовать.

– Вот! – Ганимар указал на небольшой и не новый кораблик, стоящий невдалеке от шлюза.

На пути между нами и кораблем стоял, точнее, висел призрак. От точно такого я убежал в коридоре. Может, тот же. Скользя над землей, беззвучно призрак двинулся в нашу сторону.

«Это конец», – проскочила мысль. Убегать? Но куда?! Вот он – путь к свободе, за полупрозрачным телом.

Неожиданно призрак прекратил движение, из бокового прохода вышел Индаба. Инопланетянин издал серию щелкающих звуков и сделал замысловатый пасс руками, призрак взмыл в воздух и растворился в переборке.

– У меня на родине есть легенда. – Голос тариксанина был спокойный, даже властный, без этих его «господин» и «масса». – В старые времена, когда мы еще жили племенами, из-за моря приплыли большие корабли с воинами. Они тоже грабили и убивали, а нагрузив награбленное, отправились домой. Тогда великий шаман Хуруга, мой предок, призвал фейри – древних духов. Фейри убили всех захватчиков, и корабли их вернулись полные сокровищ, но с трупами на борту. Никогда больше с той поры никто не приплывал к нам из-за моря. Никто не осмеливался трогать наши жилища или прикасаться к тому, что дорого нам.

Старик, кряхтя, опустился на металлический пол.

– Уходите, вы не сделали нам плохого, но еды становится все меньше. Фейри становятся голодными и злыми, я не смогу долго сдерживать их.

Меня не нужно было упрашивать дважды, я кинулся к кораблю, но Ганимар задержался.

– Когда корабли вернутся в мир, откуда вылетели, они принесут с собой фейри. Но в тех мирах много невинных людей: женщины, дети...

– Уходите, – вновь произнес старик. – Не думал, что фейри услышат меня так далеко от дома, но звал. Когда все закончится, когда умрет последний, я изгоню фейри во тьму, откуда они пришли. Я

запечатая собой проход, и жители далекого мира найдут лишь трупы. Они много раз подумают перед тем, как вновь нападать на нас.

Я изо всех сил тянул Ганимара к звездолету:

– Давай, он же сказал, времени мало, валим отсюда!

– Удачи тебе, старик. – Ганимар двинулся за мной. Тариксанец устало кивнул».

Я замолчал, выныривая из пелены воспоминаний. Огляделся. Присутствующие, даже Жан Элиасен, оставили свои занятия и слушали меня.

– Некоторым образом, занимательная история. – Ученый, против обыкновения, не пытался язвить.

– М-да, – кивнул Владимиров.

Даниил сидел на полу и держал Лиз за руку. Девушка не замечала или предпочла не замечать этого.

– У вас странный мир. – Я разговаривал сам с собой и вместе с тем со всеми. – Паровые повозки и электричество, которое вырабатывается в атомных храмах, и я по дозреваю, «атомные» далеко не фигура речи. Натуральное хозяйство и контроль за погодой в городах. Измененные. Как я уже говорить, подобные технологии практиковали квадрианцы. Не то чтобы они придумали совместить живой организм и машину, но только на Квадрии достигли в этом невиданных высот. Вершина их технологий – биокомпьютеры, как можно догадаться из названия, сращение человеческого, да и не только человеческого мозга и компьютера. Во времена расцвета квадрианской сверхцивилизации они поставлять свои технологии буквально всем. Биокомпьютеры управлять заводами и звездолетами, городами и погодой, медициной, промышленностью, даже воспитывать детей. А потом случилось это... Заводы и фабрики начали взрываться или производить брак. Машины сталкивались, спутники сходили с орбиты, звездолеты с пассажирами терялись в бесконечности космоса. Безумие – бич живого существа. Оказалось, что живые мозги, когда раньше, когда позже, нуждаются в замене. Да и для последней годиться далеко не каждые, а те, которые годиться, через некоторое время тоже, что называется, сходить с ума. И квадрианские технологии запретили на большинстве планет ойкумены. Постепенно их цивилизация прийти в упадок, и никогда уже приставка «сверх» не упоминаться рядом с ней.

Ваши измененные, как уже говорить, очень похожи на квадрианские технологии, однако это очень странно на такой отсталой планете.

– Ну, насчет отсталости я бы... – начал было Жан Элиасен, но, видя отсутствие интереса в глазах слушателей, махнул рукой.

Глава 9

– Итак, медных токенов – двадцать штук, серебряных – восемь, золотых – три. Еще какие-то шестигранники, наверное, местные деньги. – Даниил перечислял обретенное богатство, которое небольшими кучками лежало перед ним на столе.

– Негусто, – выразил общее мнение инспектор Владимиров.

М-да, инспектор прав. Даниил, конечно, не ожидал гор золота и бриллиантов, но и не такого. Либо бравый капитан был беден, как странствующий проповедник, либо хранил ценности где-то еще, где-то на земле.

– Пойду погляжу, как там наш штурман. – Кряхтя поднявшись, Владимиров вывалился из каюты.

К освободившемуся месту на койке начал двигаться Жан Элиасен, с явным намерением втиснуть свой худой зад поближе к девушке. Сделав пару широких и решительных шагов, Даниил пресек поползновения сказителя, сев между эльфом и Лиз. Вчера, во время рассказа Тахла, он как бы случайно взял руку девушки в свою, и она не отдернула. Как же ему было хорошо в ту минуту, как бы он хотел, чтобы история Тахла продолжалась вечно... или хотя бы достаточно долго.

Кто бы мог подумать – на третьем десятке он станет испытывать волнение от прикосновения рук.

– Расскажите мне про эльфов, – произнес Тахл, – похожи ли они на меня? Откуда взялись в вашем мире?

А остроухий говорил все лучше, хотя временами на него накатывало и он снова начинал путать окончания.

– Про эльфов... хм-гм. – Жан еще посверлил некоторое время Даниила недовольным взглядом. Просьба остроухого никак не могла остаться без внимания сказителя, который не упускал ни одного повода блеснуть своей ученостью. – Ну, что вам, так сказать, поведать... – Он наконец опустил задницу, правда в кресло капитана,

сложил ногу на ногу, небрежно закинул край шарфа за плечо. – Как я уже имел честь говорить, если вы, конечно, внимательно слушали, – косой взгляд в сторону Даниила, – по легенде, эльфов, как и остальных... гм... созданий, создали, простите за вынужденную тавтологию, на заре времен Изначальные боги. Однако, – худой палец поднялся к потолку, – однако ряд ученых, как, например, Свиридов в своем труде «Великие Арды» и Джон Роуэл в «Сотворении мира – что дальше», аргументированно утверждают, что эльфы не что иное, как, так сказать, мезальянс, то бишь продукт скрещивания людей и атлантов – полулегендарной расы, которая упоминается в трудах Платонова и описывается как существа огромного роста с золотой кожей и рогами.

– Рогами? – удивилась Лиз.

– Ну да, – смутился сказитель. – Справедливости ради стоит заметить, что некоторые ученые, в частности Фридрихсен и Поппер, обвиняли Платонова в некотором... гм... искажении фактов и, так сказать, приукрашивании действительности...

– Попросту говоря – вранье! – Даниил вновь, как бы случайно, сжал руку Лиз, девушка не отдернула.

– Ну, – смутился ученый, – откровенно говоря, никто не знает, откуда в мире взялись эльфы, да и люди и остальные... гм... существа. Теории я могу перечислить вам все, а правда... правда скрыта веками эволюции и Великим Потопом. Давайте лучше я расскажу историю про Арса.

– Арса?

– Легендарного короля эльфов, который... Нет, лучше по порядку. Как вы знаете, а некоторые, возможно, не знают, – снова косой взгляд на Даниила, – ранее эльфы жили разрозненно. Конечно, в каждом городе была, что называется, своя эльфийская община, большая или поменьше. В некоторых населенных пунктах, как то: барбаганская, соответственно в Барбагане, или элвашская, они даже играли существенную роль в жизни города, собственно, в данных городах и сейчас играют. Однако ни эльфийского государства, ни населенного пункта, в котором наследственно правил бы представитель данной расы, вы не отыскали бы на карте. Но, – палец вновь поднялся к потолку, показывая важность информации, – у эльфов была легенда! О великом короле, посланном им на заре времен неназванными

Изначальными богами, короле, который создан этими самыми богами, но погружен в сон, до поры, и спит, дожидаясь своего часа. А когда этот час настанет, проснется и поведет свой народ, что называется, к светлому будущему! – закончил Жан на торжественной ноте.

Даниил уже слышал нечто подобное, к тому же сейчас его мысли больше занимала сидящая рядом девушка.

– И он появился! – не дождавшись ответных реплик, продолжил ученый.

– Великий король? – уточнил Тахл.

– Совершенно верно. И звали его Арс. Не стану сейчас вдаваться в обстоятельства появления короля, ибо они достаточно туманны и за века покрылись множественным налетом легенд, догадок и мистики, под которыми довольно затруднительно отыскать зерна истины. Однако легендарному Арсу удалось невозможное, а именно – объединить разрозненные группы и кланы эльфов. Более того, он создал Равенор – первое и единственное в своем роде государство эльфов, место, в котором они чувствуют себя хозяевами, и место, в которое может прийти любой представитель данной расы и будет принят там, как утверждает молва, с распростертыми объятиями. Скажу больше, за века своего существования Равенор из заброшенного леса на краю цивилизации сумел превратиться во вполне реальную политическую и экономическую власть, с которой считаются очень многие. Так что, кем бы ни был король Арс – героем из легенды или самозванцем, он уже занял более чем достойное место в истории. И это еще не конец. Если верить слухам, хотя настоящий ученый и не должен опираться на них, уже сейчас, под руководством короля Арса, в Равеноре научились добывать электричество, минуя атомные храмы. Если так, то открывшиеся перспективы...

– Пойдите, – перебил эльф, – вы сказать «под руководством».

– Ну... э-э-э... да.

– Но до этого сказать, что Арс создал государство эльфов?

– Э-э-э... сказать, тьфу, сказал.

– И государству эльфов несколько веков?

– Четыре с половиной, если быть точным. Впервые оно упоминается в труде Бурима Старшего, в главе «Вечнозеленые голосеменные северных лесов».

– Но сколько же лет тогда Арсу?

– Так это, он вроде как бессмертный.

– Подлетаем! Подлетаем! – донеслось из коридора. Следом за криком в комнату влетел сэр Уилфред. Даниилу показалось, что его борода торчала задорнее. – Вриль, подлетаем!

Рыцарь бегом вернулся в комнату управления, следом за ним выбежали Тахл со сказителем. Девушка поднялась, намереваясь последовать за ними. Даниил удержал ее руку.

– Лиз?

Она взглянула на него, осторожно освободила свою ладонь:

– Не надо.

– Что «не надо»?

– Ничего не надо. Ты меня не знаешь, и в Амалорме... – Лиз отвернулась, так что по лицу невозможно было прочесть ее чувства в этот момент. – В Амалорме все изменится, все...

Лиз убежала. А Даниил понял, что влюбился, окончательно и бесповоротно.

Глава 10

Первое, что бросалось в глаза, – башня. Довольно высокая, ажурная; при приближении к ней значительная часть ажурности терялась, ибо обнаруживалось, что сделана она из массивных металлических балок. Владимиров был не уверен, но, кажется, они назывались швеллера. Швеллера крепились между собой при помощи заклепок. Но не это главное: привязанный к верхушке, рядом с башней качался огромный шар. Дракон, похожий на их, только не такой вытянутый и с открытой корзиной внизу.

– Да, – в ответ на их удивленные возгласы ответил Брандл, – во Вриле принимают множество драконов, а это – причальная башня.

«Пришвартоваться» – новое слово ввел Брандл. Владимирову было не совсем понятно, зачем придумывать специальные термины для дракона, когда можно сказать просто «привязаться».

Как бы то ни было, пришвартовавшись, они спустились по сходням на неширокую площадку, венчающую башню. Они – это все, не запертые в комнатах, включая мухоглазого, которого побоялись оставить на драконе. На площадке их ждала небольшая делегация местных. Возглавлял встречающих коротышка в плетеной

конусообразной шапочке, которая отдаленно напоминала причальную башню. Шапочка держалась посредством широких лент, которые завязывались под подбородком сложным бантом. Тучное тело обтягивал парчовый халат с охряной вышивкой, также весь в ленточках. Позади толстячка хмурили лица два здоровяка в кожаных кирасах с вездесущими ленточками и блестящими желтыми накладками в районе живота.

– Неужели золото! – глядя на накладки, выдохнул Даниил.

– Тише! – цыкнул на него Владимиров. – Молчите все, я буду говорить.

Однако заговорить ему не дали. Едва их компания ступила на настил башни, коротышка засеменил навстречу.

– Вы доктора? – Он поочередно пожал руки всем, включая Брандла и леди Лиз. – Ну, конечно, доктора, что я спрашиваю. Все, все вместе или кто-то один?

– Э-э-э... – У Владимирова уже сложилась определенная речь на случай радушного или не очень приема, но вот такого он не ожидал.

– Осмелюсь откомендоваться, – вперед протолкался ученый. – Жан Элиасен, я, некоторым образом, доктор.

– Так и думал! – просиял коротышка, огладив бант под челюстью. – Вы-то нам и нужны!

– В последнее время, ну как последнее – дня два как, ему стало лучше. Конечно, это только мое мнение, меня не так часто допускают в покои, я не Примарх, даже не Адептус, – коротышка хихикнул, – но все-таки из того, что вижу, – лучше.

Они спускались по гулким металлическим ступеням башни. Все бы хорошо, но их явно приняли за других, да и лица здоровяков, в отличие от коротышки, отнюдь не выражали радушие. Следуя в хвосте компании, Владимиров постоянно опасливо косился на ребят с оружием. Хотя и особой враждебности не наблюдалось. Еще Владимиров не без зависти поглядывал на коротышку, как тот ловко, несмотря на свою комплекцию, спускается по всем этим многочисленным ступенькам. А вот он – инспектор Владимиров – терпеть не мог ступени, особенно когда их много.

Толстячок, игнорируя остальных, полностью переключился на доктора.

– Я, конечно, не врач и все такое, но цвет лица – румянее, определенно румянее и дышит иначе, ранее было с присвистом, теперь же просто хрипит, ведь это хорошо, да?

– Ну-у... э-э-э... да, – родил ученый, который, видимо, также понимал не больше остальных.

– Простите, – между местным и ученым вклинился Даниил, – у нас на драконе остались люди, они могут выйти? Спуститься.

– Конечно, почему нет, – пожал плечами коротышка. – Вриль – свободный город. Ну так вот, про хрипы, на вдохе, они... – вернулся коротышка к разговору с ученым.

Когда все оказались на земле, Даниил собрал свою группу вместе, за исключением Жана.

– Лиз и сэр Уилфред, возвращайтесь на дракон, выпускайте остальных, но сами не сходите, не нравится мне все это.

– Вы обещали отпустить меня и людей из команды, – напомнил Брандл.

– Отпустим, как только поймем, что здесь происходит и за кого нас принимают.

– Известно за кого – за докторов, – ответил мухоглазый.

– Да что ты говоришь, – несмотря на одышку, нашел силы съязвить Владимир. Он был согласен с решением Даниила оставить кого-то на драконе, на случай если им придется спешно улетать из города. – Может, ты просветишь нас еще и за каких докторов или кто больной.

– Известно кто, Балдуин IV – король Вриля.

Экипаж был крытый, что оказалось очень кстати, ибо после вспышки на улице зарядил дождь. Парочка стражников примостилась на закорках, под открытым небом, инспектор невольно посочувствовал им. Коротышка же не замолкал, всецело овладев вниманием ученого.

– Не мое, конечно, дело, но с чего вы думаете начать?

– Э-э-э... – Им удалось шепнуть Жану, что речь идет о врачевании здешнего правителя, чем ввели ученого в некое подобие ступора.

– С пиявок, конечно же пиявок, скажу вам по секрету, после пиявок, которые ставил последний доктор, как же его... Теофраст, их величеству стало заметно лучше. Поел с аппетитом, и этот, как его... стул нормализовался.

– Ну-у, я, признаться...

По большому счету, им давно следовало сказать, что они не доктора, но вот как на это отреагирует коротышка со здоровяками?

– А вот притирания не очень. Чего только не пробовали: и серу, и ртутные обвертывания, и даже бычью... урину, ну вы понимаете, о чем я... ни в какую. И клистиры, урину в клистирах ставили, правда не бычью, а девственниц. Последний врачеватель настоял, уж мы по всем приютам этих самых девственниц выискивали. Не поверите, насилу литру насобирали, да только зря, не помогло. О, мы приехали!

Дождь слегка поутих, что позволило рассмотреть очертания дворца. Высоко в небо поднималось центральное строение или, скорее, изделие, ибо, судя по блеску, оно было целиком из металла. Фамильные замки некоторых, особо древних семей аристократов также делались из металла. Древние, еще допотопные технологии. В некоторых легендах даже говорилось, что замки могли летать. По мнению Владимирова, полный бред. Разновеликими фермами, балками и металлическими переходами строение соединялось с ажурными башенками, окружающими его. Каждая из башенок оканчивалась остроконечным шпилем, на котором гордо болтался мокрый флаг. Их подвезли к одной из башен. В железную стену были вставлены резные деревянные двери, которые явно диссонировали с окружающим металлом. У дверей замерла парочка стражников в кирасах и... пузатый коротышка в парчовом халате, только шапка у новенького была выше и ажурней.

– Ну, здесь я вас, что называется, передаю из рук в руки, – произнес провожатый.

Глава 11

Их обыскивали долго, тщательно, со знанием дела. Пистолы отобрали, а холодное оружие, как ни странно, оставили. Коротышка в ажурной шапке стоял в стороне, со скучающим видом наблюдая процедуру. Даниил порадовался, что Лиз осталась на драконе. Он и сам бы с большим удовольствием сбежал отсюда.

Наконец, после кивка стражников, служитель указал на дверь, приглашая следовать за ним.

– Прежде чем что-то давать его величеству, лекарства пробует дегустатор, – забубнил коротышка, едва они вышли в коридор.

Даниил вращал головой: в конце концов, он впервые был во дворце. Надо сказать, впечатления не очень. Металлическая кишка – блестящие стены, по ним – какие-то трубки, тоже из металла, между ними цветные... если бы не толщина, Даниил назвал бы их жилами. Оболочка кое-где растрескалась, обнажив содержимое – жгуты жил потоньше. Свет давали длинные трубки на потолке.

– Интересно, интересно, – говорил Тахл и даже попытался ковырнуть одну из жил.

Да что интересного-то! Ни лепки, ни украшений, ни даже захудалых драпировок!

– То же касается любых притираний или иных процедур, – между тем продолжал их сопровождающий. – На все время лечения покидать дворец запрещено. Любые действия над его величеством предварительно обсуждаются с лейб-медиком Адептусом Афшаном, только после резолюции которого вы будете допущены к телу.

– Взглянешь, скажешь: случай сложный, не можешь взяться, и вернемся на дракон, – шепнул Даниил на ухо Жану, который, когда узнал, что ему придется врачевать местного правителя, был сам не свой.

Кажется, ученый услышал его, во всяком случае, кивнул.

– Если вам удастся излечить его величество – вознаграждение десять тысяч золотых токенов, – скучающим тоном продолжил коротышка.

– Д-десять тысяч! – почти одновременно выкрикнули Даниил и Владимир.

Даниил не мог даже вообразить себе такую сумму. Это... это... сказать, что безбедное будущее, – ничего не сказать. Это – капитал! С такими деньжищами он сможет купить себе титул, земли с замком, нанять дружину и еще останется. Не то чтобы много, но останется.

– Ну да. – Они остановились у двери с парой охранников; лент, как и золотых накладок, на них заметно прибавилось. Последовала знакомая процедура обыска, причем на этот раз обыскали даже служителя дворца. В итоге отобрали и холодное оружие, пообещав вернуть на выходе. – Разве не ради денег вы здесь?

Ну что ж, Даниил мог чувствовать себя счастливым – и драпировки, и лепка, и позолота, и картины на стенах наличествовали. И металл здесь был окрашен в веселые тона – от ярко-алого до шафранового. Все это он рассмотрел в краткий миг, когда свет из коридора упал на участок стены комнаты, куда их ввели. Дверь закрылась, и комната, судя по ощущениям – немаленькая, погрузилась в темноту. Единственным светлым пятном была огромная, не менее чем четырехспальная, кровать под кисейным балдахинном. Лампы направленного света освещали ее и то, что лежало на ней. Множественные люди в зале угадывались по силуэтам в околоспальной темноте.

К ним подступила двухметровая худая фигура.

– Я лейб-медик Адептус Афшан, – приглушенно донеслось сверху. В окружающей темноте шепот казался зловещим.

«Центавриец», – догадался Даниил. Издержки приютского детства – центаврийцев он побаивался.

– Вы можете подойти ближе, – разрешил голос.

Какой-то дробный цокот сопровождал их движение. Было в нем нечто знакомое. И звук исходил от Жана. Даниил не сразу сообразил, что это стучат зубы несчастного ученого. Нащупав в темноте, он сжал его локоть:

– Возьми себя в руки!

Кажется, тот кивнул – во всяком случае, цокот прекратился. Они подошли к балдахину.

Их величество Балдуин IV был крупным человеком. Грузное тело занимало едва ли не половину кровати. Однако человеком в полной мере назвать его было сложно. Там, где у обычных людей росли ноги, у правителя торчало несколько многосуставных конечностей, вроде паучьих, только не сплошных, а ажурных, как причальная башня дракона или шляпы придворных. Сейчас «ноги» безжизненно были разбросаны по кровати, время от времени подрагивая. Половину лица закрывала металлическая пластина, изображавшая то ли льва, то ли тигра, во всяком случае представителя семейства кошачьих; металл захватывал и часть шеи, теряясь далее в складках кружевной сорочки. Одна рука была вполне человеческая, вторая же более всего походила на ребристую трубу с трехпалой клешней на конце. Рядом с кроватью стояла какая-то машинерия, соединенная с телом короля

многочисленными прозрачными трубочками, по ним в обоих направлениях двигалась жидкость, большей частью грязно-бурого цвета.

Цокот зубов Жана возобновился.

– Их величество большой любитель изменений, – проинформировал сверху голос лейб-медика. – После последнего посещения Двора Чудес он вышел таким. Первые пару дней он еще находился в сознании, отдавал приказы, а затем – вот.

– А что дверги – хозяева Двора? – тихо спросил Владимир.

– Они закрылись внутри, никого не принимают. Их величество не единственный; в последнее время Двор начал плодить сплошь уродов. Многие умирали прямо на выходе. Мы предупреждали его величество, но он... он очень упрям. Дверги сделали для нас исключение, после того как мы... гм... некоторым образом осадили Двор, прислали представителя. Он отыскал в комнате древностей эту машинерию, подсоединил, сказал – все, что может. Она поддерживает течение жизни в теле его величества, но он так и не приходит в себя. Вы слышали о вознаграждении?

– Да, – ответил Даниил.

– Это правда. Если вам удастся вылечить его величество, вы получите токены. Если в результате вашего вмешательства ему станет хуже, я лично прослежу, чтобы в достаточной мере осложнить дальнейшее течение вашей жизни.

Все это было произнесено спокойным, тихим голосом.

Стук зубов Жана усилился.

– Я мочь посмотреть ближе? – спросил Тахл.

– Конечно, но я предупредил вас о последствиях.

Вместо того чтобы подойти к королю, эльф обошел кровать и остановился возле машины. Внимательно осмотрел ее со всех сторон, даже зачем-то погладил.

– Остальные желают произвести осмотр? – Кажется, в голосе лейб-медика проскочила нотка иронии.

Жан, судя по стуку зубов, желал лишь оказаться как можно дальше отсюда. Даниил испытывал сходные чувства, особенно после слов центаврийца.

– Тахл? – спросил он эльфа, с удивлением заметив дрожь и в собственном голосе.

- Я – все.
- Мы можем идти? – спросил он у медика.
- Конечно, вас проводят в вашу комнату.

Глава 12

Им отдали холодное оружие, а после отвели в каморку с дырой нужника, вырезанной прямо в металлическом полу, и двумя кроватями. Не иначе чудом внутрь втиснули еще пару лож, таким образом заняв почти все свободное пространство. Даниил отыскивал некоторые плюсы – компания могла разговаривать не напрягая голоса, прямо со своих мест. Хотя и подробности справления нужды также становились общим достоянием.

– Да что они себе... как они могли, меня – действительного состоятеля сертанского историко-географического общества – и в этот чулан! Меня так еще никто не унижал... буду жаловаться! – Сопровождаемая зубовным цокотом, гневная речь ученого звучала по меньшей мере необычно.

– Я мочь его вылечить.

– Кого? – спросил Даниил и почти одновременно с ним инспектор, хотя и так было понятно кого.

– Короля, – кивнул Тахл. Эльф сидел на соломенном матрасе, который смягчал жесткое ложе, поджав ноги, и, видимо, думал о чем-то сложном – во всяком случае, лоб его хмурился. – Медблок, конечно, старье, но все надписи на местах, к тому же – автоматизирован, должно получиться...

– Вы слышали, нет, вы слышали, он может вылечить, ха!

– Заткнись! – бросил ученому Даниил. – Что, правда можешь? – На горизонте замаячил призрак вознаграждения, очень, очень серьезного вознаграждения. А еще того, как Лиз, узнав о его богатстве...

Даниилу не дали додумать, а Тахлу ответить. Без стука открылась дверь, металлическая, как многое здесь, с круглым окошком в центре. На пороге, загородив огромным телом почти весь проем, стоял мужчина. На начинающей лысеть голове отсутствовала уже почти привычная шапочка здешних чиновников, зато длинный, до пола

халат почти сплошь усеивали ленточки различной длины и расцветок. Маленькие глазки под рыжими бровями обвели присутствующих.

– Лекари, значит.

– П-простите, а с кем имеем честь?.. – Ученый немного успокоился, и зубы уже стучали менее громко.

– Заткнись! – Сегодня для Жана был явно не его день. – Слушайте, лекари, – последнее слово было произнесено с явной иронией, – если вы...

– Да, да, мы знаем, – кивнул Даниил. – Если после нашего лечения королю станет хуже, нам тоже будет плохо. Но, согласитесь, если не попробовать...

– Если после вашего врачевания моему отцу станет лучше, до получения награды никто из вас не доживет, я вам обещаю. – Гость продолжал изучать их маленькими глазками. – Это понятно?

Слегка опешивший, Даниил осторожно кивнул, остальные повторили его движение.

– Да, мы поняли друг друга.

– Хорошо. – Гость развернулся, его массивная фигура скрылась в темноте коридора.

Инспектор потянулся, прикрыл дверь.

– М-да, ситуация. – Он высказал общее мнение.

– Никакой ситуации. – Матрас под Даниилом буквально расползлся, обнажая жесткие доски ложа. – Возвращаемся к первоначальному плану. Ты, – указал он на ученого, – посмотришь, скажешь, что ничего не в силах сделать, после чего уберемся из этого городка куда подальше.

– Но я могу его вылечить! – возмутился эльф. – Если вылечить, благодарность короля, награда...

– Наша награда – жизнь, другой мне не нужно, во всяком случае, сейчас. – Даниил слукавил, упущенных монет было безмерно жаль, но тягаться с наследным принцем в его дворце, его городе, его королевстве – себе дороже. Одно радовало – Лиз и рыцарь остались на драконе.

Засыпал он плохо. Мысли одна за другой упорно лезли в голову, прогоняя сон. Лиз – как она прекрасна! Что, если принц перестрашует и прикажет по-тихому придушить неведомых

лекарей? И она не отдернула руку, да что там – почти призналась ему... Или отравить... застрелить... зарезать... утопить... бросить в темницу, без суда и следствия... Проклятый Амалорм! Чего ее так тянет туда! Десять тысяч! Лиз с рыцарем, на драконе, один на один... два на один, с бандитом...

Когда мысли были передуманы, а дремота начала потихоньку охватывать мозг, шорох, на пороге слышимости, разбудил Даниила. За шорохом последовал множественный цокот, словно дождь, только капли барабанили не в окно, а прямо в их комнате – знакомые звуки...

– Крысы! – Вскрикнув, Даниил вскочил. Немногочисленные участки открытого пола шевелились, в следующее мгновение знакомая остроносая мордочка показалась над краем кровати. Даниил пнул ее ногой. Так как сапоги он на ночь снял, удар получился не очень. Он выхватил меч, вторую морду уже встретила острая сталь, но за ней тут же полезла третья, четвертая.

На счастье, проснулись остальные.

– А-а, крысы! – заверещал ученый и тут же забился в угол кровати.

Полицейский и Тахл молча вытянули оружие и принялись рубить серых бестий. Как ни удивительно, на этот раз они покончили с нападавшими довольно быстро. Крыс оказалось всего около полудюжины.

Так как кровать инспектора стояла ближе, он потянулся к выключателю, включил свет. Трупы измененных животных лежали на полу, ни один не шевелился. Эльф склонился над ближайшим мертвым телом:

– Не понимать.

– Чего? – спросил Даниил.

– Сам смотри, они не такие.

– В смысле – не такие? – Даниил также свесился с кровати, не рискуя ступить на пол. Едва взглянув на мертвую крысу, он понял, что Тахл имел в виду. Да, крыса была измененная, но не до конца, что ли. Механические части выпирали из туловища, порой в самых неожиданных местах и под неестественным углом. У одной крысы вообще было аж шесть лап – четыре родные и две из металла, причем последние росли между задними, наверняка мешая бегу.

– А у моей две головы, обе маленькие, будто недоразвитые. – Ввиду комплекции полицейский свеситься с кровати не мог, поэтому

ступил на пол, рассматривая трупы поверженных нападавших.

– Полоний Младший в труде «О природе вещей», – единственным, кого не занимали крысы, был Жан Элиасен, который так и продолжал сидеть забившись в угол, – кажется, в главе «Элваш» описывал сходную ситуацию. Тамошний Двор Чудес по непонятным причинам, вместо ожидаемых и желанных изменений, начал плодить уродов. По счастью, вовремя вмешавшиеся власти города, так сказать, пресекли...

– И короля местного тоже изменил Двор Чудес, что же там такое происходит?

– Странно, очень странно. – Тахл продолжал изучать крысу. – Как я уже говорил, у вас отсталая планета, и вместе с тем – этот дворец-звездолет, биомеханические технологии. Хотел бы я побывать в вашем Дворе Чудес.

– А мне странно, – оторвался инспектор от созерцания тела, – что крысы вообще здесь. Леди Лиз с нами нет, что им могло понадобиться?

– Возможно, потеряли нюх, – предположил Жан.

– Лиз! – Забыв про крыс и возможную опасность, Даниил вскочил с кровати. – Она там почти без защиты!

Глава 13

Как ни удивительно, из дворца их выпустили почти беспрепятственно, лишь обыскали на выходе. Хотя, если подумать, ничего странного – после разговора с наследником наверняка многим врачевателям приходила в голову здравая мысль покинуть город.

– Скорее! Лиз! – торопил Даниил.

Владимиров тоже переживал за девушку, однако в голове крутились и иные мысли. Получается, крысы не преследуют своих жертв, как ищейки. Их плодит ближайший Двор Чудес. Отсюда следует вполне логичный вывод, что дело совсем не в Вароссе, возможно, и не в Доме трижды святой Лишии Нафф. Также возможно, подобные убийства происходили или происходят в иных городах, герцогствах и королевствах. Узнать бы! Но если так, то кто же стоит за всем этим? Дверги – содержатели Дворов Чудес – самый логичный вывод, ибо крысы выходят именно оттуда. Но зачем это низкоросликам? И слова отставного служителя варосского Двора о

том, что последний сам плодит измененных в так называемое время чудес. Впору хвататься за голову и рвать остатки волос. Что-что, а замыслы богов простому инспектору уголовной полиции явно не постичь. Куда проще земные создания. Но и здесь весь опыт, логика давали сбои. За всяким убийством стоит выгода, если, конечно, это не убийство в состоянии, когда не контролируешь себя, или ради удовольствия. Но какую выгоду можно извлечь из убийств проститутки, портного и посыльного? Бред! И чем дальше, тем больше. Может, дверги действуют не сами, у них есть наниматель, заказчик. Сколько ни силился, Владимиров не мог вообразить заказчика достаточно обеспеченного, чтобы купить несколько Дворов Чудес.

Не иначе чудом, среди ночи, Даниил поймал местного возницу на открытой двуколке.

– Плачу вдвое! – Юноша поспешно впихивал компанию в экипаж. – Гони к причальной башне!

Внешне, во всяком случае на первый взгляд, все выглядело, как они оставили. Ажурная башня и туша дракона, привязанная к ней. Второй дракон, который круг лый, – отсутствовал. Улетел по своим, драконьим делам. Рассчитавшись с возницей, Даниил, выхватив меч, понесся вверх по ступенькам, за ним – остальные. В тишине ночи грохот стоял будь здоров. Невдалеке залаяла разбуженная собака. Сперва Владимиров поднимался сразу за Даниилом, пистоль, который отдали при выходе из дворца, он держал наготове. С увеличением количества пройденных ступеней пистоль пришлось вернуть на место, а освободившиеся руки задействовать для помощи при подъеме. Его давно обогнали и эльф, и ученый, а Владимиров все поднимался. Мда, стар он уже для таких дел, да для любых дел. Его возрасту приличествует просиживать дни напролет за столом, в теплом участке, перебирая бумаги и считая дни до вожделенной пенсии.

На верхней площадке башни не было никого. Владимиров поднялся по сходням и втянул тело внутрь дракона. Он сразу направился в сторону спальни экипажа, так как там ночевали девушка и рыцарь и оттуда доносился шум. Дверь в спальню была открыта, Владимиров вытянул пистоль и осторожно выглянул из-за косяка. Посередине комнаты стоял Даниил с опущенным мечом, весь какой-то

съежившийся, виноватый. Рядом топтались Тахл с Жаном. Лиз сидела на кровати, подтянув одеяло к подбородку, глаза девушки весело сверкали. Рядом с кроватью Лиз, уперев руки в бока, словно изваяние, возвышался сэр Уилфред. Крыс, как и иных измененных созданий, не наблюдалось.

– Однако, инспектор, – старый рыцарь заметил Владимирову, – и вы туда же!

– Напоминаю, вы обещали отпустить меня и моих соратников вместе с драконом.

На приказ поскорее унести их отсюда мухоглазый Брандл демонстративно сложил руки на груди у полки управления. Дракон они отвязали, и сейчас он медленно поднимался, дрейфуя по ветру. Владимиров подумал и отошел от компании, с удовольствием опустившись на диван. Отчаянно хотелось есть. Что-нибудь кинуть в рот, хотя бы корочку хлеба.

– Как пленники? – спросил Даниил у сэра Уилфреда.

– Однако, все выпущены. – Рыцарь подкрутил усы. – Естественно, с выделением средств на дорогу из, так сказать, капитанских запасов. Довольно скудных, смею заметить.

– Из запасов? – Лицо Даниила пару раз дернулось. – Нужно было посоветоваться... хотя ладно, что сделано... Ну, что будем решать с экипажем?

– Изначальные боги с ними, освобождаем, лишь бы поскорее убраться отсюда, – устало ответил Владимиров.

– Я тоже за то, чтобы освободить друзей Брандла, – кивнула Лиз.

Остальные, вслед за девушкой, кивками выразили свое согласие.

– Ладно, выпускай, – вздохнул Даниил. – Только, прошу тебя, унеси нас отсюда сначала.

– Хорошо. – Брандл склонился над полкой. – Куда летим, где вас посадить? Могу сразу за городом.

– Я тоже хотеть напомнить, – подал голос Тахл, – вы мне обещали Равенор, к моим соплеменникам.

Даниил вопросительно посмотрел на остальных.

– Равенор – место не хуже прочих, – за всех ответил Владимиров. – Ты можешь отвезти нас туда?

– В сам лес – нет. – Брандл уже двигал рычажки управления, дракон начал медленно разворачиваться. – Но на опушке высажу.

Глава 14

– Прости.

– За что?

– Ну, за то, что ворвались к тебе среди ночи.

– Ты же думал, меня атакуют крысы.

– Думал.

Они стояли в комнате для прогулок – самом большом помещении дракона. Он, она и больше никого, и проплывающая земля под ними; привычный снег посерел – он таял, почти повсеместно, кое-где образовывались даже небольшие озера.

– Погода меняется, – произнесла она.

– Когда там... во дворце на нас напали крысы, я подумал о тебе, и мне стало страшно. Страшно, что ты – беззащитная, а я далеко, не могу прийти на помощь...

– Я не такая беззащитная.

– Ну да. – Даниил вспомнил нападение крыс в гостинице Терружена, то, как Лиз ловко подстреливала их из пистоля. В который раз он подумал, что ничего не знает о девушке. Кто она? Чем живет? Зачем направляется в Амалорм... – На миг представилось, что я потерял... что больше никогда не увижу... – Он решительно взял в свои ладони руку девушки, поднес к губам, поцеловал кончики пальцев.

Лиз опустила глаза, было видно, что ей приятно.

– Давай сбежим! – неожиданно предложил Даниил.

Лиз покачала головой:

– Куда? И от кого?

– Не знаю, от того, куда ты едешь, от сэра Уилфреда, от проклятого Амалорма!

Она снова покачала головой:

– Я не могу. И сэр Уилфред не тюремщик мне.

– Почему не можешь? Из-за твоего ордена? Плюнь на все, что бы кому ни обещала и в чем бы ни клялась, оно не стоит того... – Даниил

осекся. А что стоит? Что он может предложить Лиз? Себя! Но нужен ли девушке такой «подарок»?

– Ты мне нравишься, – просто сказала Лиз, пряча глаза, – очень. Доведи нас, меня до Амалорма.

«Я ей нравлюсь! Нравлюсь!» словно крылья выросли за спиной. Дурацкое выражение, точнее, раньше было дурацким, когда читал, слышал, а сейчас, когда испытал сам! Волшебное чувство!

Даниил обнял девушку, она прильнула к нему. А потом он нашел ее губы своими губами, и они поцеловались. Атомные, да хоть какие боги! В этот миг окружающий мир: дракон, комната, снег за окном – перестал существовать. Была только она, Лиз, и ее губы. Ее дыхание на его лице. Как же хотелось, чтобы этот миг длился вечно.

Лиз осторожно освободилась из его объятий.

– Кто-то идет.

– И что, пусть, пусть все знают! – Хотелось петь, прыгать, но еще больше хотелось вновь обнять и поцеловать Лиз.

– Нет, этого не должно было... – Как всегда в волнении, девушка закусил губку. – Я должна, поклялась, мне, нам надо в Амалорм!

– Как скажешь. – В эту минуту он был согласен и готов на все. – Мы едем в Амалорм, я доведу вас! Но там, уж не знаю какие, но, когда сделаешь свои дела, мы сможем быть вместе?

– Я... я не знаю! – Закрыв лицо руками, девушка убежала.

А крылья за спиной словно обрезали, под корень, по живому. Минуту назад он был самым счастливым человеком на свете, а сейчас даже не понимал, что чувствует. Пол качнулся под ним, в теле наступила легкость, он словно падал. Через секунду Даниил сообразил, что он, они, дракон действительно падают.

Глава 15

– Шкуру продадим в Ля-Рош, где она пойдет на благое дело.

– Какое?

– Э-э-э... благое, не перебивай!

– А внутренности?

– Внутренности на этот раз тянуть не будем, оставим здесь. Волею случая неподалеку раскинул свои вечнозеленые листья Равенор,

слыхал я, остроухие испытывают постоянную нужду во всяческом металле, вот и продадим, пусть забирают.

– А?..

– О, благородный инспектор, ты очнулся!

Владимиров открыл глаза. Последнее, оставшееся в памяти, – они летят, затем удар, его сбросило с дивана, за окном стремительно приближается земля... Болело все тело, он осторожно пошевелил ногами, руками, головой – кажется, на месте и, кажется, работают.

Бородатое лицо, склонившееся над ним, было знакомо. Профессиональная память тут же отыскивала соответствие – Силантьев из Братства Истинной Любви. Он ехал с ним до Терружена, и тот еще предлагал Владимирову вступить в братство, как же давно это было!

– Г-где я? – Не без помощи сильных посторонних рук Владимирову удалось принять сидячее положение. Сидел он прямо на земле, укрытой редкой травой; справа от него качалась стена довольно высоких деревьев, слева – лежала серая груда, в которой не без труда угадывался некогда гордый дракон.

– У Равенора. – В поле зрения вновь показалась бородатая физиономия брата Силантьева. – Воистину, ничем иным, кроме как волею самой судьбы, повторную нашу встречу объяснить нельзя. Само Провидение ведет тебя, муж, наделенный множеством достоинств, к нам. Место почившего в бозе брата Евдокия все еще вакантно, и мое предложение касательно тебя еще в силе. А учитывая Провидение, которое толкает тебя в любвеобильные объятия нашего братства, не пересмотрел ли ты, брат Владимиров – а позволь называть тебя «брат» – свой...

– Что случилось? – прервал изливания заодно с «матримониальными» планами брата Силантьева инспектор. Он огляделся – невдалеке лежала его компания: рыцарь с девушкой, ученый, эльф и Даниил. Пока без сознания, но – слава Атомным богам – дышат.

– Мы убили дракона, а также подарили свободу всем, кто пребывал во чреве сей богопротивной, ненасытной твари! – гордо возвестил брат Силантьев.

Остальная бородатая братия подтвердила слова лидера согласными кивками.

– Точно. Убили! Как есть уколошили! Прямо на лету!

– То есть это вы нас сбили? – уточнил Владимир.

– Освободили. Тварь сожрала, а мы выпустили.

Инспектор вспомнил, что, кроме их компании, на драконе летел еще экипаж и Брандл.

– А это... это все, кого вы... гм... освободили?

– Что ты, дракон сожрал множество народу. Проводя осмотр туши, мы имели удовольствие отыскать некоторое количество несчастных, застрявших в одном из органов. Волею Провидения все они сохранили сознание, чего нельзя было сказать об их рассудке. Ибо, вместо вполне естественных и уместных благодарностей, принялись осыпать нас – избавителей – проклятиями, из коих «тупорылое мужичье» было самым пристойным. Мы с братьями некоторым образом объяснили неблагоприятным: не пристало подобным образом изъясняться с избавителями, пусть даже ты находишься в состоянии некоторого помешательства от счастья новообретенной свободы.

– Да! Да уж! Объяснили! – загудела братия, дружно потирая кулаки.

– После чего освобожденные, забрав одного из своих, который так и не пришел в себя, удалились. Ну а после очнулся ты.

– Что... где я? – скрипнув доспехом, поднялся сэр Уилфред.

Глава 16

– Погода портится. Почти повсеместно у Большого Моря жители перебираются с побережья, что называется, вглубь.

– Почему?

– Ветра, которые сбивают все на своем пути, непрерывно дуют со стороны воды. Ираклионский Двор Чудес начал плодить исключительно двухголовых монстров. Они выходят и вещают о скором конце света... в две плотки.

– Сбываются пророчества...

Был вечер, адепты Братства Истинной Любви сложили костер из набранного в лесу валежника и горючих остатков дракона. В безветрии черный дым поднимался вверх, застилая звезды.

– Истончаются Божьи Пелены, в Сертане и Мегере уже совсем не держат. Снег, мороз и непогода пробираются за стены, – говорил один из братьев.

Даниил пока различал только главу братства – Силантьева, остальные для него сливались в одну большую бородатую массу.

– Раньше снег, – уточнил другой, – теперь сплошь дожди, по дорогам не проедешь.

– Дрова дорожают, да все, что горит и дает тепло. Если остроухие... – покосился брат-бородач на Тахла, – благородные эльфы позволят, наберем дерева и перепродадим во Вриле.

– Еще бы не позволили, – подал голос другой брат, – металла-то в драконе о-го-го, да и деревьев у них на любой век хватит!

Даниил в темноте нащупал руку Лиз, сжал в своей, почувствовав робкое ответное пожатие.

– Старики говорят, перед Великим Потопом так же было, ну с погодой и вообще. – Брат Силантьев подкинул в костер порцию сухих веток. – Истинно говорю вам, смутные, смутные грядут времена.

– Осмелюсь заметить, что могут знать, а тем более помнить старики о так называемом Великом Потопе. По самым приблизительным, я повторяюсь, приблизительным подсчетам, произошел данный катаклизм около двадцати веков назад. – Конечно же ученый не мог промолчать. – Берос Синкелл посвятил

исследованию вопроса Потопа всю жизнь, но даже у него касательно данного... гм... действия осталось больше вопросов, чем ответов.

– Может, вы сомневаетесь, что Потоп вообще был? – спросил инспектор. Толстый, закутавшись в шкуру снежного волка, он походил на огромный сугроб, из которого торчала круглая голова.

– Что вы! – Ученый вытянул руки, словно защищаясь. – Множество свидетельств, как то: предания, следы водной эрозии на старых кладках, вдали от моря и... другие. Никто не сомневается, что огромная масса воды, если так можно выразиться, заполнила данную территорию. И про истончение Божьих Пелен, и про ураганы на побережье, и даже про то, что Дворы начали плодить уродов, не то чтобы документальные, но устные, так сказать, сведения дошли до нас. Однако все это, если так можно выразиться, следствия, основной же вопрос, который вот уже много веков занимает умы ведущих потоповедов, – это причина. Почему двадцать веков назад мир, что называется, сошел с ума и почему после некоторого времени он неожиданно вернулся к норме.

– Известно почему – боги разгневались на род людской за то, что погряз он в обмане, алчности и разврате, – важно произнес один из братьев. – Только истинная любовь – равного с равным – и истинные отношения – брата с братом – суть угодные божественной воле. И если грянут снова времена предпотопные, то следует покаяться, принять любовь, вступить в братство и спасти тем самым...

– Женщин вы тоже принимаете? – спросила Лиз. Даниил видел, как глаза девушки озорно блеснули.

– Женщин? Нет, женщин нет, – смутился брат.

– Тогда как нам спастись, к кому примкнуть?

– Женщина – суть сосуд греха, – буркнул брат, опустив глаза и старательно рассматривая свои руки.

– Но если все мужчины вступят в ваше братство, станут держаться подальше от женщин, через некоторое время вы же вымрете. Только женщины могут рожать, в том числе и мужчин.

– Ну... – Бородач заскреб кудлатую шевелюру.

– Брат Евсей говорит об идеальном устройстве, – пришел на выручку Силантьев, – теперешнее же состояние общества, увы, увы, далеко от идеала.

– Однако, помнится, в армии графа Ательстана... – начал старый рыцарь, но махнул рукой, то ли передумав рассказывать, то ли забыв, что хотел сказать.

– У Вомбери в его «Легендах» имеет место одна... легенда. Некоторые исследователи, в том числе и небезызвестный Синкелл, склонны относить ее к потопным временам. В частности, упоминаемые в начале катаклизмы, ну и прочее, мэтр Синкелл соотнес с Великим Потопом, правда это или нет...

– Расскажите, – перебила ученого Лиз.

– Ну, я право не знаю... – Жан Элиасен взял паузу, ожидая ответных реплик, однако никто из присутствующих, похоже, не собирався упрашивать его. Жан подождал еще немного, вздохнул. – Кка и многое у Вомбери, легенда поэтизирована, конечно, сейчас дословно уже не вспомню, слишком многими знаниями отягощен мой ум, но все же в общих, так сказать, чертах, дабы присутствующие получили хотя бы некоторое представление...

– Да рассказывайте уже! – буркнул Владимиров.

Жан попытался, но все же начал:

– «Звали его Керавн, и был он потомком богов Изначальных, юноша многих достоинств, только вошедший в зрелости пору. Родился и рос он во время войны необычной, что боги вели меж собою. Горы тряслись, и земля сотрясалась, море рождало обильные волны, что рушили все на пути своем длинном. Грозы трясли равно небо и землю, ливни же шли непрерывно, неся с собой беды и голод».

– Грозы не трясут, а сверкают, в остальном весьма похоже на Великий Потоп. Во всяком случае, так, как мы его сейчас представляем. – Сугроб с инспектором переполз дальше от огня.

– И я про то же! Далее у Вомбери упоминаются хтонические божества непогоды, которые были ответственны за катаклизмы и против которых сражались, так сказать, хорошие боги, имеющие намерения прекратить... э-э-э... беспорядки. Наш герой – Керавн объявлялся как бы наследником, то есть должен был занять, метафизически говоря, трон в результате победы. Как бы то ни было, продолжим: «И вот перед битвой решающей решил наш Керавн на землю спуститься, дабы жизнь смертных познать и увидеть».

– Увидел?

Ученый оставил без внимания реплику инспектора.

– «Дева красоты неземной повстречалась Керавну, только лишь взгляд мимолетный коснулся светлого лика, юноша понял, что потерялся навеки. Словно в бездонных колодцах тонул он в глазах цвета неба, волосы были как шелк, ну а кожа что бархат, стан же точен, словно мастер искусный создал его, а не жизнь и природа».

– Нечто подобное рассказывали нам в приюте, – вспомнил Даниил, – девушку, кажется, звали Мнема.

Ученый недовольно запыхтел:

– Может, вы сами дальше будете рассказывать? Нет? Я так и думал! – и продолжил нараспев: – «Дева та Мнемой звалась и была сиротою. Те же напасти природы забрали родню, и лишь дядя – старый вояка, оставивший ратное дело, – был ей надежной опорой, защитой и другом».

– Ну, что я говорил, – непонятно чему обрадовался Даниил. – Мнема!

Слова Даниила ученый оставил без внимания.

– «Потомок богов и дитя человека, миры их разнятся, словно темень и день. Свиданию их не пристало случиться, нигде те миры не сходились, век их пройти был начертан без познания друг друга». Но... – словно заправский лицедей, ученый взял драматическую паузу, – Мнема и Керавн повстречались и влюбились друг в друга!

– О-о-о! – Пауза произвела впечатление на братию. Или впечатление произвела противоестественная, по их мнению, связь.

– А дальше, дальше-то что?

– «Девять ночей и на раз больше дней было отпущено время. – Ученый был явно доволен собой. – Старый вояка, глядя на счастье влюбленных, украдкой скупую слезу убирал из очей, но сердце его разрывалось на части. Одна половина его замирала, глядя на счастье любимого им человека, ибо давно он желал Мнеме мужа достойного, а внуков – себе. Вторая же билась быстрее, ибо любимая Мнема еще не жена, а уже не девица, с неопытным пылом бросилась в море первой любви».

Даниил взглянул на Лиз: похоже, девушку захватила нехитрая история, – во всяком случае, слушала она, что называется, открыв рот.

– Далее, далее поведай нам, – попросил кто-то с противоположной стороны костра.

– У Вомбери история обрывается на этом, на счастливой встрече.

– И это все? – В голосе вопрошавшего чувствовалось разочарование.

– Не все, продолжение мы находим у Понта Эвкийского, однако уже, так сказать, в менее возвышенном слого. На десятый день наш герой Керавн ушел, ибо, как вы помните, имело место противостояние между божествами. Керавн должен был принять участие в битве, решающей битве между группами божеств, по итогу которой он либо занял бы положенное место правителя мира, либо погибнул бы, естественно.

– А как же Мнема?

– О-о, он обещал вернуться, в случае победы, и взять девушку к себе, с последующей женитьбой.

– Погиб? – Признаться, Даниила тоже заинтересовала древняя история, хотя, спрашивая, он почти не сомневался в трагическом конце.

– Отчего же, нет. Хорошие боги победили, а Керавн, как ему и положено, стал единоличным и полновластным властителем, простите за вынужденную тавтологию, мира.

– Однако, получается, все закончилось благополучно. – Сэра рыцаря также не оставила равнодушным история. – Наш Керавн вернулся, забрал свою возлюбленную, и они зажили долго и счастливо.

– Не совсем.

– Однако, значит, он не любил ее.

– Любил, и даже очень, но... – снова взял паузу ученый, на этот раз непродолжительную. – Человек-властитель и человек, или, если угодно, Бог-властитель и бог, – это, если так можно выразиться, две большие разницы. Признаться, никогда не понимал данного выражения – разница одна, ну да сейчас не об этом. Керавну стали подчиняться стихии – ветры, моря, он повелевал погодой, солнцем, временами года, Божьими Пеленами и защитой городов, атомными храмами с их электричеством, Дворами Чудес и еще многим и многим в нашем мире.

– И он забыл Мнему?

– Не забыл, просто, приняв бремя власти, получив могущество, превышающее божественное, Керавн по сути стал другим существом. Он помнил Мнему, и прошлую жизнь, и свою любовь к девушке, но

для существа, весь разум которого ежедневно занимало поддержание самой жизни на земле, помыслы и желания того, прошлого Керавна стали мелкими, незначительными. Прежний Керавн не умер, и любовь к Мнеме по-прежнему жила в его сердце, просто он стал малой частью нового, могущественного Керавна, настолько малой, что она почти не могла влиять на поступки нового божества.

– А девушка? – почти шепотом произнесла Лиз, и пальцы ее буквально впились в ладонь Даниила.

– А что девушка? Когда катаклизмы прекратились, поняла, что коалиция божеств во главе с Керавном победила, ждала, родила ребенка, девочку, престарелый дядя поддерживал ее до своей смерти, помогал во всем.

– Вышла замуж? – спросил один из братьев.

– Нет. Со временем основала орден и... у Понта Эвкийского довольно смутно разъясняется для чего; ни устава, ни целей, неясно даже, какому из божеств орден поклонялся, вполне возможно, что Керавну.

– И это все?

– Про Мнему да, но, как вы помните, я начал рассказывать данную историю применительно, так сказать, к Великому Потопу. И в данном контексте история, как мне кажется, имеет вполне благополучный конец: наводнения, землетрясения и прочие бедствия прекратились, цивилизация была спасена и продолжила дальнейшее победное шествие по пути прогресса. Как бы то ни было, это всего лишь легенда, одна из, смею напомнить, многих. Задача же истинного ученого – отделить, так сказать, зерна правды от плевел...

Даниил почувствовал, как пальцы девушки расслабились, через секунду ее рука выскользнула из его и опустилась на землю. Набравшись смелости, он обнял хрупкие плечи, притянул к себе. Лиз не сопротивлялась, явно думая о чем-то своем.

Глава 17

– Жан, как так получается – вокруг холодно, снег, а в Равеноре все растет, даже зеленеет?

Инспектор Владимиров никогда не думал, что пейзаж из деревьев и зелени может настолько бесить. Нет, когда ты видишь растение в

городе, понимаешь – оно нужно для красоты, очищения воздуха и еще для чего-то полезного, изучаемого в школе и давно забытого; стоит, растет, никому не мешает, даже красиво. Когда ты выращиваешь что-то зеленое у себя дома в горшке, особенно если это зеленое еще и цветет, ты радуешься и умиляешься, призывая заодно умиляться домочадцев. Марта – бывшая жена – заставила своими фиалками все подоконники. Каждый раз, покупая новую, она говорила, что эта особенная, такой у нее нет. Но фиалки регулярно выпускали одинаково некрасивые, мелкие цветы с грязно-белыми лепестками. После развода Марта забрала их, все... и подоконники стали пустыми... как и квартира. Однако, когда этой зелени, этих кустов, каких-то зарослей, похожих на высокую траву, этих деревьев вокруг много, слишком много, да что там – одна зелень и ничего, кроме зелени, да еще несколько часов подряд, ты начинаешь тихо ее ненавидеть.

– Ну... микроклимат Равенора... некоторым образом... особенность... расположения... полюса земли... широта... уникальное сочетание...

– Короче, ты не знаешь?

– Не то чтобы. Просто я никогда специально не занимался данным вопросом. Поймите, растения как бы не моя специализация... – Несчастный ученый, как и все они, тяжело дышал.

И это было тем более удивительно, что преодолевать овраги, реки и прочие прелести похода им не приходилось. Они просто шли по лесу, между деревьями, разве что под ногами вместо утоптанного снега или городской мостовой – пружинистая подложка прелых листьев. Отчего же так кружится голова и тяжело дышать, словно ты не идешь по ровной местности, а несколько часов кряду карабкаешься в гору. Хотя нет, несколько часов Владимиров бы не осилил. Он чувствовал, как с каждым шагом силы оставляют его.

– Все, привал! – С хрипом выдыхая воздух, инспектор сел прямо на землю у ближайшего ствола. – Больше не могу.

Никто не спорил, все опустились, где стояли. Лишь Даниил успел подстелить Лиз свою куртку, которую давно снял и нес под мышкой. Девушка легким кивком приняла знак внимания. Даниил старался держаться поближе к девушке, если оступалась, поддерживал ее, помогал с поклажей. Она принимала его знаки внимания, но с каким-

то отрешенным видом, словно витая помыслами в далеких облаках. В любом случае произошло это не так давно, может даже прошлым вечером. Последнее, что помнил Владимиров, – рассказ Жана про Керавна и... как же девушку-то звали... Марта? Тьфу! Далась ему эта Марта! Потом Тахл начал одну из своих историй-воспоминаний про комиссара и вора, а Владимиров благополучно заснул. В самом начале, когда благородный комиссар как раз поймал чуть менее благородного Рауля, что называется, за руку.

– Однако, где же эльфы? – Вот кто, казалось, абсолютно не устал, так это их бравый рыцарь. Тем более удивительно, учитывая возраст и что помимо поклажи вояка таскал на себе еще и массивный доспех. Да уж – старое поколение, сейчас таких уже не делают.

– Я вспоминаю, уже очень много вспоминаю из своего прошлого, вот еще история... – Тахл махнул рукой. – Потом как-нибудь.

– Однако, я думал, едва мы ступим, что называется, под своды, хозяева Равенора не заставят себя ждать. Но мы движемся все утро, и никаких эльфов-охотников, эльфийских патрулей и прочих... эльфов я пока не вижу. Помнится, в армии графа Ательстана имелась целая рота эльфийских лучников, во время осады Сантареля они... они... – Рыцарь замолчал, лениво почесал за ухом, видимо потеряв интерес к повествованию.

– Уважаемый Жан, что говорят ваши ученые книги на этот счет? – Сейчас Владимиров почти жалел о своем отказе на предложение брата Силантьева. Перед тем как они вступили в Равенор, бородач снова предложил инспектору влиться в ряды братства.

Сейчас бы сидел в тепле, в шкурах, на повозке, сытый, в окружении любящих братьев... любящих... Владимирова передернуло. Хорошо хоть, братья дали припасов на дорогу. В сущности, несмотря на своеобразные взгляды касательно наказаний и нетрадиционные сексуальные предпочтения, они не такие плохие ребята. Драконов вот бьют.

– Серж Шауров в своем труде «Остроухие ублюдки и их ублюдочный лес», который некоторые специалисты в данной области относят к излишне... э-э-э... радикальным, пишет...

Они появились из ниоткуда, словно выросли из-под земли, хотя на самом деле вышли из-за деревьев. Полдюжины эльфов в зеленых обтягивающих одеждах. В руках – недлинные мечи, за спинами –

луки. Пятой точкой, спинным мозгом Владимиров почувствовал – это далеко не все. Из ближайших кустов, с крон, за ними наблюдало еще как минимум столько же пар эльфийских глаз, и луки их были натянуты.

– Э-э-э... приветствуем вас, благородные жители великого Равенора, – как ни странно, первым нашелся их сказитель, – мы пришли с миром...

– Пошли! – бросил высокий эльф в возрасте, видимо старший. И, развернувшись, зашагал по малоприметной тропинке, между деревьями.

Ничего не оставалось, как подняться и двинуться следом.

Владимиров даже не пытался запомнить дорогу. Зачем? Да и как, для него все деревья на одно лицо, точнее, ствол, а в лесу все направления одинаковы. К тому же остатки сил уходили на переставление ног, ибо шагал старый эльф достаточно быстро, не заботясь о комфорте эскортируемых, а тем более комфорте старого... ну ладно, не старого – в самом соку, но немного полного инспектора.

Дыхание выходило из груди уже не с хрипом, а с каким-то свистом. Наконец, когда Владимиров решил, что не сможет больше сделать и шага, деревья внезапно закончились. Они вышли к... городу, самому настоящему, с тротуарами и домами. Последние были двух-, а то и трехэтажные, сложенные из толстых бревен, с широкими окнами, высокими крышами, на которых дымили печные трубы. Ну да, в Вароссе, при дороговизне топлива, особенно дерева, печь почти предмет роскоши, здесь же – дешевый способ обогреть жилище, даже если Жан и прав и остроухие научились добывать электричество. По улицам, которые были выложены бревнами поменьше, бегали дети – маленькие эльфята, степенно двигались эльфы постарше, дородные эльфийские матроны тащили корзины с продуктами.

– Город! Настоящий эльфийский город! – Лиз, как и остальные, смотрела на открывшуюся картину широко открытыми от удивления глазами.

– Естественно. – Не удивился только их сказитель. – А вы думали, эльфы живут на деревьях и питаются желудями? В Равеноре, как я уже имел удовольствие говорить, мы имеем, так сказать, полноценное эльфийское общество. Здесь процветают наука, ремесла, искусство.

Например, знаменитый естествоиспытатель Михаил Миклах провел в подобном городе – а на территории эльфийского леса он далеко не один – несколько месяцев. Он оставил подробнейшие описания быта и, так сказать, интересов жителей, местных праздников. Например, Мидсомара – дня летнего солнцестояния...

Эльф, который привел их, двинулся по улице. Самой широкой, бревна на ней не лежали, а были вертикально забиты в землю, ровными спилами вверх. Надо сказать, остроухие строители постарались и поверхность была почти без бугров и ям. Улица вела к высокому, роскошному зданию в центре города. Если бы не непривычный материал, из которого оно было сделано, строение с полным основанием можно было бы назвать дворцом. Высокие башни со шпилями, колонны, резной фронтоном, балкончики и террасы.

– О-о, мы в Нарготроне, – непонятно чему обрадовался Жан Элиасен.

– Где?

– В Нарготроне – столице Равенора, а это дворец Арса, я рассказывал – легендарного короля эльфов.

– Того, которому много лет и который непонятно откуда взялся?

– Послан Изначальными богами, и он – бессмертен.

На ступенях дворца их ждали. Сразу бросался в глаза невысокий эльф в роскошной мантии из разноцветных перьев. Эльф был стар, очень стар, морщинистую кожу покрывали пигментные пятна, от некогда густой шевелюры осталось несколько клоков тонких седых волос, под руки эльфа поддерживали молодцы в перьевых накидках, но покороче и не таких пестрых.

По знаку провожатого группа остановилась.

– Король Арс? – шепотом спросил сэр Уилфред.

Ученый пожал плечами.

Но прекратили движение не все. Тахл продолжал идти, медленно переставляя ноги и внимательно вглядываясь в лицо старика. Наконец, подойдя почти вплотную к ступеням, остановился и он.

– Р-рауль? – прошептали губы Тахла.

– Ну, здравствуй, Ганимар, – грустно улыбнулся старый эльф.

Глава 18

– Когда очнулся, поначалу думал – корабль сбился и занесло на какую-то отсталую планетенку, из забытых колоний. Ну, ты помнишь, в последние годы их начали открывать пачками.

Я кивнул: мол, помню. Воспоминания в последние дни, даже часы возвращались огромными кусками, я не успевал даже обдумать или порадоваться. Тахл – я называл себя так, думал о себе как о Тахле, хотя носил это имя всего ничего. Ганимар, комиссар Ганимар – новое, точнее, за бы тое старое имя пока примерялось с трудом, словно юношеский пиджак или штаны, в которые ты пытаешься влезть в зрелом возрасте.

– Потом не без труда сообразил – я на Терре.

Рауль, или здесь – король Арс, поддерживаемый помощниками, провел нашу компанию в небольшие покои. После разрешения короля все буквально упали на широкие диваны, которые стояли по периметру. Набитые, видимо, травой, подушки на них шелестели, когда кто-то пытался устроиться поудобнее. Сам Арс опустился в широкое кресло в центре – эдакий мягкий трон. Надо же – Арс... Рауль, высоко же ты забрался и далеко...

По знаку морщинистой руки помощники оставили комнату. Хотя я не сомневался, что внимательные глаза следят за нами из потайных щелей или из ниши напротив, задрапированной красной бархатной портьерой.

Рауль издал серию звуков, похожих на тихое покашливание, – не сразу пришло понимание, что тот смеется.

– Я ведь сбегал от тебя, ну, после дела на Гваргле. Думал затаиться, отсидеться немного... вот, отсиделся.

Что можно было сказать? То, что я на Терре, в далеком будущем планеты, давно начал догадываться, но одно дело догадываться, а совсем иное – получить доказательства.

– Знаешь, сколько лет прошло? – Для меня вопрос был не то чтобы так важен, но все же.

Король Арс пожал плечами:

– У нас тут в ходу легенда о Великом Потопе, который был двадцать веков назад, хотя и до него, насколько я понял, мир жил не

лучше, так что... Изначальные боги знают. – Король грустно улыбнулся. – Видишь, проникся, еще бы, за столько лет. Кто бы мог подумать, что стандартные пассажирские криокапсулы прослужат несколько веков.

Мне вспомнился слоган: «В нашей капсуле вы можете пережить даже конец света!» Я процитировал его вслух.

Король кивнул:

– Вот и не верь после этого рекламе.

Помолчали. Остальные, отдышавшись, начали прислушиваться к нашему разговору.

– Ты вообще как? – Все еще не верилось, неужели эта развалина, эта живая мумия – тот полный энергии и задора закадычный враг Рауль, с которым я распрощался всего каких-нибудь пару месяцев назад.

– Как видишь... – Король развел морщинистые руки. – Когда освоился, начал собирать, объединять эльфов. Скажи, ты мог подумать, что я, лучший вор во всем секторе...

– Так уж и лучший. Были еще и Шалхуд Везунчик, и Весельчак Санье.

– Дай помечтать! Лучший вор – и стану заниматься подобным... Я и сам бы не поверил, расскажи кто. Нет, я мечтал заделаться правителем, эдаким царьком над богами и полицией на забытой планете, с отсталыми аборигенами и уступчивыми красивыми аборигенками. Но одно дело мечтать, зная, что это никогда не исполнится, и совсем другое – оказаться в подобном мире. Ежесекундно рискуя, пробивать путь к вершине. Выгрызть право на мечту, принимать решения, от которых зависит жизнь тысяч, набивать шишки и наживать врагов, и все это годами, десятилетиями. Но мне удалось, я создал место, в котором эльфы могут чувствовать себя дома.

– Легенда говорит, ты правишь несколько веков?

– Старая добрая криокамера, как ты там говорил: «пережить конец света». Периодически ложился, засыпал, потом вставал и разгребал бардак, который наворотили за время моего отсутствия. Но, – Арс снова развел руки, – как видишь, мое время, даже помноженное на возможности анабиоза, не бесконечно. Я доживаю, Ганимар – старый друг, вечный враг. Если бы... раньше мне сказали, что я буду рад видеть тебя... Атомные боги, никогда бы не поверил! Это удача, что

среди патруля, который отправился к месту сбитого дракона, был мой пра-пра... уж не знаю, сколько раз «пра» внук. Он знал мое настоящее имя, а когда услышал его, да еще твою историю у костра, сразу побежал докладывать. Настоящее чудо, что мы встретились. Кстати, каким ветром тебя занесло на Терру?

– А как ты думаешь? – Была в этом ирония, но смеяться не хотелось. – За тобой.

Король покивал:

– Вот – догнал.

– Да уж.

Снова помолчали.

– Это необычный, я бы даже сказал – странный мир. – Тысячи, сотни, миллионы вопросов крутились в моей голове, но один занимал больше других. – Ты заметил... хотя о чем я, конечно же заметил. Прimitивные, ну не то чтобы примитивные, но далекие от космических перелетов технологии, и вместе с тем – электричество, эти их Дворы Чудес, управление погодой в городах, квадрианские технологии.

Король начал подниматься. Оправдывая мои подозрения, из ниши тут же выскочила пара эльфов и помогла правителю.

– Пошли, чего покажу.

Мы с Раулем стояли у обыкновенного сарая, сложенного из глиняных кирпичей, с милой красной черепичной крышей. Учитывая окружающее царство дерева – весьма странно. Второй странностью было расположение постройки – посередине небольшой лужайки. Завершая парад необычного, у металлических дверей топтался рослый эльф, при боевой экипировке, даже магнитный пистоль за поясом.

– Не дороговато заряжать? – Я кивнул на пистоль. – До ближайшего атомного храма наверняка неблизко.

Арс покачал головой, то ли отрицая, то ли это старческое. Из складок накидки король эльфов извлек небольшой ключ, открыл им навесной замок на двери сарая. Оттянув дверь, вошел внутрь, призывая проследовать за собой.

Я вошел. Внутри помещение оказалось тем... чем казалось, – сараем. В таких обычно хранят инвентарь. Инвентаря не было, лишь голые стены и земляной пол с металлическим люком в центре. Верх

крышки люка – порядком закопчен, словно здесь часто жгли костры. Даже массивное кольцо, с помощью которого крышка открывалась, было в саже.

– Подземный ход? – Первое, что пришло на ум. Хотя рыть подземный ход в лесу, среди корней – то еще занятие.

Арс кивнул:

– Что-то вроде.

Из складок накидки он вытащил деревянную веточку, покрутив, бросил ее на крышку. Едва коснувшись металла, веточка тут же загорелась, причем пламя было неестественно ярким. Через несколько мгновений от ветки осталась лишь щепотка пепла. Дым ушел в дыру на крыше. Дерево так не горит, во всяком случае на воздухе, и не так быстро.

– Место силы, – произнес Арс, – уверен, ты о таких уже слышал. Помоги... – Он кивнул на кольцо.

– А не?.. – Сгореть заживо не хотелось.

– Не опасно, – понял меня король эльфов, – воспламеняется только дерево или производные от него – бумага, например.

Я опасливо дотронулся до кольца – ничего, даже холодное. Потянул на себя, крышка легко откинулась.

– Как понимаешь, в лесу, где полно деревьев, такая штука очень опасна, вот и пришлось обнести, но зато смог изучить.

Я с любопытством заглянул внутрь – небольшая яма, дно скрыто в темноте.

– Где же это... – На этот раз накидка родила фонарик, обыкновенный, электрический, такой видел у нашего сыщика. – Второе место силы в Равеноре позволяет заряжать электрические вещи, это ответ на твой вопрос о дороговизне. – Арс включил фонарь, осветил.

И я увидел... уже знакомое переплетение жил и электронных плат, свойственное квадрианской технологии.

– В другом месте силы то же самое. – Арс поводил лучом, позволяя рассмотреть получше. – Сообщения атомной почтой доходят из одного конца материка в другой мгновенно; храмы, где есть реакторы, снабжают электричеством близлежащие города и делятся с остальными храмами; Дворы Чудес исправно создают изменения, регулируется погода. Это сеть, не скажу, что она опутывает всю

планету, но довольно обширна – точно. Думаю, подобные места силы – узлы этой цепи, вроде синапсов в нейронах. Избыточный потенциал психической, электрической, уж не знаю какой, энергии выплескивается в виде различных чудес.

– Слышал, в последнее время чудеса усиливаются. – Я поднялся с колен, отряхнул штаны. С одной стороны, было любопытно, с другой – страшновато, ну как начнет гореть не только дерево.

– Усиливается, – кивнул Рауль. – В Браге, это на севере, место силы превращает свинец в золото. Пока только около грамма и на полный цикл уходит больше месяца, но представляешь, что это значит?

– Молекулярное преобразование.

– Атомное, ну да не суть. Все состоит из атомов, если научиться превращать их друг в друга – мгновенный синтез, из ничего.

– Ты так говоришь, словно в наше время не было подобных технологий.

– Были, и как раз квадрианцы развивали их; но для мира, подобного сегодняшней Terre, это сродни чуду, волшебству.

– Остается вопрос: откуда квадрианские технологии на Terre? Мало того что ранее их здесь было не больше, чем на остальных планетах, так они еще и запрещены. Или были запрещены в наше время.

Рауль кивнул.

– Что мы знаем о прошлом планеты? Ничего. Одно ясно – произошло нечто, повергнувшее ее в пучину варварства, ладно, не варварства, но откатило цивилизацию на несколько веков назад. Что это было – тотальная война, квадрианцы, какая-нибудь неизвестная раса захватчиков?

– Тогда где эта раса? – резонно заметил я.

Рауль отмахнулся:

– Дегradировала вместе со всеми или умерла от местных вирусов, кто знает. Я общался с атомными священниками, включая самых главных, даже они не в курсе, кто построил и оставил им все это. Один ответ – боги.

– погоди. – Я аккуратно вернул крышку люка на место. – Если есть узлы, есть сеть, она куда-то ведет. Где-то должен быть главный компьютер, который управляет всем этим.

– Должен, – кивнул Рауль, – и, возможно, у компьютера есть оператор, который нажимает кнопки, отдает команды, не знаю, составляет программы.

– Владыка мира?

– Или бог. Предвосхищая твой вопрос, мне не удалось отыскать ни компьютер, ни его оператора. Если он или они существуют, то хорошо прячутся, как минимум не высовываются, хотя я старался, очень старался.

– Главный атомный храм? Имеется здесь такой?

– Имеется, только кто ж меня внутрь пустит. Если оператор и сидит там, правление его довольно мягкое. В большую политику не лезет, местные царьки грызутся между собой как и сколько хотят, мне вот с Равенором никто не мешал, погоду опять же в городах поддерживает.

– Погода в последнее время начала портиться, и не только в городах.

– Да уж, – вновь кивнул Арс, – может, сбоят компьютер этот. Ладно! – Король эльфов хлопнул в ладоши. – Пошли к гостям, небось заждались. Опять же – обед скоро.

Глава 19

– А помнишь, как ты меня на Альвере прищучил?

– Это когда ты с бриллиантами герцогини пытался сбежать на корабле шахтеров?

– Старателей! Они называли себя – старатели. И на Альвере они старались – добывали алмазы. – Король Арс радушным хозяином развлекал гостей за завтраком, то же он делал и вчера за обедом и ужином. Развлечения сводились к историям из их с Тахлом совместного прошлого. Ни одного, ни другого не волновало, что большую часть рассказываемого гости все равно не понимали. – Альверские драконы жрут все подряд – от органики до минералов. Потом в их желудках все это превращается в алмазы.

– Не все, а только углерод, алмазы – это углерод... видоизмененный, – поправил Тахл.

– Никогда не был силен в химии!

– Это физика.

– И в физике тоже. Ну так вот, вместе с остальным... э-э-э... алмазы покидают организм драконов, что называется, естественным путем. В местах обитания стай там этого естественного – целые поля. И вот старатели лезут среди естественного, стараются, добывают, то бишь откапывают.

– Знали бы столичные модники, что они таскают на себе.

– То, что носят модники и модницы, уже не пахнет. А вот, как бы это... исходный компонент, а особенно те, кто его добывает, да и все, что их окружает, включая корабль... Без преувеличения, это был самый ужасный полет в моей жизни, честное слово, я серьезно подумывал: лучше бы ты арестовал меня.

Оба эльфа засмеялись, один молодым задорным смехом, второй отрывистыми звуками, похожими на кашель. Даниил посмотрел на Лиз, девушка сидела рядом, отрешенно жуя и мало принимая участия в общем веселье. Хотя Даниил и старался, ему так и не удалось заставить девушку одну и поговорить. Лиз словно избегала его.

Но как же ее слова на драконе: «Ты мне нравишься»? Хотя, по зрелом рассуждении, фраза значила мало. Даниилу тоже много чего нравится: запеченные колбаски, кошки (если рыжие), на перине валяться... А поцелуй?.. Он поцеловал, она ответила... Что это было? Минутная слабость, неконтролируемые гормоны, дружеское участие... Нет, они должны объясниться. Только Даниил не был уверен, что ему понравятся объяснения Лиз. Раньше он думал, что любая определенность лучше неизвестности, сейчас уверенности в этом убавилось. Пока девушка не ответила, можно было тешить себя надеждой.

– Кстати, – закончил смеяться король и обвел присутствующих внимательным взглядом, да таким, что стало понятно – он не просто так занимает свое место сотни лет, – мне докладывают, что приграничные патрули постоянно отбивают атаки измененных животных: крыс, собак. Атаки начались после того, как вы вошли в лес. Что-нибудь знаете об этом?

– Однако, некоторым образом. – Сэр Уилфред начал нервно подкручивать усы.

– Мы расскажем вам, – произнес инспектор Владимиров, – во всяком случае, что знаем, а выводы делайте сами.

– погоди! – Даниил поймал Лиз в коридоре.

Закончив есть, девушка поднялась из-за стола и чуть ли не бегом отправилась в свою комнату. Теперь Даниил уверился, что она избегала его.

– Что погоди? – Она попыталась вырвать руку, но он крепко держал ее за кисть.

Проходящий мимо эльф, из придворных, покосился на них, но, ничего не сказав, поспешно прошел мимо.

– Нужно поговорить.

– О чем?

– О... нас.

– О нас? Нет никаких нас! Есть ты, я и моя... миссия, будь она проклята! Завтра, ты слышал короля, завтра он выделит сопровождение, даст припасов, и мы с сэром Уилфредом пойдем дальше, в Амалорм.

– Слышал...

Именно к такому решению пришел старый эльф, когда они рассказали ему свою историю. Точнее, рассказывал в основном Владимир и немного рыцарь с Лиз.

– Инспектор и Жан пойдут с вами, я тоже пойду, если... если ты не против?

Как всегда в волнении, Лиз закусил губку.

– Я хочу, я очень этого хочу! Мне надо, чтобы ты пошел с нами, и вместе с тем я...

Послышались скрип доспехов и старческое кряхтение, из-за ближайшего угла вышел сэр Уилфред.

– О-о, Даниил, леди Лиз, я как раз ищу вас, хотел обсудить завтрашний... – Старый рыцарь подозрительно посмотрел на нее, его и их сцепленные руки. – Э-э... у вас все хорошо?

– Да! – Лиз наконец вырвалась, побежала по коридору.

Мужчины проводили ее взглядами.

– Кажется, я еще не рассказывал эту... гм... историю. Когда я служил в гвардии графа Ательстана, во время летних маневров, одних из, мы стояли лагерем под...

Даниил не слушал рыцаря, он думал о Лиз. Последнее время он уже не мог думать ни о чем другом.

Глава 20

– Два дня, говорит, будем в Амалорме через два дня. – Инспектор вошел в палатку, отряхнул плащ, разложил его на решетке у печки, крякнув опустился на шкуры.

Удобные штуки – решетка и печка, жаль, что тяжелая и дрова дорогие.

Барабанная дробь капли в ткань палатки сменилась сплошным шелестом.

– Однако, снова припустил. – Сэр Уилфред привычно подкрутил усы.

– Да уж.

Они были в пути уже третий день, и третий день дождь лил не переставая. Переходы между ливнем стеной и легкой моросью случались почти мгновенно и по нескольку раз на дню.

– Представляете, что, некоторым образом, в данный момент творится на дорогах? – Жан Элиасен, выбрав из кучи особенно крупное полено, начал заталкивать его в печь. Полено не лезло, ибо печь была полна, но ученый не успокаивался. – Как же это...

– Перевернется! – не выдержал Даниил. – Возьми поменьше.

Ученый недовольно засопел, но вернул деревяшку на место, взял другую, короче и уже. Хорошо, полено не успело заняться, иначе бы дым заполнил всю палатку.

Даниил проследил взглядом медное колено трубы, выходящее наружу. Нет, все-таки походная печь отменная штука, как и походная палатка, способная вместить печь, а заодно и немаленькую компанию.

– Однако, если везде такие же дожди, вместе с подтаявшим снегом, передвижение по дорогам несколько... затруднено, мне кажется.

– «Затруднено»! – Инспектор вытянул ладони к печи. – Если в других местах творится то же, что и здесь, дорог нет вообще. Кроме храмовой почты, никаких контактов между городами, а новости не очень-то питательны. Помножьте все это на беженцев, покидающих побережье, на армии, все равно какие – наступающие, отступающие. Воистину – конец света.

– Однако придет зима, ударят морозы, дороги восстановятся...

– Божьи Пелены над городами тоже снова начнут работать? Нет, что-то происходит. Что-то очень нехорошее.

Мысль инспектора была мало того что не нова, так еще высказывалась не в первый раз.

– Два дня, будем через два дня. – Еще Владимиров зациклился на времени прибытия в Амалорм, справляясь об этом по нескольку раз на дню. И каждый раз, после ответа проводников, он многозначительно смотрел на пару рыцарь – девушка. Вот и сейчас Владимиров уставился на сэра Уилфреда, который, развалившись, блаженствовал у огня, затем перевел взгляд на Лиз.

Наверное, Владимиров каким-то образом надеялся продвинуться в своем расследовании. Полицейский всегда полицейский, а одержимость пары Амалормом вызывала подозрения. Даниил и сам был не прочь получить несколько ответов.

– Хорошо, я бы даже выразился – отлично, что, некоторым образом, дорога, которую выбрали для нас наши... гм... сопровождающие, далека от грунтовой. Таким образом, дождь и прочие осадки нам не помеха. – Жан наконец засунул полено в печь и победно оглядел присутствующих, словно совершил величайший подвиг...

А еще хорошо, что король Арс снабдил их припасами, палатками, печками и сопровождением из дюжины эльфов. «Променяли одного на двенадцать», – как удачно или неудачно пошутил Тахл перед расставанием. Во всяком случае, для них обмен оказался выгодным. Мало того что все заботы походной жизни сопровождение взяло на себя, самое главное – эльфы отбили уже несколько атак измененных животных. Уродливых, как во Вриле, словно недоделанных, но, учитывая полное презрение уродов к собственной жизни, – весьма грозная сила.

– В нашу первую встречу, – Жан Элиасен, как и Владимиров, протянул руки к печи, греясь, – я, некоторым образом, поведал вам историю нашего... гм... мира, если помните.

– Я помню, что ты сожрал тогда весь гуляш, еще и куски пожирнее выбирал, – буркнул Даниил.

– Меня вообще с вами не было. – Выбрав из груды шкур самую мохнатую, инспектор принялся натягивать ее на себя.

– Я помню. – Голос Лиз был полон грусти, но как же прекрасен. – Вы рассказывали про Изначальных богов, как они создали людей,

эльфов и центаврийцев, а еще – Атомных богов, и болезни, и смерть, и любовь... – Голос девушки дрогнул.

– Все это так, – отчего-то смутился Жан Элиасен, – если помните, часть истории касалась так называемого зрителя, того, кто якобы поставлен Изначальными богами над нашим миром, управляет им, ну и все такое.

– И через тысячу лет умирает. – Даниил решил показать, что и он кое-что помнит. – Потом ты говорил про преемника, которого выбирает себе зритель.

– Все верно, преемника, – кивнул ученый. – По одной из... даже не знаю, как назвать: легенд, историй, городских мифов, существует орден, тайный орден.

– Естественно, тайный! – решил съязвить Даниил. – Серые правители, мировая закулиса!

Однако присутствующие, в том числе и Лиз, посмотрели на него укоризненно. Даниил замолчал.

– Что за обывательское мнение, почему, если тайный, сразу – теневое правительство! Тайны не означают власть!

– А что? – спросил инспектор.

– Ну... просто тайны... – недовольно посопел ученый, впрочем, долго предаваться этому занятию он не мог. – Вы сбили меня. Возвращаясь к ордену...

– Название у него есть?

– Нет, а если имеется, мне оно неизвестно. Так вот, якобы это люди и не люди, ибо, по преданиям, в орден входят лучшие представители всех рас. Они заняты подготовкой преемника, замены нового зрителя мира. Если разобраться, не лишено смысла, – затараторил ученый, явно опасаясь, что его перебьют, – ведь правитель, помимо обширного багажа знаний в экономике, политике, социологии, философии, естественных науках, ну и прочем, прежде всего должен обладать определенными моральными качествами. Ведь на его плечи ляжет бремя власти, сравнимое с божественной.

– Тысячу лет готовят? – Даниил не смог сдержаться.

– Наверное, кто-то подумает, что все вышесказанное предоставляет огромную власть членам ордена. Я же скажу – это куда большая ответственность. От выбора, воспитания, того, что они

заложат в зрителя, зависит, некоторым образом, будущее мира. Хотя, может, ничего от них не зависит...

Неожиданно Лиз резко вскочила и, закрыв лицо руками, выбежала из палатки.

– Э-э-э... – удивился не только старый рыцарь, но и все присутствующие.

Даниил побежал за ней.

То, что лилось сверху, уже нельзя было назвать ливнем, но это был все еще вполне приличный дождь. Фигура девушки замерла возле деревьев у обочины. Подходя к ней, Даниил замедлил шаг.

Лиз стояла спиной к нему, плечи ее вздрагивали. Он подошел, обнял, она тут же повернулась.

– Я... я не могу... – Слезы, капли дождя струились по лицу. Самому прекрасному лицу в мире. – Это мой долг, я должна, меня готовили, я знала, но я не могу...

Он гладил это лицо, вытирая влагу, но дождь и глаза рождали новую.

– Поцелуй меня, – произнесла Лиз.

И Даниил поцеловал. Как же он мечтал об этом, с первого поцелуя на драконе, как же давно и недавно это было. И как же нежны были ее губы! Деревья, дождь – все ушло на второй план, были только он и Лиз. Самая лучшая, самая желанная девушка на свете была в его объятиях.

– Я люблю тебя, – произнес он тихо, хотя хотелось кричать.

– Я тоже люблю тебя, Даниил.

Она любит! Она его любит! Как же замечателен этот миг и этот мир! Эта дорога, дождь, грязные палатки! Они снова поцеловались, потом снова.

– Нет, нет, так не должно, – шептала Лиз, чтобы в следующее мгновение шепот сменился словами любви.

Когда пришло время возвращаться в палатку, они промокли насквозь, но даже не заметили этого.

Глава 21

Учитель Мэй стоял на пороге храмовой пещеры, снаружи шел дождь. Учитель Мэй вытянул старые серебряные часы-луковицу,

откинул крышку, две большие стрелки почти сошлись на цифре 12. Когда последняя, секундная стрелка достигла ее, дождь прекратился. Мэй защелкнул крышку, потер почерневшее серебро об одежду.

– Знаешь, осадки когда-то шли сами по себе, не по часам, даже не по дням. Была в этой неопределенности какая-то романтика. Ты мог выйти из дома в солнечный день и попасть под дождь, абсолютно не готовый, без зонта, и промокнуть до нитки, а мог отыскать укрытие, спрятаться от непогоды и просидеть там всю ночь.

– Сейчас в остальном мире дожди идут без системы.

Позади его стоял ученик, он же первый помощник, секретарь, во времена болезни – сиделка, он же преемник и будущий Учитель.

– Знаю. – Мэй спрятал часы. – Я и подумать не мог, что именно на мое время придется такое... Как там наши гости?

– Патрули докладывают – на подходе. Одна группа уже преодолела Вестготский перевал и сейчас спускается к городу, вторая движется от Равенора, с запада тоже, скоро.

– Восточная и с севера?

– Не дошли.

Учитель Мэй кивнул:

– Скоро, скоро все изменится.

Путешественники вошли в город. Не было ни ворот, ни стражи, ни сияния Пелены, просто в какой-то момент по пути начали попадаться одинокие дома, дальше – больше. Когда начались тротуары и первые лавки, путешественники поняли, что уже в Амалорме.

Задолго до этого счастливого события проводники-эльфы вернулись в Равенор.

Владимиров не без тоски вспоминал уютную повозку. Остроухие оставили им лошадей, но одно дело полулежа и подремывая нежиться под теплыми шкурами и совсем другое – трястись в жестком седле, особенно когда не очень расположен к этому. Ныла спина, про задницу и говорить нечего. По ощущениям Владимирова, эти части тела превратились в одну сплошную мозоль, которая увеличивалась с каждой пройденной лигой.

«Надо худеть», – выскочила привычная мысль. Хотя, по зрелом рассуждении, связь между его весом и ощущениями ниже пояса прослеживалась весьма смутно.

– О-о, Амалорм, как я уже имел удовольствие упоминать ранее, Отто Герундус в своем труде...

«Чего они с ним так носятся? Город как город, в меру грязный, в меру шумный: люди, лавки, кабаки имеются, разве что стены нет, так это дело поправимое». Из упомянутого кабака как раз выходила парочка работяг, заметно навеселе, обнявшись ребята завилыли по переулку.

Может быть, единственная примечательность в городе – его расположение. Амалорм построили возле горной цепи, не то чтобы совсем у подножия, но, укрытые шапками снега, вершины каменных соседей придавали пейзажу некоторую экзотичность. Может, из-за гор, может, еще почему, едва покинули лес, дожди прекратились. Даже туч почти не было. Инспектор пришпорил коня, догнал рыцаря, ехавшего впереди процессии, рядом с Лиз.

– Итак, мы в Амалорме, что дальше? – Предполагалось, по достижении заветного города они получают ответы если не на все, то на большинство вопросов. Пока ответами не пахло, а пахло бессонной ночью от натертого седалища.

– Однако... ну-у, э-э-э... – Сэр Уилфред беспомощно посмотрел на девушку.

– Дальше, нужно где-то остановиться, поэтому едем к гостинице, – ответила вместо рыцаря Лиз.

– Однако, да, к гостинице! – обрадовался сэр Уилфред.

«Да он сам не понимает, что забыл здесь», – догадался инспектор. Хотя к гостинице – это хорошо, наконец-то слезть с проклятой лошади и заночевать в теплой постели. Не то чтобы ради этого стоило добираться до Амалорма, но все же.

Стук в дверь на пороге слышимости, больше похожий на шорох, привлек внимание Даниила. «Крысы!» – возникла первая мысль, но тут же ушла. Зачем крысам стучаться?

Пока ехали, пока поселялись, привязывали лошадей, потом ужинали, все это время Даниил думал о Лиз. «Она меня любит!», «Она любит!». Не раз и не два он ловил себя на том, что глупо улыбается. Иногда, намного реже, чем хотелось, ловил взгляд Лиз и ответную улыбку. Со стороны, наверное, выглядел как идиот, но и

пусть! «Она меня любит!» Хотелось кричать, сообщить об этом радостном событии всему миру!

– Джон Роуэл в «Сотворении мира», а также Понт Эвкийский...

Даже болтовня Жана раздражала меньше обычного.

И сердце отчего-то так колотится в груди, едва ли не громче стука в дверь. Даниил сделал шаг, хотел спросить: «Кто там?» – не спросил, он знал, кто там, знал, надеялся и боялся. Боялся ошибиться. Рука вспотела, он отодвинул щеколду и потянул дверь на себя.

За порогом стояла Лиз, девушка дрожала. Даниил обнял ее, втянул в комнату, закрыл дверь, их губы слились в поцелуе.

– Ты пришла!

Глупо, конечно, он – мужчина – должен был проявить настойчивость, сделать первый шаг, но это сделала она – хрупкая девушка. Она буквально отдала себя, рухнула в его объятия, ибо сил и решимости Лиз явно хватило ровно на то, чтобы дойти до его комнаты и постучаться.

Он покрывал ее тело поцелуями, она отвечала ему со страстью и безрассудностью, которая заменяла опыт.

– Я не могла не прийти.

А ведь верно, если бы она не постучалась, решился бы Даниил сделать несколько шагов к комнате девушки? До этой минуты Лиз для него была королевой, богиней, а она вот – совсем земная, рядом и от этого еще более желанная и любимая.

– Завтра, завтра все изменится...

– Завтра все изменится, – эхом повторила Лиз, но в ее голосе не было воодушевления.

– Что? Ты жалеешь?

– Нет. – Она грустно улыбнулась, погладила его по щеке. – Я люблю тебя, Даниил, и счастлива этим, но завтра действительно все изменится.

– Что, что изменится? Прекрати говорить загадками!

Лиз покачала головой:

– Это не только моя тайна, и совсем скоро она перестанет быть таковой.

Глава 22

– Снега растаяли, и вода заполнила город, первые этажи до половины, люди по улицам на лодках плавают.

– А за второй волной пришла третья. Говорят, теперь вместо Бенсалема голый остров, ни одной постройки не осталось.

– А фундаменты?

– На Бенсалеме не было фундаментов – скала. Возводили прямо на ней, за что и поплатились.

– Боги, Атомные боги покарали нечестивый остров за злодеяния!

По холлу таверны велись разговоры. Погодная тема волновала многих, если не всех. Те, кто что-то слышал или знал, спешили донести свои знания до остальных, остальные слушали, с жадностью впитывая сказанное.

– Я стою, а подо мной земля трясется. Земля! Которая всегда твердая и недвижимая! Люди из домов повыбегали, кто детишек несет, кто ценности какие, некоторые в чем мать родила.

– А бабы?

– Чего бабы?

– Ну, тоже в чем мать...

– Дурак ты!

– Сам дурак!

С утра компания путешественников спустилась в зал, заняв один из дальних столиков, у стены.

– Я бы сказал, матрас на моей кровати был несколько жестковат, – начал было Жан Элиасен, словно не он несколько ночей до этого ночевал в палатке.

– А у меня нормально, – с хрустом потянулся инспектор, – сразу вырубился.

– Однако, а как вы выспались? – обратился к Даниилу рыцарь.

– Хорошо. – Даниил почувствовал, как губы растягивает счастливая улыбка. – Очень хорошо, – взглянул он на Лиз.

Девушка смущенно опустила глаза.

– А вы, леди?

– Почти не удалось заснуть, мешали соседи, точнее – сосед.

– Однако это возмутительно, хотите, поговорю с ним...

– Не стоит, я уже поговорила.

Даниил почувствовал, как краснеет. Надо же, он и не знал, что способен на такое.

– Ветра такие, все сдувают, прям все! Деревья с корнями рвут.
– Как пошел дождь, так и не перестает, идет и идет. Первые этажи затопил, люди...

– Знаем, на лодках плавают.

– Смутные, смутные времена грядут.

– С Варосса осаду сняли. Какая война, когда и защитники, и нападающие по пояс в воде, да и жрать нечего.

– Варосс, – оживился инспектор, – вы там были, какие еще новости?

– Нет, сам не был, в Терружене останавливался, на тамошнем постоялом дворе рассказывали.

– Гуго VI – правитель Варосса, он остался при власти или переворот? Крысы, про тамошних крыс и их короля что-нибудь слышно? – не унимался полицейский.

Вопрошаемый – бородатый детина при рыжей всклокоченной шевелюре – почесал эту самую шевелюру, чем привел ее в еще больший беспорядок.

– Говорю ж – рассказывали...

– В Д'ельфах святая Пифая начала пророчествовать, – встрял сосед бородатого – худой носатый парень с острым подбородком, покрытым редкой порослью темных волос.

– Брешешь! – возвестили от соседнего столика. – Случился землетрус, источник иссяк, и Пифая перестала прорицать.

– Горячий источник снова забил! – важно возвестил носатый парень. – Так вот, Пифая сказала, мир движется к своему концу.

– Чтобы такое сказать, не надо быть пророком!

– Однако, помню, когда я имел честь служить в гвардии его сиятельства графа Ательстана и мы стояли лагерем недалеко от этих самых Д'ельф...

Даниил хотел сказать что-то вроде: «Сэр Уилфред, вы опять...» – но не сказал, ибо голос доносился откуда-то из-за спины. Сэр рыцарь сидел перед ним, молчал, но глаза старого вояки начали медленно округляться.

– Я и еще несколько рыцарей ради интереса посетили, так сказать, Пифаю... – между тем продолжал вещать голос.

Даниил обернулся, отчего-то медленно, словно опасался того, что увидит.

Через несколько столиков от них, у окна, в компании парочки молодых людей, в старинном, но еще вполне годном доспехе сидел рыцарь, старый рыцарь; блестящая лысина, редкий пушок седых волос, щегольски закрученные усы, бородка клинышком, рыцарь самозабвенно рассказывал свою историю.

– Так вот, эта самая Пифая...

Рассказчик почувствовал на себе несколько взглядов, оторвался от тарелки и увидел сэра Уилфреда.

– Однако, что за... – одновременно воскликнули старые вояки, ибо во всем, включая доспех и лысину, они были одинаковы...

Двое рыцарей стояли друг напротив друга. Вот один из них протянул руку, дотронулся до плеча стоящего напротив. Второй, словно в зеркале, повторил движение.

– Что-нибудь понимаешь? – шепнул на ухо Даниилу инспектор. Он также с удивлением наблюдал картину.

Жан Элиасен вообще замер с открытым ртом.

– Грасиоле в своем труде... своем труде, – рождалось беспомощное.

– Однако... – Один из сэров Уилфредов почесал затылок.

– Однако... – подергал ус второй.

Когда они стояли рядом, замечались некоторые отличия. У знакомого сэра Уилфреда были больше подкручены кончики усов, а борода более растрепана... Подкрути другой рыцарь усы и растрепли бороду, вояк не отличит и родная мать. Но даже не схожесть рыцарей поразила Даниила больше всего, в конце концов, почему бы старику не иметь брата-близнеца, даже если он ни разу не упоминал о нем. Говорят, в прошлом наблюдались более свободные нравы. Папаша сэра Уилфреда вполне мог прижить сына на стороне, так что ни жена, ни законный наследник не имели и понятия о грешке, а байстрюк вырос точной копией сводного брата... У сэра Уилфреда, их сэра Уилфреда, доспех пониже колена был пробит, на этом месте белела небольшая латка. Точно такая же латка красовалась под коленом у его близнеца. Вытертая краска доспеха образовывала на животе сэра Уилфреда довольно характерное пятно, точно такое пятно, на том же месте и той же формы, было и на кирасе другого рыцаря. Да что пятно, они были одинаковы, словно вылиты из одной формы, причем отливали сразу с облачением.

Даниил взглянул на Лиз, ожидая увидеть такое же удивление. Девушка не смотрела на рыцарей, опустив глаза она кусала губы.

– Ты?.. – Он хотел сказать: «Знала», но Даниила перебили.

Перебил коротышка в теплом халате, расшитом золотой вышивкой, надетом поверх длинной белой рубахи. Угольные волосы коротышки были заплетены в длинную косу; переброшенная через плечо, она доставала почти до пояса.

– Прошу прощения за некий мелодраматизм ситуации, – произнес коротышка негромким, но уверенным голосом, – не мог отказать себе в удовольствии посмотреть, так сказать, на реакцию. Итак, – коротышка хлопнул в ладоши, – все в сборе, почти все, прошу за мной. – Он направился к выходу.

– Но... – Даниил хотел спросить обладателя халата, кто он и почему раскомандовался, однако не обнаружил в себе ни сил, ни желания пререкаться, тем более что остальные, включая обоих рыцарей, покорно двинулись следом за незнакомцем.

Глава 23

– Здесь недалеко, пройдемся, – произнес коротышка на улице, – кстати, меня зовут Мэй, учитель Мэй.

– Однако... – начал было один из рыцарей, но замолчал.

– Как ваш путь? – Коротышка поравнялся с парнем и девушкой – спутниками брата-близнеца сэра Уилфреда.

Молодые люди были чем-то похожи между собой, нет, не внешностью. Девушка – блондинка с острым носом, парень – брюнет с крупными чертами лица. Схожесть была глубже и вместе с тем неуловимее – в манере держаться, одинаково кротких взглядах. Кого-то они напоминали Даниилу, и он почти сразу понял кого. Посмотрел на Лиз. Она держалась поодаль, старательно избегая смотреть в его сторону, или это ему казалось.

Парень, к которому обращался коротышка, опустил голову.

– Не довели.

– Крысы, – понимающе кивнул учитель Мэй.

– Да, крысы! – Спутница парня опасливо огляделась.

– Здесь их можете не опасаться, – успокоил ее коротышка.

– Учитель Мэй, – тихо обратилась к коротышке Лиз.

– Да, моя дорогая.

– Кто еще... дошел? – Голос девушки дрогнул.

– Кроме здесь присутствующих – западная группа. Однако, боюсь разочаровать, они также не в полном... составе.

– Остальные?

Мэй покачал головой:

– Надеемся, но боюсь, времени для надежд, да и для остального почти не осталось. Однако главное – вы здесь! Кстати, мы пришли.

Высокий забор почти скрывал находящееся за ним. Коротышка постучал в калитку рядом с воротами. Видимо, их ждали, потому что открылась она почти сразу. Молодой человек в халате с вышивками, но менее затейливыми, нежели у Мэя, с почтением поклонился:

– Учитель.

Мэй вытянул маленькую ручку, приглашая гостей вперед. Они вошли во двор. Даниил воспользовался случаем и подобрался к Лиз.

– Что? Что происходит?

– Я же говорила, это не только моя тайна. – Девушка по-прежнему избегала смотреть на него. – Скоро все узнаешь.

Перед гостями раскинулся комплекс одноэтажных построек. Центральное здание – единственное, у которого крыша была остроконечной, – соединялось кирпичными переходами с павильонами по бокам, те, в свою очередь, с соседними, за ними угадывались следующие постройки. Внутри наверняка настоящий лабиринт.

– Добро пожаловать в нашу скромную обитель. – Учитель протолкался вперед.

Даниил пока не понял – то ли это действительно монастырь, то ли коротышка шутит. Между тем они подошли к входу в центральное здание. Открыв двери, коротышка снова сделал приглашающий жест. Ничего не оставалось, как принять приглашение.

Сразу за дверьми раскинулся просторный и довольно неплохо обставленный холл. Ковры на полу, мягкие диваны по периметру, кованая люстра под потолком, драпировки на стенах с росписью золотом, схожей с вышивкой халатов местных. Но не обстановка поразила Даниила, да и всех вошедших. С одного из диванов навстречу гостям поднялась парочка: высокая девушка в накидке с капюшоном и старый рыцарь... точная копия сэра Уилфреда и его «брата».

– Однако... – на этот раз не нашел слов третий старик. Даниил заметил, что молодые люди, которые сопровождали рыцарей, в том числе и Лиз, обменялись кивками.

– Прошу садиться. – Мэй дважды хлопнул в ладоши. – Сейчас принесут чай, в такую погоду чай – лучше всего.

– Какой, к Изначальным богам, чай! – первым не выдержал инспектор Владимиров. – Объяснит, наконец, мне кто-нибудь, что здесь происходит?!

Даниил согласно кивнул. Вслед за ним, словно болванчики, почти синхронно закивали три рыцаря. В иных обстоятельствах это было бы смешно, как минимум забавно, но не сейчас.

– Что вам известно об устройстве мира? – Не дожидаясь гостей, Мэй опустился на мягкий диван, не без удовольствия откинулся.

– Ну... – Владимиров почесал лоб.

– Мне, мне известно! – Конечно же Жан Элиасен не мог остаться в стороне, он и так молчал достаточно долго. – Какая из теорий вас интересует, Свиридова или, может, консантианцев?

– Меня интересует истина. – Мэй благодарно кивнул молодому человеку, который появился, неся поднос с чайными принадлежностями. На нем были свободные светлые одежды, без вышивки. Он опустил поднос на столик, начал разливать напиток, подавая его гостям. Получив чашки, гости расселись. Даниил выбрал себе место поближе к Лиз. Старые рыцари, возможно подсознательно, разместились подальше друг от друга.

– Мне известны семь, так сказать, распространенных и наиболее логичных теорий об устройстве нашего мира, причем каждая из них претендует на истину. А также по меньшей мере дюжина бездоказательных и как бы менее логичных. Как, например, та, что наш мир не что иное, как панцирь гигантской черепахи, которая, в свою очередь, покоится на пяти слонах, которые, в свою очередь...

– В таком случае, возможно, вам будет интересно услышать о настоящем положении дел, – перебил ученого Мэй. – Может статься, оно сойдется с одной из ваших теорий. – Видя готовность ученого начать спор, учитель поднял руку, останавливая его. – А истина такова. – Перед тем как продолжить, учитель сделал плоток чаю. – Возможно, вы уже слышали историю сотворения, о том, что мир создали Изначальные боги, а создав, поставили так называемого...

– Смотрителя! – за Мэя закончил Жан. – Чтобы следил он за тем, что происходит на земле, высоко в небе и глубоко под землей. За всем сущим и несущим. Чтобы охранять мир, будучи ему отцом, матерью и опекуном. Чтобы день сменялся ночью, а ночь – днем. Чтобы в положенное время шел снег, а в положенное – дождь. Чтобы реки не сходили с начертанных путей, а моря не покидали отведенных берегов! – Ученый победно оглядел присутствующих. – Все это, так сказать, известно. В частности, Джон Роуэлл в своем труде приводит любопытную интерпретацию...

– Это правда, – спокойно произнес Мэй. – Смотритель существует, более того, в этот самый момент он смотрит за миром.

– Хреновато же он справляется! – не сдержался от язвительного замечания Даниил.

Мэй кивнул.

– Примерно раз в две тысячи лет мир меняется. Старый правитель как бы... уже не справляется со своими обязанностями. – Мэй снова сделал поток. – Тогда правителя меняют, и через двадцать веков в мир приходит новый Смотритель.

– Приходит? Вы хотите сказать – откуда-то? Спускается с небес?

Мэй покачал головой:

– Им становится человек, один из нас, из людей. Если этого вовремя не сделать, даже не знаю, что будет, – во всяком случае, мир, тот мир, который мы знаем, перестанет существовать.

– И сейчас пришло как раз такое время? – уточнил Жан Элиасен.

– Сами не видите?

– И кто же меняет этого Смотрителя, кто решает – достоин ли претендент занять место? Насколько я понимаю, новый правитель должен обладать некоторыми качествами, как то: мудростью, достаточным багажом знаний, терпимостью, милосердием, но и жесткостью...

– Меняем мы – я и мои ученики. А достоинства... все вышеперечисленное, наверное, должен, в идеале, однако первый и основной критерий – совместимость.

– Совместимость? Что значит совместимость? – на этот раз удивился инспектор Владимиров.

Мэй пожал плечами:

– Набор качеств физического и психического характера. Критерии совместимости придуманы не мной, я всего лишь наследник. Их оставил мне мой предшественник, а ему – его, и так до Великого Потопа, когда произошла последняя смена правителя. Но этот Потоп был далеко не единственный и не первый, Смотритель менялся уже несколько раз.

– Качества, критерии? И кто же составил перечень этих так называемых критериев? – В голосе Жана слышался сарказм.

Мэй вновь пожал плечами:

– Изначальные боги, – во всяком случае, мы так думаем. И мы уже спасали мир несколько раз, спасем и сейчас. Осталось не так много времени, но главное – дошел тот, кто должен был дойти.

– Уж не хотите ли вы сказать, что будущий правитель среди нас?

– Он среди нас, – спокойно произнес учитель, – точнее, она. – И Мэй посмотрел на Лиз.

Даниила словно ударили под дых, он повернулся к девушке:

– Ты?..

Не глядя на Даниила, Лиз опустила голову.

– Это счастье, что леди Лиз дошла, и, как я понимаю, немалая заслуга в том здесь присутствующих. Ее отыскивали еще в детстве и всю жизнь готовили к этой миссии. Скажу сразу, леди Лиз далеко не одна, у нас было несколько кандидатов, и все они к назначенному времени должны были прийти сюда, в Амалорм. К сожалению или к счастью, добралась только леди Лиз. Теперь она по праву займет предназначенное ей место Смотрителя... на следующие две тысячи лет.

– Но, Лиз... – Даниил взял руку девушки в свою.

– Я говорила, все изменится, – прошептала она.

Мэй еще что-то рассказывал, кажется. Кажется, с ним спорил Жан, задавали вопросы остальные, Даниил не слышал. Лиз, его Лиз, девушка, которую он любит, должна уйти! Хотя, с другой стороны, она станет повелительницей мира, проживет две тысячи лет; кто он такой, чтобы ради него отказываться от такого.

– Это не награда и не удача, – донеслись слова Мэя. – Смотритель перестает быть собой, тем человеком, который жил на земле. Его личность как бы умирает. Да, чтобы возродиться в новом качестве, но это уже другое существо и существование. Стать Смотрителем – жертва, величайшая жертва, но кто-то должен принести ее.

– А если бы Лиз не дошла? – Даниил не без удивления понял, что вопрос задал он сам.

– Дошли бы другие, всегда кто-то доходит.

– Но вдруг бы не дошла, чтобы вы делали с вашими Изначальными богами?

– Тогда Смотрителем стал бы кто-то из нас, – ответил Мэй, – из моих учеников. Однако не все так просто. Как я уже говорил, основной критерий – совместимость. Неподходящий человек может стать Смотрителем, но ненадолго: кто выдерживает пять лет, а кто сгорает за полгода, и тогда мир снова начинает сходить с ума. Такое уже было в одном из циклов. Тогда мои предшественники продержались полтора десятка лет, сменив дюжину Смотрителей, пока не отыскался и не подрос новый кандидат. Орден, к которому

принадлежит леди Лиз, как раз занимается поисками и воспитанием подходящих людей.

– Зачем тащиться через весь континент, – буркнул Владимиров, – нельзя было отыскать в Амалорме?

– Не стану вдаваться в подробности, но будущий Смотритель должен пройти этот путь.

– Убийства, измененные крысы тоже часть вашего пути?

Мэй поднялся, сделал несколько шагов, дотронулся до чайника.

– Холодный! – крикнул в пустоту – впрочем, не совсем в пустоту, тут же появился молодой служитель, с поклоном забрал поднос. Мэй дождался нового подноса и следующей чашки горячего чая.

Даниил смотрел, как Мэй пробует напиток, сам он не то что пить, дышать мог с трудом.

– То, что происходит со старым Смотрителем, можно назвать сумасшествием, – продолжил Мэй, – ровно это же случается с неподходящими кандидатами, но значительно быстрее. Одна часть Смотрителя продолжает управлять миром, насколько возможно в его состоянии, видимо, она же как бы понимает, что время пришло и пора дать место преемнику. Вторая – цепляется за жизнь, власть, всячески мешая этому процессу. Отсюда измененные крысы и другие животные, которые убивают потенциальных кандидатов. Это еще что, в одной из прошлых замен старый Смотритель разбудил вулкан и уничтожил целый город, в котором, как он предполагал, находился преемник.

– Но это же глупо – не один, так другой, не сейчас, так через десять лет, кто-то все равно придет.

– Глупо, но мы не можем знать, что творится в голове у существа, которое живет и правит миром две тысячи лет. Возможно, с его точки зрения – не так глупо, а возможно, это просто агония умирающего мозга, который изо всех сил и исходя из логики умалишенного цепляется за жизнь. – Мэй со стуком поставил чашку на стол. – Надеюсь, в некоторой мере любопытство удовлетворено, на сегодня, думаю, хватит.

– Одну минуточку! – произнес сэр Уилфред. – А как же с нами? Кто они, кто я такой? Я – это я?

Мэй вздохнул, снова наполнил чашку.

– Вы, конечно же вы. И снова вспомним легенду. Старую легенду о Керавне и его возлюбленной Мнеме.

– Знаю! – крикнул, естественно, Жан Элиасен. – Помните, я рассказывал! – Он победно посмотрел на своих спутников. – Они любили друг друга, но юноша ушел, став правителем... неужели вы хотите сказать...

– Да, Керавн был вторым Смотрителем и первым, кто сменил поставленного Изначальными богами. И его возлюбленная была той, кто основал орден Мнемозины, к которому имеет честь принадлежать леди Лиз и некоторые из присутствующих. Ну а вы, уважаемый сэр Уилфред, не кто иной, как ее дядя.

– Вот, я же говорил, не существует никакого графа Ательстана! – вновь торжествовал Жан. – Как и Талонии с Паэртуэйрой уже много веков не существует... Пойдите... много веков, а сэр Уилфред, насколько я могу судить, жив-живехонек, да еще и, как бы это... триедин.

– Сэр Уилфред, как и его... гм... копии, не что иное, как порождение Двора Чудес. Когда приходит время нового правителя, раз в две тысячи лет, Двор рождает сэров Уилфредов, с одной лишь целью – вырастить и довести новую Смотрительницу. Вы испытываете к вашим подопечным чувства, схожие с отеческими, но самое главное – вы жизнь отдадите за них, а значит – кандидатка прибудет на место. Это одна из теорий. Вторая утверждает, что таким образом Смотритель как бы намекает – скоро придет пора замены. Намекает, пока еще находится... в своем уме. Есть и третья теория, которая говорит, что вы, простите, сэр Уилфред, точнее, сэры Уилфреды, не что иное, как ошибка, следы старого воздействия второго Смотрителя, у которого с реально жившим сэром Уилфредом связаны теплые воспоминания.

– Какая же из теорий верна? – спросил Владимиров.

– А правду не знает никто.

– Однако, я же помню... осада Ковильяна, – прошептал один из рыцарей.

– Взятие Сантареля, – подхватил второй.

– Маневры в Фару, там еще была одна трактирщица...

– Вы покидаете Двор вместе с воспоминаниями, возможно, того, первого Уилфреда, может, нет, не знаю. Но мой вам совет:

наслаждайтесь, вы – живы, вот и примите это как дар Изначальных богов или Смотрителя, живите и радуйтесь. – Мэй поднялся. – Я все-таки оставлю вас, думаю, вам есть о чем подумать, а кое-кому, – он поочередно кивнул каждому из рыцарей, – и поговорить. Мои ученики покажут вам ваши комнаты, обед у нас в четыре по гонгу, в трапезную также проводят ученики, впрочем, можете остаться и принимать пищу в своих покоях. – Он отвесил общий поклон и удалился.

Глава 24

Комнаты выделили недалеко друг от друга. Даниил с трудом дождался, когда от Лиз выйдет слуга, или, если верить Мэю, ученик. Как только это случилось, он ввалился в комнату к девушке:

– Это правда?

Лиз присела на кровать, кивнула:

– Я говорила – сегодня все изменится. – Она сцепила пальцы рук так, что они побелели.

– Но... – Хотелось подбежать, обнять ее, а потом увезти, далеко-далеко, чтобы их не нашли ни Мэй со своими учениками, ни орден Мнемозины со своими принципами. – Ты можешь отказаться?

Лиз, не отводя взгляда от рук, покачала головой:

– Мир гибнет, и только я могу спасти его, как бы это ни звучало невероятно.

– Да к демонам мир... – Даниил осекся. Он здесь распинается, а хочет ли сама девушка остаться с ним? На одной чаше весов – божественное могущество, управление миром, на второй – он, не самый перспективный, не самый богатый, не самый молодой и симпатичный кандидат. Что он может предложить Лиз? Свои чувства? Неуверенность в завтрашнем дне и ночевки в палатках под луной? Размен, мягко говоря, не очень.

– Этот Мэй, или как там его, говорил про другие группы, других кандидатов, которые вышли, но не дошли, – забросил он пробный камень. – Может, еще дойдут...

– Может. – Кажется, голос дрогнул.

Вспомнились слова любви, которые шептала Лиз в его объятиях ночью. Как же давно это было! Даниил не выдержал, кинулся к

девушке, обнял ее, начал покрывать лицо поцелуями.

– Я не позволю, не дам, я люблю тебя!

Лиз заплакала, только сейчас он заметил, что до этого девушка сдерживалась с трудом.

– Когда меня... воспитывали, готовили для этого, я думала – правильно, это мое предназначение. Срок службы сегодняшнего Смотрителя подходил к концу, по многим признакам мы видели это. Я знала, что уйду в молодом возрасте, не создам семью, не испытаю радости материнства. Знала и давно смирилась с этим... так мне казалось до того, как встретила тебя. Теперь... теперь я не хочу уходить...

«Она не хочет, она хочет остаться со мной!»

– Но я должна, Даниил, должна! – Последние слова Лиз выталкивала из себя между всхлипами рыдания.

Даниил прижал девушку к себе, крепко-крепко, словно это могло помочь.

– Я не отпущу тебя, слышишь, не отпущу!

– Ты... я... что мы можем сделать.

– Кое-что можем. – Идея пришла ему в голову, как же он раньше...

– А помните, как после осады Ковильяна я... мы...

Сэр Уилфред замолчал – конечно, помнят, как и он.

– Да, знатно тогда покуролесил! – И они понимают его чувства сейчас.

– Однако я тоже люблю вспоминать Ковильян!

Со стороны посиделки троих вояк казались сродни встрече старых друзей. Есть что вспомнить, обсудить, восстановить события прошлого.

Но в том-то и дело, что они не друзья, они – один человек, размноженный на три. У них не только внешность, у них все одинаковое: прошлое, воспоминания, отношение к этим воспоминаниям, события, за которые стыдно, события, в которых было весело, и события, которые предпочли бы забыть.

Один начинает: «А помните...» – а следующее слово вызывает цепочку образов. Они помнят, конечно помнят, трое, как один. Уединившись, они думали обсудить произошедшее, но быстро поняли тщетность предприятия. Все, что могли сказать, каждый ровно это и

почти такими же словами уже подумал и сложил у себя в голове. В конце концов перешли на приключения недавнего прошлого – их пути в Амалорм.

– Мы дракона захватили, настоящего, представляете!

– Это что, вот на нас пираты напали!

– А у нас...

Ученик довел Даниила до покоев Мэя. Двери, как многое в этих павильонах, были стеклянные, раздвижные. Золотой узор покрывал прозрачную поверхность. Только сейчас Даниил осознал, что он схож с изображениями, покрывающими кубы Дворов Чудес. Те же шестеренки, молоточки, ровные прямоугольники с лапками.

– Учитель? – Провожатый отодвинул одну из створок, просунул голову внутрь. Получив разрешение, отступил в сторону, приглашая Даниила войти.

Мэй сидел за низеньким столиком, прямо на полу, перед ним лежал свиток с цветочным орнаментом и бурыми письменами на непонятном языке.

– Даниил, я не ошибаюсь? – Мэй доброжелательно улыбнулся, указал на пол с противоположной стороны стола.

Даниил решительно прошел, уселся.

– Я не хочу, чтобы Лиз становилась этим вашим Смотрителем, и она не хочет! – Он решил сразу зайти с главного.

Мэй свернул свиток, положил пухлые руки сверху, прижимая непослушный пергамент.

– Мне понятны ваши чувства, молодой человек, правда понятны, но на сегодняшний день других подходящих кандидатур у нас, увы, нет.

– Другие группы, они могут еще дойти.

Мэй покачал головой:

– Находясь здесь, в благополучном Амалорме, вам может показаться, что все относительно хорошо, еще есть время, однако должен разочаровать вас: времени нет. Старый Смотритель уже не управляет миром, каждый день задержки подобен смерти, и это не фигура речи. Пока мы с вами спокойно разговариваем, гибнут люди: в наводнениях, обвалах, в результате землетрясений, после цунами и

извержений вулканов, в конце концов просто от голода. Смотритель должен быть заменен завтра, в крайнем случае – послезавтра!

– Завтра-послезавтра! – опешил Даниил.

– Ваша группа добиралась слишком долго, надежда, что дойдут остальные, почти истаяла.

– Вы говорили, место смотрителя могут занять другие, ненадолго, но могут. Если найдется такой человек, который согласится им стать, пока не доберутся остальные группы или пока не подрастет следующий Смотритель, это можно будет устроить? – Даниил ждал ответа с замиранием сердца.

И Мэй снова улыбнулся:

– Я вижу, к чему вы клоните, молодой человек. Как я уже говорил, дело не в особом воспитании, склонностях натуры или свойствах характера, дело в совместимости. Сочетается ли кандидат с тем, что делает из него Смотрителя. Я сам не то что не до конца, я вообще не понимаю, почему один годится, а второй категорично нет. Например, я не подхожу и ни один из моих учеников тоже. Заняв место Лиз, вы, конечно, получите отсрочку на некоторое время, но что это вам даст? А если не дойдет следующий кандидат? К тому же ни я, ни кто-то другой не может предугадать, сколько вы продержитесь, пока не сойдете с ума. Хотя... – Мэй замолчал, явно что-то обдумывая, – я мог бы проверить вас на совместимость.

– Прямо сейчас?

– Да, это несложно.

Мэй поднялся, прошествовал к бамбуковому комоду, украшенному все теми же золотыми узорами, открыл верхний ящик, вытянул нечто похожее на опутанный жилами клубок с усиками сверху. Усики, кажется, шевелились, или это у Мэя дрожали руки.

– Прошу вас, не двигайтесь. – Мэй повернул клубок усами к Даниилу, что-то нажал в глубине, прищурившись всмотрелся в переплетение жил.

Даниил старался сидеть смирно. Отчаянно захотелось сменить позу или хотя бы почесаться. Наконец Мэй отвел от него штукину, снова положил ее в комод и вернулся на свое место за столом. Между бровями учителя залегла крупная складка.

– Странно, весьма странно.

– Ну, что там? – Даниил почесался и заерзал, устраиваясь поудобнее.

– Я бы сказал – неожиданно. Вы подходите, молодой человек, полностью подходите.

– То есть я могу вместо Лиз...

– Вместо Лиз, вместо кого бы то ни было, вы – такой же, как она, как остальные кандидаты. Вы можете спокойно, не опасаясь, так сказать, за свое здоровье, занять ее место. Неожиданно, весьма необычно.

– А если, ну, остальные дойдут или, в крайнем случае, вы вырастите нового, я потом смогу выйти?

– Если кто-то согласится занять ваше место – без проблем.

– И вы сделаете это, замените девушку на меня, вы ведь можете это?

– Если вы согласны, почему нет. Однако, как я уже говорил, времени не так много. Будьте готовы завтра, на рассвете, мои ученики проводят вас к месту... инициации.

– Я буду готов! Только Лиз ничего не говорите!

Мэй согласно кивнул.

Глава 25

– Где ты был? – Девушка была взволнована более обычного, что неудивительно.

– Гулял. – Даниил чувствовал себя виноватым. Он оставил любимую в состоянии смятения, одну. Но после разговора с Мэем Даниил ощущал потребность прогуляться, подумать, прояснить мысли. Нет, он ни мгновения не жалел о своем решении. Чуть ли не впервые в жизни он знал, что поступает правильно. Он делает это ради любимой, ради их будущего! И эта любимая вот, рядом, помимо его жертвы нуждается еще и в его утешении, участии, словах любви, в конце концов.

– Я искала тебя! – Лиз поймала его в коридоре, который вел к их покоям. – Пошли! – С неожиданной силой она потянула его в свою комнату.

Внутри она испуганно огляделась по сторонам, словно их могли подслушать.

– Ты виделся с Мэем, скажи, ты говорил с ним? – настойчиво зашептала она.

– Ну-у... э-э-э... да.

– Ты должен бежать! Сейчас, да, прямо сейчас! Вот, возьми. – Она вложила ему в руки тяжелый сверток с чем-то звенящим. Даниил развернул, внутри лежали столовые приборы: вилки, ложки, пара ножей. – Серебро! – последовало пояснение. – Разжилась на кухне, продашь, на первое время хватит.

Она ради него украла серебро, он ради нее жертвовал собой... ситуация напоминала старую притчу «Дары волхвов», не совсем, но близко. Девушка ничего не знала о его решении... или знала? Она спросила, виделся ли он с Мэем... пузан ей все рассказал? Он же просил хранить молчание! Даниил положил звенящий сверток на кровать, обнял Лиз.

– Все хорошо, все будет хорошо, тебе не придется оставлять этот мир, становиться Смотрителем.

– Знаю я! Ты решил пойти вместо меня! Это... это... Да, рассказал. Верь после этого людям!

– Это не опасно, Мэй сказал, я подхожу, так что побуду какое-то время...

– Ты ничего не понимаешь! – Лиз вырвалась из его объятий, рухнула на кровать, уткнула лицо в ладони. – Ничего не понимаешь... Это все из-за тебя, ради тебя. Я... я должна была... специально... моя роль... а ты вместо меня... – доносилось из-за рук сдавленное и малопонятное.

Даниил присел рядом, зазвенело серебро, он в раздражении сбросил сверток на пол. Обнял девушку.

– Я действительно ничего не понимаю, ты хочешь становиться этим вашим Смотрителем или не хочешь?

– Да при чем здесь я! – Лиз наконец отняла руки от лица, которое все было в слезах. – Ты, с самого начала это был ты! Наша встреча, там, в Вароссе, в таверне, была не случайна! Уж не знаю, как Мэй и настоятельница прознали, но именно ты, Даниил Кабалин, должен был стать Смотрителем. Ни я, ни сэр Уилфред не подходим для этого. Мы должны были отыскать тебя и любыми средствами привести в Амалорм, по дороге я должна была сделать так, чтобы ты влюбился в меня, чтобы потом ты сам, добровольно пошел в Смотрители. Не знаю, почему так важно, но ты должен был пойти на это по доброй воле. Крысы всегда охотились за тобой, Даниил, ты защищал не нас, но себя. И мы защищали тебя по мере сил.

– Что ты такое... – Даниил вспомнил нападение крыс во дворце больного короля Вриля. Ведь, действительно, Лиз тогда с ними не было. Потом он бежал через ночной город, чтобы спасти девушку, хотя на самом деле ей в этот момент ничего не угрожало... Бред! Она не в себе, она не понимает, что говорит. – Выходит, я что-то вроде избранного, – попытался он шуткой разрядить обстановку. Однако отчего-то после этих слов стало совсем не весело.

– Я не знаю, по каким критериям выбирают очередного Смотрителя. Возможно, в этом Мэй не соврал и действительно важна совместимость. Кроме тебя мы нашли еще дюжину человек. Кого-то сразу убили крысы, оставшихся вели в Амалорм группы, как наша, хоть один должен был дойти. Когда... когда я поняла, что влюбилась в тебя, я молилась всем богам, которых знала, чтобы дошли еще другие, чтобы Смотрителем стал кто угодно, лишь бы не ты. Но... добрались только мы. Две группы, ты видел их, потеряли своих кандидатов,

другие просто не появились... – Лиз снова уткнула лицо в ладони. – Теперь ты ненавидишь меня! Но лучше так. Беги, я прошу тебя, беги!

Даниил отнял ее руки от лица, покрыл соленые от слез глаза и щеки поцелуями.

– Я не ненавижу тебя, как ты можешь даже подумать такое, но вот кое с кем у меня будет серьезный разговор!

Он поднялся, нога зацепила злополучный сверток, тот снова зазвенел.

– Ты куда?

– Скоро вернусь. – Даниил машинально проверил, на месте ли меч и пистоль.

Инспектор Владимиров осмотрел себя – похудел, определенно похудел, и одышка стала мучить реже. Не так редко, как хотелось бы, но все же.

Итак, тайна раскрыта, кто бы мог подумать, что убийство портного в далеком Вароссе приведет его сюда. Это было не первое его раскрытое убийство, если позволят Атомные боги – не последнее. Почему же нет того чувства удовлетворенности, которое ощущаешь всякий раз, как закончишь сложное дело? Откуда внутри пустота? Последний раз он ощущал себя похоже, будучи ребенком, на свой восьмой день рождения. Он был уверен, что ему подарят самодвижущуюся тележку. Такая красовалась в витрине магазина игрушек. Отец спрашивал его, что он хочет, и Всеволод повел его к витрине и показал игрушку. Отец ничего не сказал, лишь кивнул и загадочно улыбнулся. Восемилетний Сева считал дни до заветного утра. Вечером накануне долго не мог заснуть, а когда проснулся... нашел возле кровати расписной имбирный пряник, большой. С той поры он ненавидел имбирное печенье. И навсегда запомнил чувство опустошенности, испытанное тогда. Когда тебя обманули в самом светлом, самом сокровенном! Вот и сейчас он раскрыл дело, хотя «раскрыл» не совсем то слово – получил разгадку, объяснение, а ощущает себя как тогда, в восьмилетнем возрасте, когда его обманули в лучших ожиданиях.

Как там Варосс? Комиссар Карелла, Ульрике, Крысиный Король, Марта... давно не вспоминал бывшую, а тут – вспомнилась...

– Ты обманул меня!

В проклятом лабиринте покои Мэя удалось отыскать не без труда. Еще и слуги, как назло, все запропалились, однако злость вела Даниила лучше любой путеводной нити.

Толстяк сидел на том же месте, свитка на этот раз перед ним не было, но стоял небольшой чайничек и чашка. Мэй окинул Даниила внимательным взглядом, кряхтя поднялся, прошел в угол комнаты, вернулся, неся вторую чашку, поставил, указал Даниилу на противоположный конец стола. Даниил демонстративно вытянул магнитный пистоль, со стуком положил на стол дулом к Мэю, сел.

– Ты обманул меня, – произнес немного спокойнее.

Перед тем как ответить, Мэй сделал глоток из своей чашки.

– Да, но разве это что-то меняет.

– В каком смысле? – опешил Даниил.

– Мир по-прежнему на пороге катастрофы, если кто-то в ближайшее время не займет место Смотрителя, он погибнет. Из-за того, что тебе известна правда, ничего не изменилось. Если погибнет мир...

– Так уж и погибнет! – грубо перебил Даниил.

– Мы не знаем, – согласился Мэй, – но не останется прежним – точно. А в процессе изменений мало кто поручится, что не пострадают близкие, даже родные тебе люди, как, например, Лиз.

– Это угроза?

– Это факт, и ты сам знаешь об этом. Еще, кроме Лиз, есть тысячи, миллионы людей – знакомых и незнакомых, которые нуждаются в тебе, как бы пафосно это ни звучало. Матери потеряют своих детей, дети – матерей, мужья – жен и так далее. Возможно, мир скатится в варварство, и во всем этом будешь виноват ты – Даниил Кабалин. Как бы ни храбрился, насколько бы толстая корка ни покрывала твою душу, ты не сможешь жить с этим, Даниил. В конце концов ты возненавидишь себя, свой выбор, но изменить что-либо будет уже поздно. – Не дожидаясь, пока Даниил обслужит себя, Мэй налил чай гостю, остаток плеснул себе.

– Но... почему, зачем это притворство – влюбить, потом моя жертва? – спросил Даниил уже спокойнее.

– Потому что Смотритель должен занять свое место добровольно. Не знаю почему, но это обязательное условие. Потому что в мире,

том, остальном мире, должен остаться кто-то, кто дорог Смотрителю, кого он должен беречь, о ком заботиться. Ваше путешествие тоже часть большого плана. Помимо того, что сопровождающая должна влюбиться в себя будущего Смотрителя, тот должен посмотреть страны, преодолеть трудности, и только после этого он становится готов.

– Трудностей у меня в жизни и без вас хватало.

Мэй пожал плечами, мол, не он придумывает правила.

– А в том, что я смогу... – гнев, который переполнял Даниила по дороге сюда, потихоньку улетучивался, – выйти... потом, ты тоже соврал?

– Если доберутся другие кандидаты и если кто-то из них согласится стать Смотрителем, ты сможешь уйти. Как и позже, если мы отыщем и вырастим нового кандидата. При условии, что он согласится заменить тебя добровольно.

– Честно?

Мэй развел руки: хочешь верь, хочешь нет.

– Про что вы еще соврали? Крысы, опасности в пути? Это тоже часть испытаний и плана?

– Крысы действительно порождение части разума настоящего Смотрителя, и он действительно пытался убить вас, не понимая, что отсрочка мало что изменит. Другая часть его же разума оберегала вас.

– Поэтому измененные не нападают на нас здесь?

– В Амалорме у Смотрителя нет власти, так установлено испокон веков. Собственно, поэтому он пытался остановить вас на подходах...

Он – Жан Элиасен – запишет, да, запишет все, услышанное здесь! Эти зазнайки из Академии лопнут от зависти, подавятся своими теориями, заплесневелыми, как и их мозги. Как они сами! А он по праву займет положенное место. Лучший среди лучших!

Его труд будут изучать, на него станут ссылаться. Имя Жана Элиасена станет в ряд с виднейшими умами прошлого: Герундусом, Полонием Младшим, Роуэлом, Миклахом. Да что в ряд! Над ними! Он, а не кто другой познал устройство всего сущего, и его долг, как ученого, поведать об этом остальным! Слава! Деньги! Почет! Он долго шел, и он достоин этого!

Когда Даниил покинул комнату, одна из полупрозрачных стен тихо отъехала в сторону, из ниши выступил смущенный ученик:

– Извини, учитель, она рассказала ему все, я не успел. Когда вернулся, кандидат уже был у тебя.

Мэй посмотрел на так и не тронутый Даниилом чай.

– Не вини себя, злость вела его. К тому же я был готов к визиту.

– Готов? – удивился ученик.

– Так всегда происходит, почти всегда. Чувства берут верх над разумом, девушки и парни влюбляют в себя кандидатов, но и влюбляются сами. Не удивлюсь, если те, кто не дошел, не погибли, а решили просто не продлевать путь.

– Но ведь это... глупо. Мир гибнет!

Мэй подумал, придвинул чашку Даниила к себе, отпил.

– Человеческая природа полна загадок и противоречий. Может, глупы наши потуги оставить все как есть, может, действительно, из руин, хаоса старого родилось бы что-то новое. По счастью или на горе, мы этого не узнаем, ибо сейчас у нас есть кандидат.

Глава 26

Четыре человека стояли на пороге пещеры. За городом к пещере вела едва приметная тропка. Подъем был весьма пологий, но путники все равно устали и остановились отдышаться. Дальше по склону рос самый настоящий, на вид непроходимый лес. В сравнении с соседними скалистыми горами, снежные вершины которых поднимались почти до облаков, их гора казалась покрытым мхом холмиком.

– Это... здесь? – Даниил опасливо заглянул в черный зев пещеры.

Мэй кивнул, тяжело дыша. Сопровождающий их ученик прошел внутрь, что-то сделал, и каменные своды озарились светом ярких ламп на стенах. Лиз, молчавшая всю дорогу, опустив глаза и переставляя ноги словно во сне, неожиданно кинулась к Даниилу:

– Нет! Послушай, ты не должен...

Юноша обнял ее, прижал к себе, поцеловал.

– Должен, и ты знаешь это.

– Знаю, – донеслось сдавленное.

– Пора. – Мэй прошел вслед за учеником, остальные – за ним.

Пещера оказалась неглубокой, противоположная от входа стена была ровная, к тому же ее покрывали уже знакомые узоры, искусно вырезанные прямо в камне. Мэй огладил резьбу пухлой рукой.

– Надо же, поколения учителей, тайна, хранимая тысячелетиями, и я... мне выпала честь... Для меня ведь это тоже волнующий момент.

Даниил продолжал утешать Лиз:

– Это ненадолго. Настрою погоду и вернусь, и вообще, может, еще дойдут другие группы. Если что, я даже могу побыть несколько лет, а потом выйти, когда, ну, подрастет следующий.

Лиз кивала каждому его слову сквозь слезы, сил на то, чтобы говорить, не осталось.

– Как я смогу управлять всем этим, когда окажусь там? – Даниил обратился к Мэю, который все еще гладил стену. – Нужно что-то знать, может, чего-то произнести, нажать.

Учитель покачал головой:

– Мудрость Изначальных богов безмерна: едва новый кандидат становится Смотрителем, знания сами появляются у него. Никто никогда не учил Смотрителя, да и разве можно научить этому.

Раздался грохот, словно тысячи громов разом ударили в небе, кажется, даже гора содрогнулась.

– Что? Что это было?

Ученик побежал к выходу, через мгновение он вернулся, бледный, будто обсыпанный мукой.

– Учитель... наверху... снег, лавина, она идет на город!

Мэй кивнул, словно ожидал нечто подобное.

– Не думал, что дойдет до этого. Старый Смотритель, не имея власти, не видя, что делается в Амалорме, решил просто уничтожить город.

– Сэр Уилфред! И остальные! – вскрикнула девушка. – Они же там, внизу!

– Наша обитель! – выдохнул ученик.

Даниил отстранил Лиз.

– Давайте поскорее, я попробую что-то сделать.

Мэй покачал головой:

– Не думаю, снег не остановишь, но ты прав, давай. – Казалось, Мэй также продолжал гладить резьбу, однако стена посередине неожиданно треснула щелью, затем с тихим шелестом две половинки

спрятались в скале, за ними было маленькое помещение с кругом в центре. – Встань туда, – указал учитель на круг.

Даниил в последний раз поцеловал Лиз, затем прошел внутрь, занял указанное место, повернулся к присутствующим, улыбнулся:

– До встречи.

Мэй ничего не делал, половинки стены встали на место, словно и не расходились.

– Что, что теперь? – шепотом спросил ученик.

– Подождем.

Лиз тихо плакала, на улице гремело, лавина вот-вот должна была обрушиться на город.

– Как вы думаете, наши... они же видят, успеют? – вновь зашептал ученик.

– Надеюсь и молюсь.

Лиз вскрикнула – перед лицом девушки, прямо из воздуха, соткался голубой цветок, запахло как после грозы. Цветок плавно опустился в подставленные ладони Лиз.

– О, Даниил, – прошептала она.

– Мир получил нового Смотрителя! – торжественно произнес Мэй.

Лиз всхлипнула:

– Даниил, лавина, прошу, останови ее!

Мэй покачал головой:

– Я же говорил, снег не остановишь...

– Учитель, слышите, – перебил его ученик, – что-то изменилось.

И действительно, грохот стал тише. Они выбежали наружу. Лавина – масса снега и льда, которая неслась с вершин и должна была засыпать город, – остановилась.

– Не может... – прошептал Мэй.

Было видно, что лавину держало голубоватое свечение, похожее на Божью Пелену.

Мэй, словно стараясь убедить себя, качнул головой:

– Это... чудо! Настоящее чудо. Но... законы природы...

– Даниил, ты сделал это! – Лиз прижала цветок к груди.

Эпилог

– Учитель, зачем вы соврали ему?

– В чем?

Они стояли у подножия горы, прямо под лавиной, сдерживаемой голубоватой дымкой. Лиз ушла в город, баюкая драгоценный цветок.

– В том, что он сможет выйти.

Мэй прищурился, вглядываясь в вал снега и льда над ними, который начал таять, разливаясь на ручейки – мелкие и неопасные. Вдохнул:

– Он может выйти, здесь я не обманул Даниила. Помнишь легенду о Керавне и Мнеме?

– Да.

– В этом все дело. Все могут, но никто не выходит. – Он снова посмотрел на лавину. – Ты заметил, лавина остановилась после того, как Лиз воззвала к Даниилу, так сказать, именем его.

– Главное – она остановилась.

– Остановилась, но почему? В нашем мире появилось нечто новое. Не вдруг – оно накапливалось, все эти магикусы, чудесные превращения в разных местах. Однако с приходом Даниила, со словами Лиз, подкрепленными чувствами, обрело силу. Или плоть. Теперь достаточно воззвать к новому Смотрителю, подобрать правильные фразы, настроение, может, место и время, и произойдет... да все что угодно может произойти.

– И что это значит?

– Это значит, ученик мой, тебя и твоих учеников ждут небезынттересные две тысячи лет.